

СМЕНА

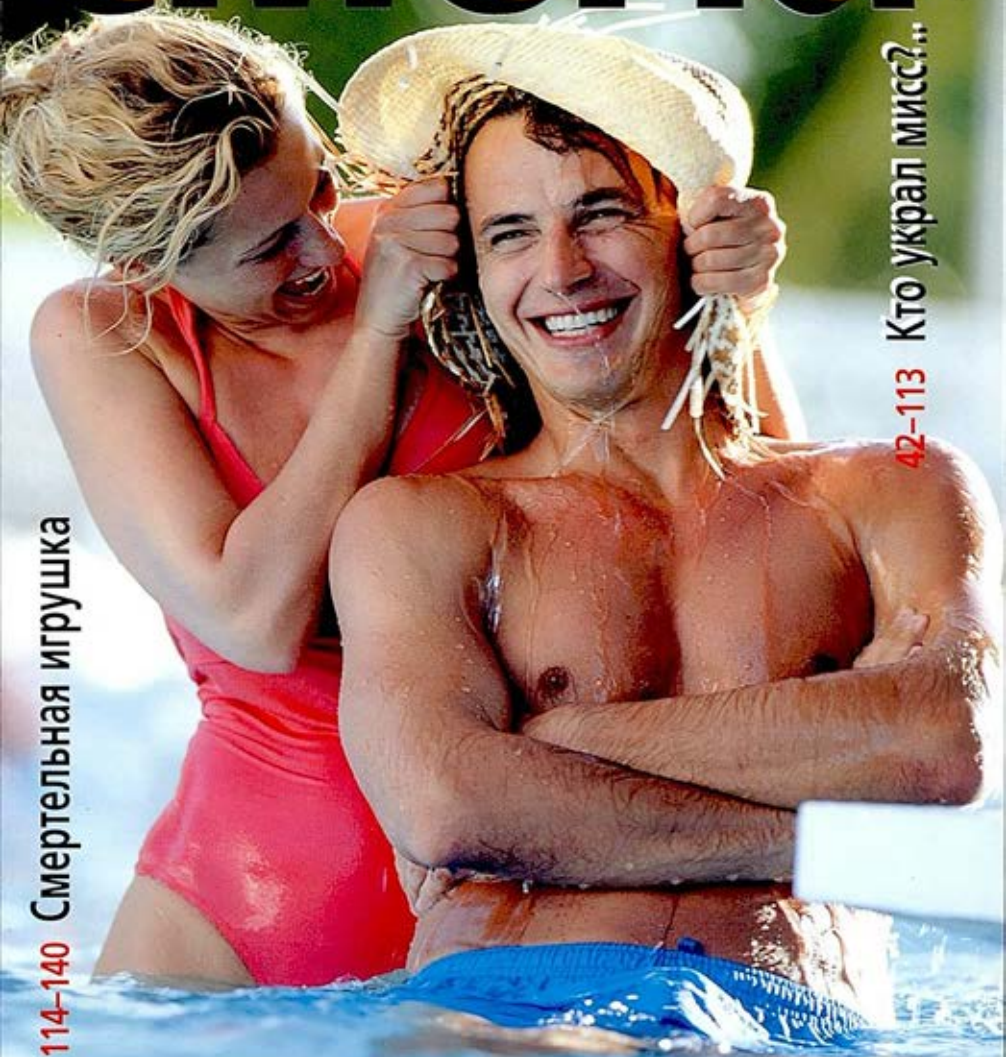
ИЮЛЬ 04

114-140 Смертельная игрушка

170-173

Молодой бульвар: "Спирали"

42-113 Кто украл мисс?...

Джакомо Балла
стр. 10-25

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

главный редактор

Михаил
Низилов

редколлегия

Николай
Левичев

главный художник

Виталий
Федоров

зам. главного редактора

Тамара
Чичина

2004
ИЮЛЬ (1677)

Сдано в набор 15.05.2004.
Подписано к печати 16.06.2004.
Печать офсетная.
Заказ № 9097
Тираж 50 000 экз.
Цена свободная

Адрес редакции:

Бумажный проезд, 14,
Москва, А-15, ГСП-4, 127994.

212-15-07 — для справок.

Факс (095) 250-59-28.

E-mail: jurnal@smena-id.ru

www.smena-id.ru

Отдел распространения:

257-31-37,

sales@smena-id.ru

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Per.№ 014832

Учредитель —

**ООО "Издательский дом
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки

не возвращаются.

Набор, верстка и цветоделение

ЗАО "НИИ НИТ"

Отпечатано в ФГУП "Смоленский

полиграфический комбинат"

по адресу: 214020, Смоленск,

ул. Смольянинова, д. 1.

Журнал выходит

12 раз в год.

© "Смена", 2004.

июль '2004

наследие веков

Игорь Опарин

4 Арарат

Софья Пискун

10 Джакомо Балла

▼ стр. 170

стр. 163 ►

стр. 10 ►

стр. 181 ►

издалека

Любовь Русева

26 Платить надо за все

расследование

Игорь Гамаюнов

35 Разрушенная тайна

остросюжетный роман

Дональд Уэстлейк

42 Кто похитил Сэсси Манун?

детектив

Светлана Бестужева

114 Смертельная игрушка

◀ стр. 142

▼ стр. 26

молодой бульвар

Максим Башкеев

142 Орлята учатся летать

Кирилл Подоляк

149 Трус умирает тысячу раз...

Полина Теслер

152 О, жизнь моя — консерватория!

Екатерина Постникова

158 200, 100, 50...

Пошел!!!

Маkсо-Мак

163 Игры от лукавого

Гульнара Умряева

167 Бей, пасуй, моя подача...

Ольга Быстрых

170 Пространство бездны...

Натерина Измайлова

174 Автошкола

Рассназ

Алла Пустынова

181 Бум в jeans'ax

Светлана Бестужева

КОМПРОМАТ ИЗ КОМПЬЮТЕРА

Он торжествовал. Он считал себя гением. От этого торжества даже тряслись руки. Или тряслись от желания как можно скорее воплотить свой замысел в жизнь? Точнее — в смерть. Если повезет, завтра все его страхи окажутся позади, и он начнет готовиться к новой жизни. Ему чуть больше сорока, он умен, хорош собой, у него будет все, чего он заслуживает на самом деле. А заслуживает он многого...

август '2004

АНОНС: 8

Тасарас

Густав Дорэ. "Полет библейского голубя".

■ Арарат — самая значительная вершина Армянского нагорья. Строго говоря, это две горы, слившиеся основаниями — Малый Арарат (3925 м) и Большой Арарат (5165 м над уровнем моря). Расстояние между ними — 20 километров. Арарат стоит на востоке Турции, близ границы с Арменией и Ираном. Масис (так называют армяне Арарат), легендарная гора, символ Армении, немой свиде-

тель страданий и трагедий, пережитых ее народом, ныне находится на территории Турции. Но история Арарата — не только часть истории Армении. С этой горой связаны древнейшие сказания и мифы сохранившихся до наших дней и уже давно исчезнувших народов, с этой горой связан и один из самых драматичных сюжетов Библии.

После изгнания из Рая люди постепенно заселяли Землю. Но были они отмечены печатью первородного греха. Тяжело трудясь, добывал человек себе хлеб насущный, и поселился в его душе злость. Люди убивали себе подобных в непрерывных войнах, каждый день приносил все новые преступления. И никто не слышал предостерегающий глас Господень. И тогда Бог решил истребить весь род человеческий и вообще все, что жило на Земле. Но все-таки не оставила Его надежда на то, что, может быть, новые поколения, очистившись от духовной скверны, смогут стать лучше и построить новый мир, в котором не будет места мерзостям и насилию. Среди погрязших во грехе только Ной вел праведную жизнь и оказался достоин милости Господа. У Ноя было три сына — Сим, Хам и Иафет, тоже праведники.

И вот построил Ной по указанию Божьему ковчег из дерева гофер, осмолил все щели. Длина ковчега, как указано в Библии, — триста локтей, ширина — пятьдесят, а высота — тридцать. И было у ковчега три палубы, и только одна дверь и только одно окно. Увидев, что Ной закончил строительство ковчега, Бог возвестил, что насылет на Землю потоп, и повелел Ною согнать в ковчег по одной паре от всех четвероногих, пресмыкающихся и птиц.

А через семь дней начался проливной дождь, продолжавшийся семь дней и ночей. Погибло все живое, и только Ной вместе с сыновьями и собранными на ковчеге животными уцелел. А потом дождь прекратился. Но еще сто пятьдесят дней не было видно суши. На седьмой месяц ковчег остановился у гор Араратских, а на десятый месяц показали вершины гор.

Несколько раз Ной выпускал голубку — первый раз она вернулась, не найдя места для отдыха; потом вернулась с оливковой ветвью, и это означало, что суша уже кое-где появилась, а потом голубка не вернулась вовсе, это означало, что вода сошла и суша просохла. И тогда Ной вышел из ковчега и построил алтарь, дабы возблагодарить Бога за проявленную к нему и его семье милость. И тогда Бог решил больше не наказывать людей и в знак мира повесил в небесах радугу.

Легенда эта имеет универсальный характер — она встречается в мифах самых разных народов (и у различных племен американских индейцев, и аборигенов южных морей, Австралии и у многих других), и, по-видимому, отражает действительное событие, потрясшее человечество и оставшееся в народной памяти.

В один из обычных серых лондонских дней скромный работник Британского музея Джордж Смит (1840-1876) приступил к расшифровке клинописных табличек, присланных из Ниневии и лежавших в подвале музея. Как же он был удивлен, когда оказалось, что часть древних вавилонских текстов — древнейшая шумерская поэма, сказание о герое Гильгамеше! Но когда Смит прочитал на табличках историю, по-

разительно совпадающую с библейским мифом о потопе — он был просто поражен! Смит тут же опубликовал статью о шумерском потопе, вызвавшую страшный скандал в среде клерикалов — как это так, кто-то посягнул на священные тексты Библии, кто-то посмел их сравнить с какими-то древними легендами каких-то шумеров! Священники ну никак не могли примириться с тем, что история Ноя была заимствована авторами Ветхого Завета у вавилонян. И тогда Смит отправился в Ниневию и отыскивал недостающие фрагменты сказания о потопе. В шумерской истории присутствуют многие детали библейского рассказа о Ное и потопе — и описания самого потопы, его длительность, и голуби, и описания горы, и основная идея мифа — потоп послан Богом людям в наказание за их прегрешения, а спасен был лишь тот, кто жил праведно. Шумерского Ноя звали Утнапиштим. Теперь, после этих сенсационных открытий, опровергнуть Смита оказалось трудно.

А затем в дискуссию внес свою лепту и археолог Леонард Вулли. Он занимался раскопками в Месопотамии. Вулли прорыл шахту в гигантской мусорной свалке, веками скапливавшейся у стен шумерской столицы, и на глубине четырнадцати метров обнаружил гробницы шумерских царей; погребения относились к началу третьего тысячелетия до н.э. Археологи стали рыть дальше, и под этим культурным слоем обнаружили толстый пласт ила — 3 метра, в котором не было никаких останков человеческой деятельности, зато под этим слоем они снова нашли

следы поселений, черепки от гончарных изделий и прочее, причем все найденное относилось совсем к другой культуре, чем то, что обнаружено до слоя ила. Расположение пластов можно объяснить только одним — какое-то грандиозное наводнение полностью уничтожило не известные нам поселения, а потом на эти земли после схода воды пришли уже совсем другие люди, заново заселившие Месопотамию и создавшие новую цивилизацию.

Ученые подсчитали, что для образования слоя ила в три метра на этом месте вода должна была стоять довольно долго на высоте около восьми метров. При таком уровне воды вся Месопотамия могла стать жертвой разбушевавшейся стихии, но все-таки это — не вселенская катастрофа. Однако для обитателей этих земель мир был мал и ограничен их родиной, вот потому им показалось, что Бог послал кару на всех, живущих на Земле. Так, по-видимому, и родился миф о Вселенском потопе, а потом он переходил из века в век — от шумеров к аккадцам, вавилонянам и другим народам.

Веру в реальность событий, описанных в мифе о потопе, подкрепляли свидетельства многих людей, живших в разные эпохи, которые якобы видели и слышали о том, что на вершине Арарата можно увидеть Ноев ковчег. Беросс, вавилонский летописец, в 275 году до н.э. писал о "корабле, который в Армении опустился на грунт" и рассказывал, что "смола с корабля соскабливали и изготовляли из нее амулеты". Древний историк Иосиф Флавий подробно рассказывает историю

Снимки, сделанные из космоса, предположительно, "Ноева ковчега".

Ноя и пишет: "Армяне называют гору Арарат причалом — это место, где ковчег остался лежать навеки. Одну часть корабля можно обнаружить еще и сегодня в Армении, из его смолы делают амулеты".

Однако совершить восхождение на Арарат осмеливались немногие, и не только из-за трудностей самого восхождения. Францисканец Одерих в 1316 году докладывал Папе: "Люди, живущие там, рассказывают, что никто не забирался на гору, поскольку это могло не понравиться Всевышнему". По верованиям местных жителей (курдов, армян, персов и турок) даже попытка подняться на вершину считалась делом богопротивным. А тех, кто осмеливался на это, карал и бог христиан, и бог мусульман. (Вплоть до XIX века местные жители свято верили в то, что Бог никому не позволяет тревожить Ноев ковчег.) В конце XV века мимо Арарата проезжал, направляясь в Китай, самый известный путешественник в мире — венецианец Марко Поло. В своей замечательной книге "Путешествия Марко Поло" он рассказывал: "Вы должны знать, что в этой стране Армении на вершине высокой горы покоится Ноев ковчег, покрытый вечными снегами, и никто не может забраться на вершину, тем более, что снег никогда не тает, а новые снегопады увеличивают толщину снежного покрова. Однако нижние начинают подтаивать". А в начале XVI века у Арарата побывал немецкий путешественник Адан Олеарий, и он тоже рассказывал: армяне и персы верят, что на вершине горы все еще лежат обломки ковчега, которые со временем становятся как камень. И действительно, на горе были найдены окаменевшие балки, которые в качестве останков ковчега сейчас хранятся в армянском монастыре Эчмиадзин.

Найти легендарный ковчег или то, что от него осталось — что могло быть заманчивее! И люди вновь и вновь пытались подняться на вершину Арарата... В 1834 году немец Фридрих Паррот поднялся на Большой Арарат и, как ему казалось, он увидел место стоянки Ноева ковчега. А в 1840 году в июле в этих краях Армении произошло страшное землетрясение. Город Аора на северо-западном склоне горы и монастырь святого Иакова исчезли с лица земли, погибли жители города и монахи, жившие в монастыре. Погибли и куски дерева, которые, как верили монахи, были когда-то частями Ноева ковчега.

В 1883 году турецкие власти после экспедиции на Арарат опубликовали заявление о том, что руины ковчега найдены. Возможно, пласты ледников сдвинулись и действительно обнажились какие-то части корабля Ноя. Но — вскоре случилось новое землетрясение.

Однако турки не оставляли своих археологических изысканий. Исследуя последствия стихийных бедствий, они обнаружили у вершины Арарата некое сооружение, напоминавшее корабль. Его балки торчали из ледника. Высота этого загадочного сооружения была около 17 метров, длина — 180. Турки проникли в то, что они приняли за отсеки, но дальнейшие исследования явно были опасны из-за возможности спада огромной льдины, и им пришлось уйти.

А потом в Турции забыли о Ное и его ковчеге — страну захлестнул поток насилия, жестокости, смертей. Началось то, что потом назвали армянским Холокостом. Вскоре после начала Первой мировой войны турки приступили к окончательному решению армянского вопроса, как немного позже немцы — к решению еврейского. Солдат-армян, служивших в турецкой армии, расстреляли, женщин, детей, стариков насильственно переселили в сирийские пустыни. Миллионы были вынуждены бежать, около миллиона погибли! Позже туркам удалось захватить две трети территории Армении, и тогда Арарат стал турецким...

Летом 1916 года лейтенант Росковицкий и его второй пилот пролетали над Араратом, наблюдая за передвижением отрядов турецкой армии в районе российско-турецкой границы. И вот на вершине горы, в ледниковом озере они заметили полусгнивший остов огромного корабля. Росковицкий написал большой, подробный доклад, который произвел сильное впечатление. Неужели русскому офицеру удалось обнаружить руины Ноева ковчега? Тут же приняли решение об организации экспедиции. Как замечательно найти легендарный корабль именно сейчас, в это смутное время, и сказать — вот он, знак свыше, Бог на стороне царя! Вроде, ковчег был действительно найден, обмерен, сфотографирован, но Россию уже захлестнули волны революции, в потоке событий — трагичных, кровавых, оказалось не до библейских легенд, и все уникальные материалы Росковицкого пропали! А его рассказ, не подкрепленный никакими докумен-

тами, ученые восприняли как мистификацию. А потом таинственным образом пропал и он сам — ходили слухи, что Росковицкий эмигрировал в США, но среди русской эмиграции никто его не встречал и даже не слышал о таком.

Мир продолжал жить, но покоя не знал — только люди успели немного прийти в себя после Первой мировой, началась Вторая. Тут уж не до розысканий библейских древностей. Однако уже с 1949 года мир вновь заговорил о Ноевом ковчеге — среди служащих ЦРУ многие видели фотографии так называемой "Араратской аномалии", и странные формы на этих картинках действительно напоминали огромный корабль. В 1955 году француз Наварро совершил восхождение на Арарат и извлек из-под льда Г-образный брус и несколько досок обшивки. Его находки были исследованы, и радиоуглеродный анализ, произведенный в США, показал возраст этих находок — 14000 лет, а исследования, проведенные в Бордо и Мадриде — 5000 лет! В 1960 году американцы, пилоты 428 эскадрильи НАТО, облетая Арарат, заметили сооружение, похожее на корабль, на западном отроге горы. В 1974 году в солидном журнале "Early Research Technical Satellite" были опубликованы фотографии Арарата, сделанные с высоты 4500 м. Ученые разных стран рвались в экспедиции на Арарат, но в 1974 году турки на несколько десятков лет запретили любые восхождения на святую гору, и дальнейшие исследования оказались невозможны. Запрет сняли совсем недавно.

25 февраля 1995 года "Майами геральд" рассказала своим читателям об особом заседании, в котором принял участие тогдашний вице-президент Эл Гор. Бравшимся на заседании продемонстрировали фотографии, сделанные со спутника ЦРУ. "Нечто, похожее на подводную лодку под ледяной шапкой", так описывали возбужденные журналисты непонятный объект, явно видимый на склоне Арарата. Что же это — легендарный Ноев ковчег или просто скала причудливой формы?

А 9 ноября 2003 года российский телевидение передало информацию о том, что российская экспедиция во главе с востоковедом Андреем Поляковым нашла нечто, напоминавшее судно: "Когда мы четвером поднялись на гору, и нам открылась панорама этого гигантского корабля, ни у кого не

осталось сомнений, что это и есть гигантский корабль Ноя. ... Реально — это окаменевшее дерево. По-видимому, во время последних землетрясений корабль как бы выдавило из земли. Сам ковчег размером примерно в футбольное поле. Недалеко от этого места мы нашли и якорные камни..." Правда, ученые Института стран Азии и Африки пока не спешат разделить уверенность членов экспедиции в том, что те действительно нашли Ноев ковчег. И вот 27 апреля этого года все информационные агентства мира передали, что на снимках, сделанных турецким космическим спутником, отчетливо виден гигантский объект, закованный во льдах. Ученые полагают, что это может быть легендарный ковчег. Видимо, сейчас, благодаря общему потеплению, ледяная шапка Арарата растаяла и обнажила корабль Ноя. В июле этого года группа американских и турецких ученых отправится в экспедицию на Арарат. Как же хочется, чтобы загадку эту все-таки разгадали! И вдруг легенда о Ное и его ковчеге перестанет быть легендой, а станет частью нашей истории...

У армян живет предание о святом Якове. Жил он отшельником в одном из араратских ущелий. И вот решил однажды Яков сам подняться на гору искать ковчег. Но всякий раз, стоило Якову прилечь отдохнуть после тяжкого восхождения, ангел носил его сонного и уставшего назад, в его жилище. Несколько раз пытался Яков подняться на гору, и все безуспешно. Но Господь все-таки сжалился над ним и послал ему ангела, который явился Якову во сне и сказал: "Яков, Яков! Бог услышал твои молитвы и исполнил твою просьбу. То, что у ног твоих, есть часть ковчега. Возьми это, и не пытайся идти выше — так угодно Богу". Проснувшись, нагнулся Яков и увидел — лежит доска, будто отрубленная от большого дерева. Взял он ее и отправился в обратный путь. И по сей день верят армяне: те куски дерева, что хранятся в Эчмиадзине, как раз и есть подаренные Богом Якову.

Ясным утром, когда воздух еще прозрачен, и облака не заслоняют вершину, вся гора хорошо видна, и если пристально вглядываться, то кажется, что там, на самом верху, стоит на вечном причале огромный корабль, ковчег, на котором Бог позволил спастись от неминуемой гибели тому, кто жил праведно и дарил добро людям... ■

Джакомо БАЛЛА

Джакомо Балла — это “полярная звезда футуризма и отец итальянского дизайна XX века”, так сказала о нем известная во всем мире модельер и коллекционер Бьяджотти-Чинья, посетившая ретроспективную выставку работ семьи Балла в Риме. К тому же Балла не только талантливый художник-живописец, дизайнер, он и глубоко мыслящий человек, посвятивший свою жизнь поискам искусства в свете, в движении, в состоянии души.

Джакомо Балла родился 18 июля 1871 года в Турине в семье химика и любителя фотографии Джованни Балла и Лючии Джаннотти. Его отец умер в раннем возрасте, и мальчик вынужден был по окончании школы работать в мастерской литографии, одновременно занимаясь рисунком и живописью. Из-за чрезмерной нагрузки он пережил сильное нервное истощение и в 1891 году оставил мастерскую, целиком посвятив себя искусству. Несколько месяцев он учился в Академии Альбертина в Турине. В 1895 году Балла переезжает в Рим и живет там до конца своей жизни. В первые годы пребывания в Риме он зарабатывал себе на жизнь рисованием карикатур и оформлением упаковок, регулярно участвуя в выставках Общества любителей и почитателей искусства. В этот период он пишет картины на социальную тему (технический прогресс, индустриальные пригороды), которые в дальнейшем получили свое развитие в футуризме.

В 1900 году Балла посетил Париж, жил он у своего друга иллюстратора Стефано Маккиати, где изучал работы французских неоимпрессионистов Ж. Сёра и Поля Синьяка. Живописный метод, изобретенный Сёра, основывался на том, что работа над картиной велась мелкими отдельными мазками-точками чистого цвета. Этот метод получил название дивизионизм или пуантилизм. Балла стал последователем этого метода. Увлечение пуантилизмом, где восприятие картины усиливалось за счет оптического эффекта, был знаком Балла еще из фотографии, основы которой он познал от отца уже в раннем возрасте.

Одержимый творческими замыслами, Балла вскоре вернулся из Парижа в Рим. Познакомившись с молодыми художниками Сирони, Северини, Боччони, он возглавил пуантилистскую группу. Выбор такой живописной техники, как пуантилизм, означало, что Балла пошел не по традиционному пути, а по пути размышления, поисков нового. Некоторые работы в этом направлении он выставил в галереях Италии и Германии. Это картины: “Крах”, один из его шедевров, “Один день рабочего”, “Автоплечо”, представляющие собой новаторские произведения. Так, например, в картине “Автоплечо” изображен автопортрет с замещенными частями тела художника-ученого. Психологический образ челове-

ка передается взглядом на человеческое тело хирургом-анатомом. В это же время Балла серьезно увлекся фотографией, что наложило свой отпечаток на все его творчество. Работая над портретами в технике пуантилизма, художник на основе опыта в фотографии использует массу технических возможностей и композиционных решений. Он создает портреты, где явно подчеркивается аналогия с возможностями фотографии. Так, например, гигантизм пропорций, усиливающий психологизм портрета, чувствуется в "Портрете матери" или кон-

центрация на внешне невыразительных деталях, таких, как в картине "Автоплечо".

В 1904 году он пишет "Портрет женщины", где применяет традиционный подход, и с помощью пуантилистского мазка создает световой эффект. В картине же "Ограда Боргезе" — абстрактная композиция, которая построена за счет вибраций живописного метода пуантилизма. Сюжетом картины являются не просто лужайки, а создается образ весенней природы, такой, как ее воспринимает сам художник. В 1906 году Балла пишет картину "Женщина на Вилла Боргезе", где впервые чувствуется лирический настрой художника и нет влияния фотографии. Он создает еще несколько лирических работ, а в серии пейзажей на тему Вилла Боргезе придумывает даже лирические названия, например, "Поют деревья". Вероятно, на его поэтический настрой оказал влияние его друг Пеллицца да Вольпедо. И спустя 12 лет, будучи уже страстно увлеченным футуризмом, он продолжает писать с поэтическим настроением. Это серия работ "Весенний", "Пробуждение весны" и целый ряд других.

26-летним юношей он знакомится с Элизой Маркучи, которая впоследствии стала его женой. Почти семь лет в силу разных обстоятельств Балла то встречается, то расстается со своей возлюбленной, часто с ней переписывается. Письма пишет как любовные, так и деловые. Балла обо всем рассказывал Элизе, будь то удача или не-

удачи, или новые поиски в творчестве. К примеру, его волновали такие проблемы, как световой эффект, структура композиции картин; и обо всем этом он писал своей невесте, находясь в Париже. Вот несколько слов из его письма: "Чувство картины заключается в типе линий, предметов и света". В 1904 году он, наконец, женится на Элизе и переезжает вместе с ней из небольшой квартиры в дом напротив Вилла Боргезе, где живет до 1926 года. От Элизы он имеет двух дочерей Луче и Элика. Балла всячески старался привить дочерям любовь к ис-

куству. И девочки стали художницами, а после смерти отца хранительницами его наследия и памяти, которым они посвятили всю свою долгую жизнь. Несколько лет тому назад обеих дочерей не стало.

В 1910 Балла вместе со своими учениками Боччони, Северини и Сирони подписывает "Манифест художников-футуристов", подтверждая этим свою причастность к авангардистскому течению. К тому времени Балла становится уже известным художником, а его мастерская центром притяжения для художников-футуристов (ранее центр находился в Милане). В отличие от миланцев, живопись Балла всегда отличалась научным объективизмом и, прежде всего, его интересовала физика движения и аналитические формулы динамизма. Вокруг него сложилась группа художников-футуристов, среди них — Дж. Галли, Бернини, Р. Заткова и многие другие.

В конце 1910 года Балла пишет значительную работу "Вилла Боргезе", состоящую из пятнадцати отдельных панно. Это монументальное произведение Балла задумал для футуристических выставок, но на эти выставки оно не было допущено из-за критических высказываний его же сподвижников. Замысел Балла состоял в том, что ни один из его рисунков не должен совпадать ни в одной своей детали с рисунком смежным, что усиливало своеобразие каждого панно, делая его уникальным. В то же время в этом произведении по своей концепции больше было общего с фотографией, чем с выразительными новшествами в футуризме. Балла потерпел фиаско и не был допущен до выставок футуристов, проходивших в 1911 году в Милане и в других европейских странах. Однако в том же году он принимает участие в художественной экспозиции на Всемирной выставке в Риме. Балла представил на выставке пастели и картины (написанные маслом) римских окрестностей и несколько портретов; причем портрет мэра Натана и портрет господина Кана Шпейера, австрийского банкира, ничем не отличались от произведения "Вилла Боргезе", тот же язык фотографии и лишь незначительный динамизм действия в его персонажах. Интересно, что Кан Шпейер, чей портрет он представлял на выставке, был отцом ученицы Балла, которая вышла замуж за немецкого скрипача Артура Левенштейна, и он заказал Балле оформить комнаты виллы его семьи в Дюссельдорфе. Это был интересный проект в виде его знаменитых "радуг" (радужных взаимопроникновений), как возможный сюжет картины, но нес он декоративную функцию. В рамках этой же выставки, проходившей в Риме, группой людей, выступающих за улучшение условий жизни крестьян, была предложена деревенская тема. Балла представил на эту тему серию этюдов с крестьянами, этюды с пейзажами и портрет Толстого. В портрете

Толстого уже присутствуют элементы футуризма, такие как динамические линии, изгибающиеся на фоне скрещенных плугов, яркий мажок, очерчивающий лицо и бороду, белые мазки вокруг фигуры.

Балла в творческих поисках ищет свою собственную концепцию в футуризме, свой новый выразительный язык, не желая пассивно опираться на созданное своими бывшими учениками. Он намеревался научить мир новому способу чувствовать: "Мы футуристы(...) хотим реализовать это полное слияние для того, чтобы перестроить мир, сделать его более веселым, полностью заново сотворить его... Мы дадим скелет его и плоть невидимому, неосязаемому". Эти слова из манифеста "Футуристская реконструкция универсума", подписанного вместе с художником Деперо (на основе указаний лидера и теоретика футуризма Маринетти) в 1915 году, говорят о том, что Балла наиболее созвучно выражал новое футуристическое видение, считал, что уже недостаточно представлять движение или жизнь на картине или в скульптуре, необходимо "одвигать" само искусство, сделать его живым, подвижным, найти связь между искусством и жизнью. И Балла со свойственной ему фантазией и творческой отдачей работает в новой сфере, в сфере прикладного искусства и, в частности, над формой новой одежды, как мужской, так и женской. По мнению Балла, футуристская одежда должна быть свободной в движениях, динамичной, простой и удобной, радующей и разнообразной. В конце десятих и начале двадцатых годов он разработал несколько моделей костюмов, в том числе женских. Например, платье для старшей дочери Луче из шерсти в бирюзовых, черных и белых цветах. Он не только разрабатывал костюмы, но и галстуки со вставками из целлулоида и электрическими лампочками, а еще одевал участников "акций" в Постоянной Футуристской Галерее. Сам Балла любил одеваться в разноцветные шерстяные пижамы, пиджаки. Мужскую и женскую обувь на каждый день художник создавал только для себя и дочерей. Большое внимание уделял шарфам, которые широко использовались для придания одежде большей динамичности, а также головным уборам, особенно женским...

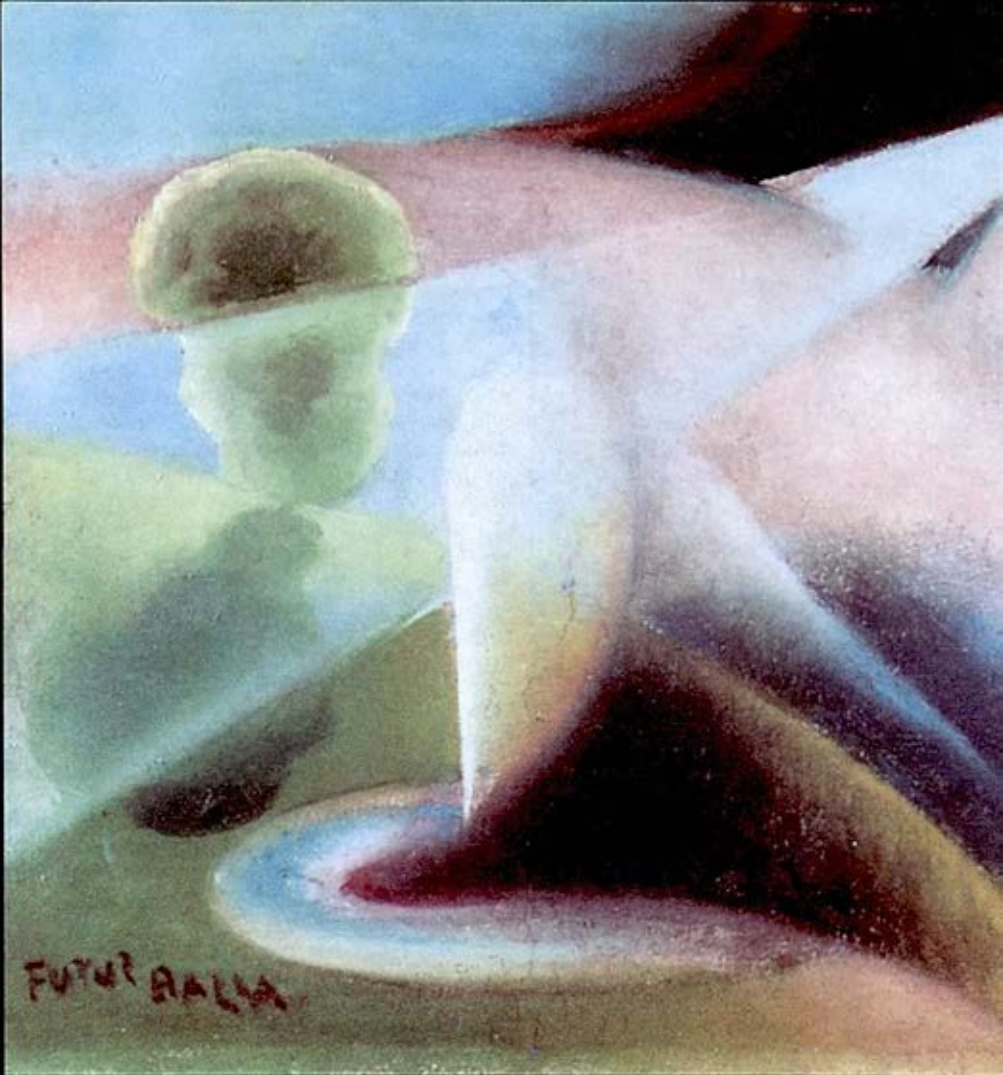

Интерес Балла к "футуристской реконструкции" одежды особенно сильно проявлялся в двадцатые и в начале тридцатых годов, и направлен, в основном, на женскую. Его модели выполнялись в семейной мастерской руками старшей дочери Луче, которая много занималась вышивкой и созданием гобеленов из тканей.

В 1930 году Балла создал целую серию эскизов блуз и свитеров, поражающих богатством фантазии, кстати, они актуальны и по сегодняшний день. Самому Балла и всему футуристскому движению, работавшему в области моды, не хватало компромисса перед запросами рынка, поэтому их творчество приобретало еще более авангардистское "звучание", их идеи просто шли далеко вперед в сравнении со вкусами времени. Вот что писал Балла в манифесте по поводу одежды: "Будет струиться из всего этого ошеломляющее разнообразие одежд, которые расцветят неудержимой радостью города, даже если их жители полностью лишены воображения и чувствительности к цвету. Эта динамичная радость одежд побежит по шумным улицам, среди возвышающейся футуристской архитектуры, умножит повсюду сияние и блеск, как на витрине ювелира. Внутри нас будет постоянно твориться объемная акробатика красок, которые станут порождать со все возрастающей футуристской чувствительностью бесчисленные новые абстракции динамических ритмов".

Балла любил всегда сам продумать каждую деталь оформления собственной жизненной среды, от помещения до любой житейской мелочи. Художник Доттори писал в своих публикациях о Балла, посетив его дом: "В Балла все взаимосвязано, гармонично, цельно. Вы убеждаетесь в этом сразу, как только звоните в его дверь с оригинальной разноцветной вывеской, с того момента, как видите его в

своей мастерской в куртке, фасон которой он сам разработал, когда вы наблюдаете все те предметы, что его окружают и которыми он пользуется, каждый день или иногда, от молотка до подрамника, от пепельницы до коробочки для гвоздей, все создано им или, по крайней мере, хотя бы одним мазком он придал этим предметам свою особую оригинальность; вплоть до рам и названий картин, являющихся симпатичнейшим и необходимым дополнением ко всему этому". В своей жизни Балла не раз менял дома, где он проживал, и многие его друзья поэты, писатели с восторгом, красноречиво описывали дом Балла в своих произведениях. Друг художника поэт Франческо Канджулло в своих "Футиристских вечерах" вспоминал: "...дом Балла весь сияющий и переливающийся красками, с залитыми со всех сторон солнцем окнами, в любое время дом Балла, пронизанный воздухом и щебечущим голубым небом... его кабинет, застав-

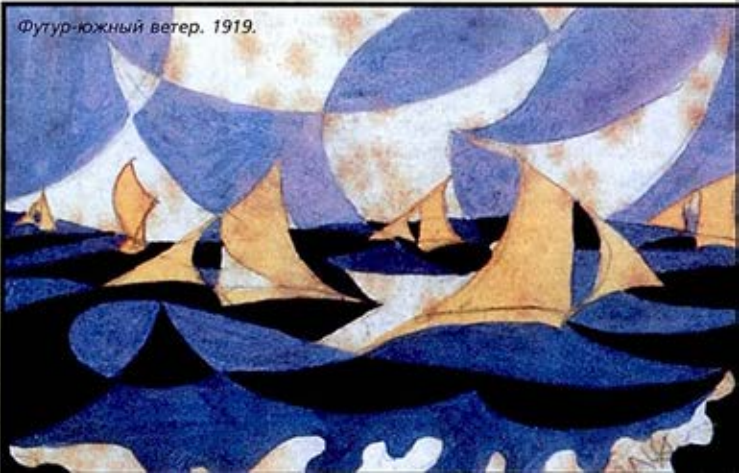

ленный гениальными картинами, динамическими конструкциями, самой дьявольской архитектуры, чудесами всяческой магии... Столовая с желтыми, зелеными, красными тарелками, фиолетовыми и сиреневыми чашками... Весь набор самых пылающих красок в этом доме! И его этюды, наброски, работы, пробники; и гитара Балла, футуристская и ностальгическая!.. магический kaleidoscope воинствующих красок. Яркие разноцветные рисунки, отражающиеся в листьях фольги, и целлулоидные глаза, мерцающие с одной из картин, подкрашенные солнцем фантастические люстры из желтой и зеленой веленовой бумаги, футуристские этюды абстрактных скоростей и изделия из красного лака, и Балла, который оживлял до головокружения все это свое пиротехническое царство, поющий, танцующий, музицирующий, в полном восторге прижимая к груди гитару”.

Мореветер. 1919.

Футур-южный ветер. 1919.

В этом доме, в мастерской, Балла писал свои живописные картины, рисунки, эскизы, а в “домашнем” ателье создавал новую моду, предметы обстановки. Это была домашняя “фабрика” великого труда худож-

Набросок мужского костюма. 1914.

1914

ника-творца. "В доме он принимал друзей-футуристов, часто надевая футуристские костюмы: покрашенные черной краской ботинки со светлыми шнурками, брюки в мелкий квадрат, разноцветные жилет и рубашку, темную куртку с фиолетовыми лентами, отворотами; квадратная трость и духи, придуманные для него женой, специально для вечерних часов и воскресений", — писал его друг архитектор Вирджилио Марки в одной из своих публикаций.

Балла — это личность с неумейной энергией и творческой фантазией. Бу-

дучи в Париже, по случаю проходившей там выставки декоративно-прикладного искусства, Балла по возвращении домой в интервью, данном Пьеру Луиджи Фортунати в журнале "Империо", сказал следующее: "Вместе с моими друзьями предпочитал устраивать каждый вечер представления фантазии и экстравагантности, чем заниматься осмотром прочих достопримечательностей. Я сделал много набросков новых рисунков для футуристских тканей, мебели, шарфов, шалей, шляп, которые хочу в ближайшее время сделать и запустить".

В этот период Балла не только создавал этюды, рисунки для одежды, гобеленов, проекты для мебели, но по-прежнему работал как дизайнер. Сам оформил в футуристском стиле грандиозное ночное танцевальное заведение "Бал Тик Так" в Риме, которое представляло

Женское платье. 1930.

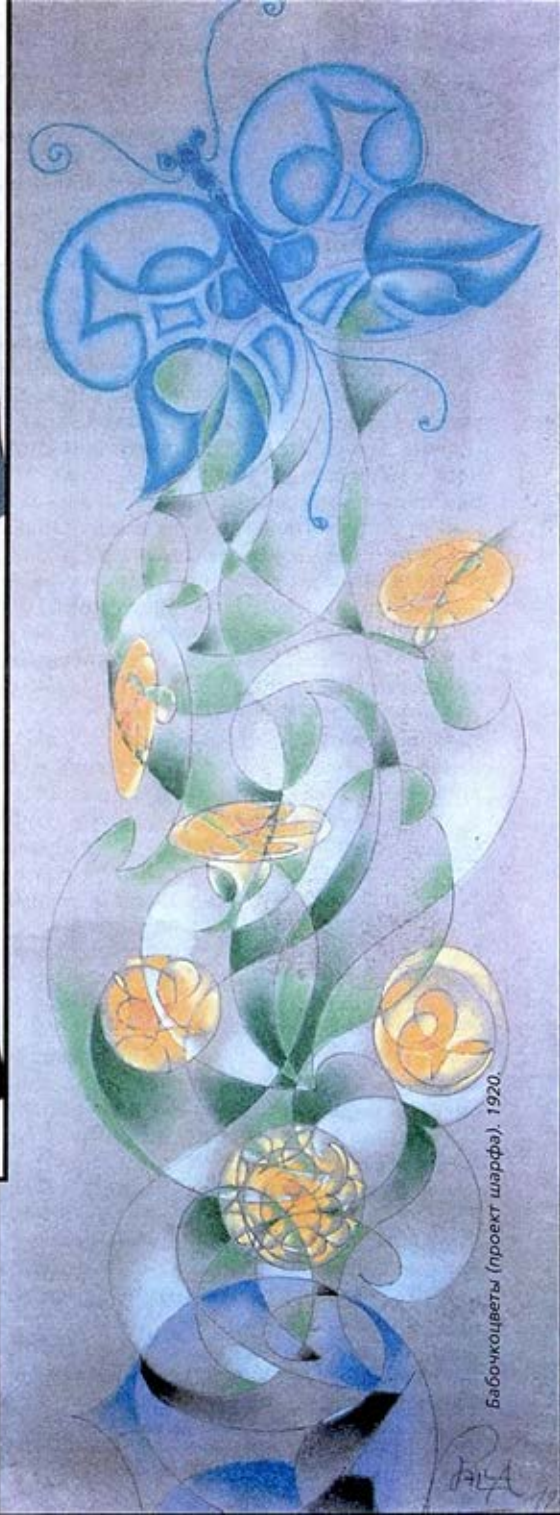

Этюд женского платья. 1929.

собой нечто фантастическое, от росписи стен до обстановки и находившихся там предметов. На стенах были нарисованы танцовщицы в экстравагантных костюмах, представляющие собой огромные динамические, абстрактные композиции. Занимаясь декоративным ис-

Бабочкоцветы (проект шарфа). 1920.

Л.П.

куством в период с 1912 по 1930 годы, Балла параллельно продолжал уделять внимание живописи в стиле футуризма. С 1915 года в своих работах он постепенно отходит от фотографического взгляда, и теперь они отличаются извилистыми и геометрическими формами, не имеющими более ничего общего с формами естественными. Часто использует эмаль вместо масляных красок для получения блестящих гладких поверхностей, что дает эффект просто невозможный в традиционной живописи. Так, создает целую серию работ под названием "Майоликовые пейзажи", написанные в 1917-1918 годы. К примеру, картина "Силовые линии майоликового пейзажа", где блестящая гладкая поверхность достигнута за счет чистой эмалевой краски.

Балла всегда находился в поисках нового, интересного в мире искусства, и так естественно, что он увлекся кинематографом и театром. В 1916 году он участвовал в создании фильма "Футуристская жизнь" режиссера Арнальдо Джинна, где сыграл как актер и написал несколько сцен, в частности, "танец геометрического сияния". В этом же году Балла получил от Дягилева (организатора "Русских сезонов" в Париже) заказ на исполнение пластического сценария "Фейерверка" Игоря Стравинского. Для Стравинского знакомство с Балла было каким-то озарением. Он писал позднее: "Балла всегда забавлял всех и был привлекательным человеком, и некоторые из самых веселых часов моей жизни я провел в балете в обществе его и его товарищей футуристов. Мысль о футуристическом балете принадлежит Дягилеву, но поставить этот балет на музыку "Фейерверка" мы решили оба: она была в достаточной мере современной и продолжалась четыре минуты. Балла произвел на нас впечатление одаренного художника, мы попросили его сделать декорации". В 1917 году в рамках "Русских сезонов" в Париже в театре Констанци состоялась премьера постановки "Фейерверка" с абстрактными декорациями, для которых Балла использовал пластические и геометрические формы ярких цветов, а в хореографии — вместо сценических движений танцоров — движение цветных лучей, отражающихся светом в легких тканях.

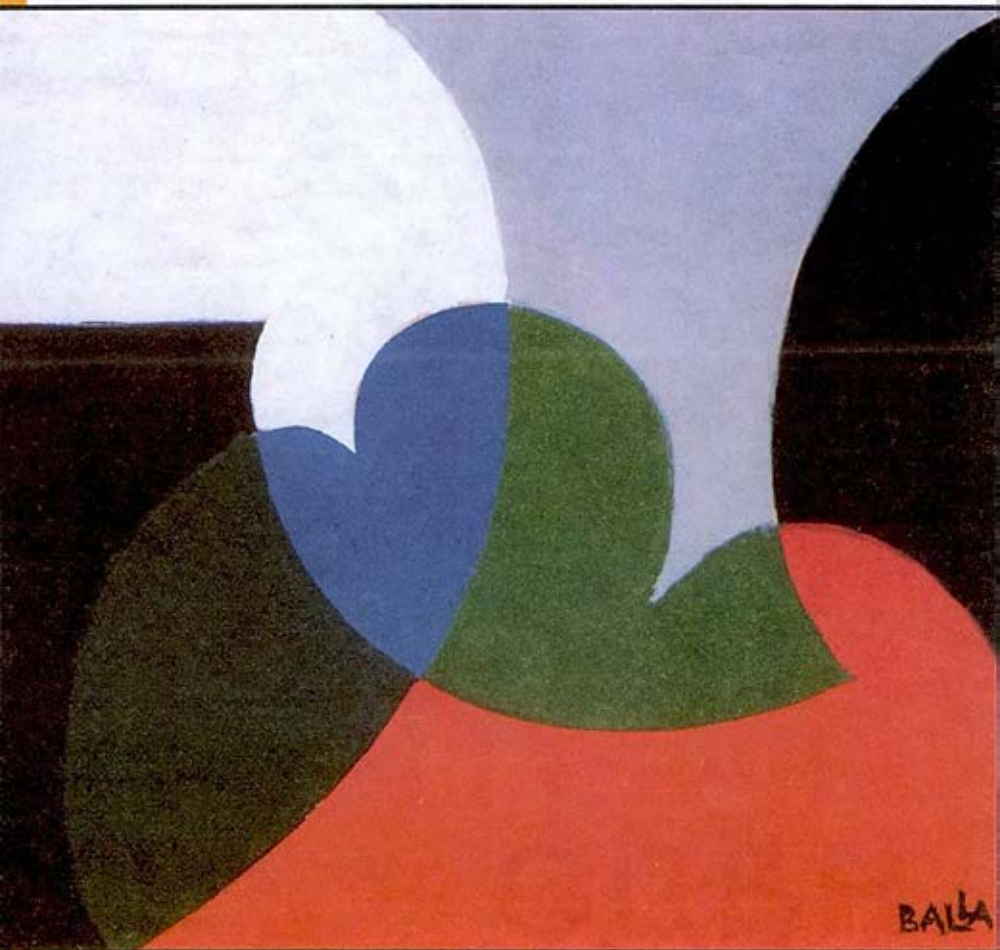
В 20-х годах Балла увлекся спиритизмом, занялся исследованием космических движений и сил, которые их порождают, пытался передать феномен космических излучений. Его волновали темы, связанные с "состоянием души" и с тайными движениями природы. В это время он писал "Преобразование духовных форм", серию картин, посвященных южным морским ветрам, изображал духовные силы, которые своей скрытой внутренней энергией способствуют движению природы. Так в картине "Самостояние души", в которой изображен портрет не лица художника, а ореол его души, то есть скрытая внутренняя энергия. В 1926 году он пишет портрет своей дочери Луче под названием "В патио", будучи в гостях у своего друга на Вилла Амброн. На картине дочь Луче изображена в патио мавританского стиля, где ощущается влияние модной фотографии того времени и одновременно стилистические приемы футуризма.

Три года Балла вынужден был жить на Вилла Амброн из-за сноса его дома со всем своим футуристическим убранством (ранее дом находился напротив Вилла Боргезе) и только в 1929 году он переехал в дом на улице Ославия, где жил до самой смерти.

А пока жизнь Балла продолжалась, и он по-прежнему неистово трудился. С каждым годом рос интерес к его футуристским работам, и многие коллекционеры приобретали его картины. Так, американский коллекционер Дж. Гудир купил его знаменитую картину "Динамизм собаки на поводке". Но уже в 30-х годах Балла отошел от футуризма. Его работы в области декоративно-прикладного искусства стали более упрощенными и тусклыми. В 1934 году он написал "Разговаривают", где изобразил своих дочерей Луче и Элику во время разгово-

ра. Это реалистическое произведение, в нем использованы такие технические возможности фотографии, как эффекты света, поиски нужного ракурса... Он стал писать натюрморты. Последние 20 лет жизни Балла писал почти каждый год свой автопортрет. В них чувствуется необыкновенный талант художника-живописца, его мастерство в создании оригинального светового эффекта. Он точно подчеркивает присущие ему черты характера: доброту, веселость нрава, ироничный взгляд на жизнь. В 1935 году его избрали членом Академии Святого Луки. Как художник-живописец он писал теперь только реалистические карти-

ны, следуя своим художественным принципам. Например, "Небо моего дома", "В скверах на площади Мадзини" и многие другие.

В 1956 году президент Итальянской республики Сеньи вручил Балла золотую медаль, как одному из крупных и наиболее значительных художников XX века. А через два года Балла умер в возрасте 87 лет. ■

платить надо за все

иллюстрация Геннадия Новожилова

Во время Даргинской экспедиции отряд генерала Гурко* двигался по совершенно незнакомой горной долине, куда русские войска еще не проникали.

— Ваше превосходительство, — обратился к генералу князь Яшвиль, — сейчас эта долина повернет круто направо, и через четверть часа пути она раздвоится. На пересечении долин будет возвышаться скала, а на ней — замок с квадратной башней.

Генерал, зная, что его ординарец здесь никогда не бывал, тяжело посмотрел на него.

— Это слишком даже для пьяного!

— Я не пьян, ваше превосходительство, — запротестовал князь, — но окружающую местность и эти горы великолепно знаю, хотя когда их видел — не знаю.

За подобный бред ординарец получил разнос от сурового генерала. Однако вскоре долина действительно круто повернула направо и в новом направлении раздвоилась. На скрещении двух долин стояла высокая скала, но замка на ней не было.

— Где же твой замок? — поинтересовался генерал.

— Я уверен, что он здесь был. Разрешите взобраться.

На скале оказались развалины замка и основание разрушенной квадратной башни. Местные жители рассказали, что замок очень давно принадлежал князьям Яшвили, но несколько сот лет тому назад сожжен персами.

Еще в царствование Екатерины Великой два мальчика этого княжеского рода были привезены в Россию, где их определили в Артиллерийский и Инженерный шляхетский кадетский корпус. Оба участвовали в русско-турецкой войне 1887-1891 годов, сражались с польскими конфедератами. Оба получили ордена, кресты и золотые шпаги "за храбрость".

Владимир Михайлович Яшвиль (так они стали писаться в России) женился на Варваре Александровне Сухово-Кобылиной, сестре героя Отечественной войны 1812 года — Василия Александровича. Сын их Владимир также стал гвардейцем, но в отличие от отца не артиллеристом, а кавалеристом. Трагические события прервали его карьеру.

Эта печальная история произошла 21 июня 1842 года в деревне Кемпелевой Ораниенбаумского уезда. Офицеры лейб-гвардии гусарского полка вместе со своим командиром полковником Герсдорфом обедали на квартире ротмистра Ломоносова. Кроме хозяина и полковника, за столом сидело еще семь офицеров. Среди них два друга — и оба штабс-ротмистры: князь Долгоруков и князь Яшвиль.

— Что ни говорите, господа, а таких актрис, которые были лет двадцать-тридцать назад, сейчас нет, — вступил в разговор молчавший до сих пор Герсдорф. — Если бы вы слышали, как пела в двенадцатом году Лизанька Сандунова! Все офицеры плакали. А балет? Дидло по праву называли полубогом, такого балетмейстера европейская сцена не знала. Он возвел свое искусство на высшую ступень совершенства — это были настоящие поэтические создания. Его ученицы прославили российский балет, и никто с нами сравниться не мог. Данилова, Лихутина, Телешова, Зубова... Да что там говорить! Одна Истомина чего стоила!

— А Мария Тальони! — горячо возразил князь Яшвиль. — Какая легкость, целомудренная грация! А ее техника и мимика? У какой танцовщицы вы такое видели? Не зря же ее прозвали четвертой грацией!

* Генерал Владимир Иосифович Гурко был отцом фельдмаршала Иосифа Владимировича Гурко, освободителя Болгарии от турецкого ига.

— Тальони — чудо, — поддержал князя Ломоносов. — Жаль, что она покинула Петербург.

— Не спорю, но видели бы вы, господа, Истомину до того, как у нее заболели ноги. Пожалуй, не было ни одного мужчины, кто не был бы в нее влюблен. Сколько из-за нее стрелялось! Сейчас такого нет.

— Ну, положим, наш-то князь из-за Тальони готов был перестрелять пол-Петербурга, — засмеялся Ломоносов.

Взоры всех присутствовавших офицеров обратились к Яшвилю.

— Да он не только из-за одной Тальони готов перчатку бросить, — усмехнулся Долгоруков.

Офицеры дружно накинулись на штабс-ротмистра, шутя пеняя ему за то, что он волочится за актрисами.

— Я вовсе не волочусь, — покраснел Яшвиль. — Я — поклонник Геня.

— Смешно в твои лета дурачиться, — бросил Долгоруков.

— Я никогда не дурачился, и никто этого сказать не может.

— Помилуй, как же никто, когда я тебе уже несколько раз о том говорил.

— Я никому не позволю этого говорить, — тихо проговорил побледневший Яшвиль.

— Не любит тех, кто заставляет других молчать. Да ты, Владимир, просто смешон своим волокитством!

— Смешон я или нет, но никому не позволю смеяться над собою!

— Ну, друг мой, ты не можешь запретить над собою смеяться. И потом, я терпеть не могу людей, которые страшат.

Видя, что шутливая беседа переходит в ссору, полковник вмешался.

— Господа офицеры, — прервал перепалку Герсдорф, — воспреещаю говорить о театре.

Разговор перешел на другие темы. Обед закончился мирно, и гусары принялись за кофе. Князь Яшвиль не стал его пить, а ушел к себе на квартиру. Вскоре компанию покинул и Долгоруков.

— Надеюсь, князь раскаивается в своей несдержанности и пошел мириться с Владимиром Владимировичем.

— И какая муха его сегодня укусила? — недоумевали офицеры.

— Да, столь дружны, и вдруг такой пассаж.

Долгоруков действительно пошел к другу.

— Ты на меня обижаешься?

— Я не обижен, когда вижу тебя у себя.

— Я пришел не извиняться, а сказать, что ты можешь требовать от меня удовлетворения за обиду.

— Стреляться?

— Стреляться.

Зная характер друга, Владимир не мог отказаться от предложения.

— Что ж, я готов.

— Отлично. Сегодня вечером в семь часов. Пистолеты я прихвачу.

— Значит, в семь под горой за деревней.

— Секунданты?

— Не стоит никого впутывать.

— И я того же мнения.

Штабс-ротмистры вернулись к Ломоносову. Долгоруков присоединился к играющим в карты, а Яшвиль удобно расположился у окна. Друзья спокойно перебрасывались между собой обычными репликами, что и убедило всех в примирении. Око-

— Тальони — чудо, — поддержал князя Ломоносов. — Жаль, что она покинула Петербург.

— Не спорю, но видели бы вы, господа, Истомину до того, как у нее заболели ноги. Пожалуй, не было ни одного мужчины, кто не был бы в нее влюблен. Сколько из-за нее стрелялось! Сейчас такого нет.

— Ну, положим, наш-то князь из-за Тальони готов был перестрелять пол-Петербурга, — засмеялся Ломоносов.

Взоры всех присутствовавших офицеров обратились к Яшвилю.

— Да он не только из-за одной Тальони готов перчатку бросить, — усмехнулся Долгоруков.

Офицеры дружно накинулись на штабс-ротмистра, шутя пеняя ему за то, что он волочит за актрисами.

— Я вовсе не волочусь, — покраснел Яшвиль. — Я — поклонник Геня.

— Смешно в твои лета дурачиться, — бросил Долгоруков.

— Я никогда не дурачился, и никто этого сказать не может.

— Помилуй, как же никто, когда я тебе уже несколько раз о том говорил.

— Я никому не позволю этого говорить, — тихо проговорил побледневший Яшвиль.

— Не любит тех, кто заставляет других молчать. Да ты, Владимир, просто смешон своим волокитством!

— Смешон я или нет, но никому не позволю смеяться над собою!

— Ну, друг мой, ты не можешь запретить над собою смеяться. И потом, я терпеть не могу людей, которые страшатся.

Видя, что шутливая беседа переходит в ссору, полковник вмешался.

— Господа офицеры, — прервал перепалку Герсдорф, — воспреещаю говорить о театре.

Разговор перешел на другие темы. Обед закончился мирно, и гусары принялись за кофе. Князь Яшвиль не стал его пить, а ушел к себе на квартиру. Вскоре компанию покинул и Долгоруков.

— Надеюсь, князь раскаивается в своей несдержанности и пошел мириться с Владимиром Владимировичем.

— И какая муха его сегодня укусила? — недоумевали офицеры.

— Да, столь дружны, и вдруг такой пассаж.

Долгоруков действительно пошел к другу.

— Ты на меня обижаешься?

— Я не обижен, когда вижу тебя у себя.

— Я пришел не извиняться, а сказать, что ты можешь требовать от меня удовлетворения за обиду.

— Стреляться?

— Стреляться.

Зная характер друга, Владимир не мог отказаться от предложения.

— Что ж, я готов.

— Отлично. Сегодня вечером в семь часов. Пистолеты я прихвачу.

— Значит, в семь под горой за деревней.

— Секунданты?

— Не стоит никого впутывать.

— И я того же мнения.

Штабс-ротмистры вернулись к Ломоносову. Долгоруков присоединился к играющим в карты, а Яшвиль удобно расположился у окна. Друзья спокойно перебрасывались между собой обычными репликами, что и убедило всех в примирении. Око-

ло семи часов полковник, попрощавшись, ушел к себе. Вскоре и штабс-ротмистры покинули теплую компанию. В семь часов, как и было уговорено, они встретились под горой и вместе вошли в лес.

— Держите, князь! — Долгоруков протянул один из пистолетов Яшвилю.

— Благодарю вас, князь.

— Ну что, двенадцать шагов?

— Мне все равно.

Друзья разошлись в противоположные стороны, отсчитывая по шесть шагов.

— Стреляйте, князь, — предложил Долгоруков.

— Я первым стрелять не буду. Дуэль — твоя идея, ты и стреляй первый.

— Стреляй же, не трус! Ведь это я тебя публично ос...

Договорить Долгоруков не успел: пуля, попавшая ниже правой ключицы, оборвала молодую жизнь.

— Ротмистр, — с порога обратился к Ломоносову Яшвиль. — Я стрелялся с князем. Он убит.

— Что за дурацкие шутки! Где Долгоруков?

— Гусары, что за деревней чистили лошадей, отнесли тело на его квартиру.

Яшвила отдали под суд. На основании статей военно-уголовного устава его должны были, лишив чинов, княжеского и дворянского достоинств, сослать в Сибирь на каторжные работы. Но генерал-аудиториат, определив наказание по закону, счел своим долгом обратить внимание императора Николая Павловича на "во-первых, свидетельствования начальства об отлично-усердной службе штабс-ротмистра князя Яшвила; во-вторых, что повод к неудовольствию, послужившему причиной дуэли, подан был, сколько видно из отзывов обедавших с ним офицеров, князем Долгоруковым, который дозволил себе в присутствии многих неосторожно насмеяться над кн. Яшвилем; и в-третьих, что кн. Яшвиль, ушедши после обеда в свою квартиру, готов был (как в ответах объясняет), простить князю Долгорукову, но сей, пришедши к нему, сам предложил ему в удовлетворение дуэли и употребил при оной свои пистолеты". Исходя из этого, генерал-аудиториат ходатайствовал о замене заслуженного наказания. Он предложил разжаловать штабс-ротмистра в рядовые "впредь до отличной выслуги" без лишения княжеского и дворянского достоинств, и предать церковному покаянию по назначению духовного начальства.

На докладе генерал-аудиториата император собственноручно написал: "В рядовые до отличной против неприятеля выслуги, полковнику Герсдорфу, как отлично-му и всеми уважаемому офицеру, должно было не пренебрегать происшедшим за обедом, призвать к себе обоих ссорившихся офицеров и требовать по званию своему немедленного примирения, тем более, что все дело было столь ничтожно, что более походило на ребячьи шалости, чем на поступки благородных офицеров; когда же присутствуют при том старшие офицеры, их долг — неприличий не терпеть и не медля прекращать, предвидя последствия. Николай. Петергоф, 2-го июля 1842 года".

Написав это, Николай Павлович достал пожелтевшее письмо. Прочитав его, он задумался. История повторяется. Двадцать один год назад тоже за оскорбление заплатил жизнью другой человек. И этот человек — его отец, которого шарфом задушил никто иной, как отец штабс-ротмистра — князь Владимир Михайлович Яшвиль. Павел нанес ему публичное оскорбление — ударил тростью. Простить такое офицер, полковник, к тому же имеретинский князь — не мог.

Став императором, Александр сначала снова перевел Яшвила в гвардию, но вскоре сослал в калужское его имение Муромцово, правда, не за убийство отца, а

за дерзкое письмо, которое, подобно грибоедовской комедии, переписывалось в обществе.

“Государь, с той минуты, когда несчастный безумец, Ваш отец, вступил на престол, я решился пожертвовать собою, если нужно будет для блага России, несчастной России, которая со времени Великого Петра была игралищем временщиков и, наконец, жертвой безумия.

Отечество наше находится под властью самодержавною, самую опасной из всех властей, потому что участь миллионов людей зависит от великости ума и души одного человека. Петр Великий нес со славою бремя самодержавия, и под мудрым Его вниманием Отечество отдыхало. Бог правды знает, что наши руки обгадились кровью не из корысти. Пусть жертва не бесполезна!..

Поймите Ваше великое призвание: будьте на престоле, если возможно, честным человеком и русским гражданином! Помните, что для отчаяния есть всегда средство, и не доводите Отечество до гибели... Человек, который жертвует жизнью для России, вправе Вам это сказать. Я теперь более велик, чем Вы, потому что ничего не желаю, и, если бы даже нужно было для спасения Вашей славы, которая так для меня дорога только потому, что она слава и России, я готов был бы умереть на плахе; но это бесполезно — вся вина падет не на нас, и не такие проступки покрывает царская мантия!

Прощайте, Государь! Пред Государем я спаситель Отечества, пред сыном — убийца отца! Прощайте! Да будет благословение Всевышнего на Россию и на Вас, ея земного кумира! Да не постыдится она его вовеки!”

Именно за слова: “Помните, что для отчаяния есть всегда средство...” и поплатился генерал свободой в 1803 году.

Началась Отечественная война, неприятель подходил к Москве, и князь Владимир Михайлович обращается к генералу Шепелеву с просьбой разрешить ему участвовать в сражениях. Командуя отрядами калужского ополчения, Яшвиль освободил Ельню. Однако Кутузов за эту важную и уникальную операцию получил от императора выговор за то, что опальный генерал участвовал в боевых действиях. Александр приказал немедленно отстранить князя и вернуть его в место ссылки.

Владимир Михайлович тяжело переживал все это. Он неоднократно просил царя разрешить ему бывать в столицах, но тщетно. Постепенно в нем стала развиваться мания преследования. Он вздрагивал при звуке колокольчика, ожидая фельдъегеря из Петербурга и высылки в отдаленные места. Скончался князь в 1815 году, не дожив несколько дней до 51 года.

Участие Владимира Михайловича в перевороте 11 марта 1801 года не отразилось на его брате. Лев Михайлович сражался с наполеоновскими войсками в 1805-1807 годах. В начале Отечественной войны он возглавлял 4-ю артиллерийскую бригаду, а после изгнания неприятеля из России, в заграничном походе, князь был назначен начальником всей артиллерии действующей армии.

— Что ж, пусть князь свою горячность направит на войну с горцами, — сказал Николай Павлович дежурному флигель-адъютанту. — Влияние Шамиля на Кавказе усиливается не по дням, а по часам. Несчастный исход экспедиции генерала Граббе к резиденции Шамиля сильно возвысил дух неприятеля. Граббе потерял почти весь обоз, 60 офицеров и 1700 нижних чинов... Шамиль набрал новые скопища, намеревается вторгнуться в Аварию. При таком развитии да при характере князя он скоро вернет себе прежнее звание. Что ж, быть по сему. В рядовые и на Кавказ, в Егерский генерал-адъютанта князя Чернышова полк.

Император не ошибся. Владимир Владимирович Яшвиль сражался, точно лев. Выдавшие виды воины поразились неустрашимости необстрелянного бывшего гусара. Поначалу его отчаянную храбрость толковали, как желание найти свою смерть, желание искупить нелепую гибель друга. На Кавказе князь Яшвиль участвовал в 97 боевых операциях и за проявленные чудеса храбрости после первых же сражений стал получать ордена. Благодаря своим подвигам, князь стремительно приближался к тому званию, которого был лишен. Вскоре его произвели в унтер-офицеры, а в декабре 1844 года — в корнеты с зачислением по кавалерии. В начале следующего года Владимиру Владимировичу, за отличие в сражении с горцами, возвращен прежний чин штабс-ротмистра и вручен очередной орден.

В 1846 году князь Яшвиль вернулся в лейб-гвардии гусарский Его Императорского Величества полк. Спустя десять лет его назначили командиром Уланского полка, считавшегося самым отсталым. Особенность этого воинского подразделения заключалась в том, что прежний командир превратил полк в кормушку для поляков, назначая рядовых, ничем не проявивших себя солдат на командирские должности. Царил донос и палочная система: Выделяемые средства стекались в карманы офицеров и, прежде всего, самого командира.

С приходом Яшвиля картина резко меняется. Он очистил полк от недостойных, поднял дисциплину. Своими строгими, но справедливыми требованиями Владимир Владимирович завоевал авторитет и любовь подчиненных — от простых солдат до офицеров. Причем достиг всего этого, без прикрас, с первых же дней. Приняв полк, который в то время находился в Бессарабии, Яшвиль, спустя неделю, получил приказ передислоцироваться в Бежецк — прежнее месторасположение. Один из его подчиненных вспоминал: "Князь Яшвиль вел полк в Бежецк, как на смотр, в величайшем порядке и даже в щегольском виде; за эскадронами не следовало ни одной лишней или партикулярной повозки, конский выюк был строго согласован с требованиями закона: никаких лишних и посторонних вещей на седлах не допускалось; офицеры следовали на своих местах и обязаны были поддерживать порядок во всех отношениях. Во время перехода князь то верхом, то в коляске нагонял и смотрел эскадроны". Ни одна дневка не проходила без небольшого, но толкового учения.

Чувствуя постоянное внимание командира полка, который умел находить нужное слово, умел поддержать настроение в солдате, они двигались под веселые и бойкие песни.

За кратчайший срок князь Яшвиль придал полку "отчетливость и щегольство фронта, этот внешний лоск и блеск, свойственные частям гвардейским, — записано в истории полка, — не забывая в то же время и боевых требований. Таким образом... поставил полк на видную ногу, и доведя его до замечательного совершенства во всех отношениях..."

В результате преобразований полк стал одним из лучших в русской армии. Не прошло и двух лет, как князя назначили командиром Лейб-гвардии гусарского полка Его Императорского Величества. Когда сослуживцы узнали об этом назначении, офицеры устроили прощальный обед своему командиру и дали блестящий бал в честь его жены. В час отъезда уже бывшего командира все эскадроны выстроились; провожая его с криками "ура" и со слезами на глазах.

О супруге князя, этой замечательной красавице и умнице, следует упомянуть особо. Владимир Владимирович женился на графине Анне Михайловне Орловой — дочери Михаила Федоровича и той самой Раевской, которую воспел в "Евгении Онегине" Пушкин. Анна Михайловна приходилась внучкой Федору Григорьевичу Орлову.

Их венчание состоялось в Москве, и когда кареты в сопровождении гусар подъехали к церкви, по словам потомков князя, в толпе раздался шепот:

— Семьи цареубийц вступают в брак.

Тогда уже чудовищная фальсификация графа Ростопчина, сфабрикованного письмо, в котором якобы Алексей Орлов признается в убийстве Петра III, дала свои плоды.

Семейная жизнь этих замечательных людей была счастливой, но не долгой. В 1864 году князь Владимир Владимирович Яшвиль скончался. Судьбу же их детей определила Октябрьская революция. Лев Владимирович не выдержал прихода к власти большевиков: сильное переживание привело к инсульту, и он умер 31 октября 1917 года.

После смерти Льва Владимировича его вдова, Анастасия Петровна, уехала с детьми во Францию и поселилась на юге, где в это время уже жил их близкий родственник Стахович, который перед революцией был русским послом в Испании. По настоянию матери, Михаил Львович окончил агрономное училище и стал инженером-агрономом, но это поприще его не интересовало. Его тянула музыка и религия.

— Долгое время папа колебался, — вспоминает Анастасия Михайловна, — стать ли профессиональным музыкантом или священником. Он очень любил музыку и был прекрасным музыкантом, замечательно играл на виолончели. Но, в конце концов, он сделал свой выбор и стал учиться в Сергиевском подворье на священника.

— Да, отец был очень музыкальным человеком, — кивает Николай Михайлович, — любимым романсом его был "Я вас любил". Он всюду искал и собирал колокола. В Сергиевском подворье, в Сент Женьев де Буа и там же, на русском кладбище, звучат уникальные колокола, которые повесил именно он.

— Его колокола звучат во многих русских церквях, — добавляет Анастасия Михайловна.

Еще до знакомства с детьми Михаила Львовича один из русских эмигрантов первой волны рассказывал мне о нем:

— Князь Михаил Львович стал священником и отмаливал грех цареубийцы, но в душе он гордился поступком своего прадеда.

— Каждые два года отцу меняли приход. Где он только ни служил! В Париже, Тулоне, в Сент Жермене, в Крузо. Он был священником при шахтах у рабочих и очень переживал, видя их изнурительный труд.

Накануне Второй мировой войны Михаил Львович жил с семьей в Лотарингии, здесь и родилась Анастасия. Немцы захватили семью русского священника и переправили ее в Германию. Не было с ними только Николая, которого незадолго до вторжения немцев в Лотарингию из-за слабого здоровья родители отправили к бабушке на юг Франции.

Михаил Львович хорошо говорил по-немецки, поэтому к нему трижды обращались с предложением стать переводчиком, но Яшвиль наотрез отказался, не желая даже в таком виде помогать немцам.

— Русские, даже если они из советской России, это — русские, это мой народ, и ничего плохого я им делать не желаю, — отвечал священник.

Михаил Львович с женой и маленькой Настей пытались бежать из Берлина, но были пойманы и брошены в концлагерь, где священник продолжал свою службу и по возможности облегчал участь пленных советских солдат и офицеров. Как и все русские в лагерях они очень плохо питались. Анастасия выжила только благодаря тому, что пленные советские воины делились своим пайком с семьей священника, которого все искренно полюбили.

В конце войны американцы вошли в Висбаден, и семья Яшвиля была освобождена, но возвращались они во Францию в течение нескольких лет. Вначале отпустили маленькую Анастасию, которая попала во Францию в 1945 году. Здесь она впервые увидела своего родного брата. Николаю тогда исполнилось 16 лет, а сестре всего лишь шесть. Через два года с детьми соединилась мать, и только в 1948 году был отпущен отец. Вернувшись, Михаил Львович продолжал свою службу в церкви. Последнее время у него не было прихода, и он жил со своей матерью под Парижем в старческом доме. Как и все русские, он мечтал вернуться в Россию. Не получилось. Князь Михаил Львович Яшвил, замечательный русский священник, скончался 18 октября 1950 года в возрасте 48 лет, а спустя два года (15 ноября 1952 года) умерла от горя и его мать — Анастасия Петровна.

— Сестру назвали Анастасией в честь двух женщин: нашей бабушки и Анастасии, которая выдавала себя за спасшуюся дочь последнего русского императора.

— Папа встречался с ней в Германии и был ее духовником. Говорила она с ним исключительно на немецком языке. Когда Анастасия тяжело заболела и была прикована к постели, она попросила папу отслужить литургию. Он бережно хранил ее письма, а их было очень много.

— Отец тепло вспоминал эту женщину, — добавил Николай Михайлович, — но сомневался, что она дочь императора, хотя и очень была похожа. Он говорил мне: вряд ли Анастасия великая княжна. Для Романовых у нее слишком грубый голос.

— В Париже папу многие знали и уважали. В эмиграции он был главой нашего рода, потому и хранил весь семейный архив.

— Наш прадед — указал Николай Михайлович на портрет красавца-гусара, висящий на стене, — Владимир Владимирович Яшвил, был командиром лейб-гвардии гусарского полка Его Императорского Величества. Прадед неоднократно встречался в Ясной Поляне с графом Львом Николаевичем Толстым, и в "Войне и мире" он является действующим лицом. Между прочим, в переводе с грузинского языка Яшвили означает "сын фиалки".

Покинув парижскую квартиру радушных Яшвилей, с грустью думала о судьбе потомков князя Владимира Михайловича Яшвиля. Искушая его грех, они многим девочкам давали имя Павла, но все Павлы умирали либо в младенчестве, либо девицами. По словам Николая Михайловича, два имени были несчастны в их семье — Владимир и Павел. Последний Владимир Яшвил — Владимир Владимирович — был расстрелян большевиками. Он попал к ним вместе с сыном графа Сергея Апполинариевича Уварова и Софьи Владимировны Яшвил. Уваров чудом избежал смерти, но, вернувшись к семье, он был настолько поражен гибелью Яшвиля, что не выдержал и застрелился.

Встречаясь с такими людьми, как Анастасия Михайловна и Николай Михайлович, остро ощущаешь связь времен. Казалось бы, более двухсот лет назад был убит император Павел I. Когда это было! А тут сидишь за столом с добродушными братом и сестрой, которые рассказывают об отце, молившемся за цареубийцу и исповедывавшем советских военнопленных, о дедушке, умершем с приходом к власти большевиков, о прадеде, ставшем персонажем бессмертной эпопеи "Война и мир" и его отце — князе Владимире Михайловиче. К сожалению, на Анастасии Михайловне и Николае Михайловиче род князей Яшвилей прервется. У них нет наследников. Анастасия Михайловна, так любящая отца, стала сестрой милосердия, и главное в ее жизни — Подворье и колокола:

— Папа искупил вину прадеда, в наследство же он оставил нам музыку. ■

разрушенная

ТАЙНА

Вернувшись из заключения, они решили оправдать себя не в суде, а в лживых интервью и клеветнических мемуарах. У обоих позади — сенсационные судебные процессы. Тюрма. Лагерные будни. Освобождение по отбытии наказания. Множество интервью. И — мемуарные книги. В них — о том, что они ни в чем не виноваты. В вольном пересказе своих "дел" они попытались ревизовать судьбу, утверждая себя в роли страдотерпцев, пострадавших от неправосудного режима. Оба в свое время были достаточно известны. Один — прокурор, сфальсифицировавший ради собственной карьеры уголовное дело против невиновного. Другая — актриса, по пьяной прихоти лишившая жизни близкого человека. Вот их истории.

ИСТОРИЯ 1-я:

Несостоявшийся генпрокурор Валерий Сороко и его тюремная одиссея

Валерий Сороко прославился в конце 80-х. Суд, на котором зональный прокурор транспортной прокуратуры Белоруссии В.И. Сороко был главным подсудимым, сняли кинодокументалисты, назвав свой фильм — "Витебское

дело". К его славе и я приложил руку, опубликовав в "Литгазете" два судебных очерка.

Судебный процесс длился почти полгода, ошеломляя подробностями. Сидевшие на скамье подсудимых следователи впервые открыто признавались, как вынуждали невиновного "брать на себя" чужое убийство. И тот — "взял", получив 15 лет, из которых успел отсидеть 2 года.

Я спрашивал его, витебского водителя Олега Адамова, в перерывах судебного заседания, как он мог признать себя насильником и убийцей. И Олег, нашарив в кармане коробку с элениумом, бросал дрожащей рукой таблетку в рот, объясняя: "Они так все обставили... Экспертизу слиповали, чтоб испугать... У меня такое чувство было, будто из меня кости вынули..."

Вплоть до поста Генерального

Руководил операцией по извлечению костей из живого человека прокурор Сороко. Он сам вызвался вести следственную группу. И потом, когда Адамова наконец "упекли", изо всех сил пытался проникнуть в высшие прокурорские сферы.

Он, по собственному признанию, всегда хотел быть на виду. Даже одно время планировал "перейти в партийные или советские органы", где, как ему казалось, продвижение по служебной лестнице идет быстрее. Но тут подфартило — в районе Витебска были зафик-

сированы серийные убийства; женщины, работавшие в вечернюю смену, стали бояться выходить на улицу. На фоне всеобщей паники поимка маньяка могла бы оказаться стартовой площадкой для выхода на высшую орбиту прокурорских чинов. Вплоть до поста Генерального.

И Валерий Сороко, 35-летний, рыжеватый, начинающий лысеть человек, говоривший напористой скороговоркой и всегда, по его признанию, добиравшийся своих целей (потому что, цитирую, был "прямым, как танк"), упрямил минское начальство послать его в Витебск. Там он, обнаружив (возле места, где была найдена задушенной студентка Татьяна К.) карьер "Шпили", из которого на самосвалах возили песок, немедленно распорядился: проверить всех водителей. Один из них — Олег Адамов — и приглянулся прокурору. С ним стали "работать". Он, видите ли, как-то чересчур волновался во время допросов, поэтому у Сороко появилось "внутреннее убеждение": это маньяк. Дело было за малым — расколоть. Как? Набор приемов известен: кинуть в тюремную камеру, посадить к нему бывшего зека "дядю Ваню", который нашептывал бы: "Быстрее расколешься — меньше дадут".

Адамов, по мнению Сороко, уже склонялся к признанию. Осталось подтолкнуть. И Сороко на очередном допросе сорвал ему. "Экспертиза подтвердила твою вину". — "Покажите акты", — попросил Адамов. Тогда Сороко вместе с подчиненным ему следователем Журбой печатают на бланке судмедэкспертизы вымышленный текст, переносят клейкой лентой с подлинного акта круглую печать.

Сокамерники свидетельствовали: Адамов по ночам стонал, разговаривал сам с собой. Советовался с ними: что делать? Опытный "дядя Ваня" рубил с плеча: "Раскаиваться! Не раскаешься — расстреляют!" И Адамов "раскаялся". Сороко торжествовал.

Но еще одна бессонная ночь привела Адамова в ужас: "Я — насильник, задушивший девушку?" И он отказался от прежних показаний...

Последний обыск

"Прямой, как танк" Сороко был вне себя. Пригрозил: отправлю в психушку, будешь там после укулов собственное дерьмо есть, родная мать не узнает. В следующую ночь хрипящего Адамова сокамерники вытащили из петли — иного выхода он не видел. А еще через день Олег вернулся к прежним показаниям, решил жить в то бы то ни стало.

Это не спасло его от психушки — Сороко хотел, чтобы психиатры "закрепили" своим авторитетом признания Олега. Адамову всадили два укола — барбитамил в вену и кофеин подкожно (они прекращают волевые задержки, человек говорит о себе безостановочно). "Речь из Адамова как бы вытекала", — сказал мне главврач Буданов. Ее запротоколировали. В ней — о том, что он, Адамов, преступления не совершал. "Почему же, — спрашиваю Буданова, — вы дали следствие заключение, будто он признался?" "Мы неудачно сформулировали текст", — уклончиво ответил этот душевед, кстати говоря, счастливо избежавший наказания за свою фальсификацию.

Но даже лживое заключение психиатров не решало проблемы: в деле Адамова не было вещественных доказательств. Куда он, задушив девушку, дел ее сумку со студенческими конспектами? Выбросил на помойку? На какую? Переворошили все мусорные свалки — нет сумки. Сделали еще один, последний, обыск в его доме — тоже нет. Зато нашли завалившуюся за диван любительскую фотографию — на ней сестра Адамова с подружкой. Составили протокол. А потом фотографию подменили, взяв из альбома погибшей такую же по формату,

где она, Татьяна К., снята с подружкой.

И получилось: маньяк Адамов вытащил из сумки задушенной ее фото и любовался потом своей жертвой, лежа на диване. В суде Адамов пытался рассказать, как из него "кости вынули". Ему не поверили. Адвокат тоже не смог помочь — в те годы по советскому законодательству защитника на 1-ю стадию следствия не допускали, и процесс фальсификации остался невыявленным.

Второй год Адамов досиживал в лагере строгого режима, когда под Витебском взяли подлинного маньяка — Михасевича (предшественника ростовского Чикатило), 10 лет безнаказанно душившего доверчивых женщин. Он-то и показал, куда выкинул сумку Татьяна К. — и ту сумку нашли. А дело Адамова, как и другие подобные, немедленно пересмотрели. Олега выпустили, а Сороко и всю его следственную братию взяли под стражу.

Держался на суде Валерий Сороко молодцом. Покачиваясь с носка на пятку за прозрачным пластиковым щитом, оберегавшим от возможных посягательств сидевшего в зале Адамова и его родственников, Валерий Илларионович страстно убеждал судью: во всем виноват Адамов! Это он без конца менял показания. Трепал следователям нервы. Зачем признавался, если не убивал? В таких, как Адамов, все зло.

Казалось, еще немного, и Сороко снова потребует посадить Адамова на скамью подсудимых.

Как зверь в камере

Годы отсидки, судя по двухтомным мемуарам (800 страниц!), изданным в Минске 50-тысячным тиражом уже в постсоветское время и распространяемым в Москве, не изменили бывшего прокурора. Весь 1-й том посвящен нестойкости Адамова, прервавшего блестящую карьеру Сороко. Но самый, я бы

сказал, концептуальный — 2-й том, где он клеймит "двуликую Фемиду".

В чем именно ее двуличность, понять из клокочущих гневом строчек трудно. Ясно одно: Сороко, описывая свое состояние в роли допрашиваемого, вот-вот забьется в конвульсиях от ненависти к приехавшему из Москвы следователю по особо важным делам Леониду Прошкину. Самое вежливое, что говорит о нем Сороко в книге, — это "монстр". Остальное невозможно цитировать — сплошь ругательства. Но чем дальше читаешь, тем рельефнее становится забавная ситуация, весьма ценная для психиатров: Сороко пытается все то, что делал с Адамовым, приписать Прошкину, который, будто бы, оказывал на него психологическое давление. В его описаниях ничего конкретного нет, но авторские эмоции таковы, что в конце концов догадываешься: работает механизм вытеснения. Наделяя Леонида Прошкина своими чертами, автор изо всех сил бранит его, очищая тем самым собственный образ.

Но чистка не получается. Потому что ведь единственный способ оправдаться — повторный суд. А повода для него нет, и Сороко это отлично понимает. И не рассчитывая на судебную реабилитацию, взвинчивает себя. Его описания собственных тюремных переживаний пародийно-пафосны: "Я был один, бесконечно один"; "Еле сдерживая подступающие рыдания, как затравленный зверь, метался в камере".

Казалось бы, очутившись в тюрьме, должен был подумать: а что чувствовал Адамов, которого он, Сороко, отправил ни за что ни про что на 15 лет такой маяты? Должен ахнуть и, скрипя зубами, сказать себе: "Какой же я был сволочью!" Ничего подобного. Ни на одной из восьмиста страниц. Хотя судьба буквально подталкивала Сороко к покаянию: во время этапа, когда его перевозили с другими заключенными, он попал в ту самую Ви-

тебскую тюрьму, где Адамов однажды ночью пытался повеситься. Сороко описывает, как он, вначале поразившись такому совпадению, начинает деловито изучать все выступления на стенах камеры, чтобы убедить себя: нет, Адамов не хотел повеситься, это была инсценировка.

Ну, конечно, сказать самому себе о себе правду — значит, начать адски трудную работу душевного переустройства. Нет, легче еще раз привычно солгать, одев на себя маску жертвы советского режима. Вот бывший прокурор, затем заключенный, описывает в том же пародийно-пафосном ключе свидание с женой: "Горький ком перекрыл дыхание"; "Увидел полные слез огромные глаза жены"; "На ее запавшие щеки... медленно скатывались слезинки". Я читал, ожидая: ну хоть тут-то автор скажет, что ощутил чувство вины за пролитые женой слезы? Не сказал. Потому что душевно туп.

Именно эта уникальная тупость делала его идеальным исполнителем в карательно-бездушной системе, в которой Сороко намеревался осуществить свою карьеру. А ведь она и в самом деле могла состояться, если бы не люди, противостоявшие этой системе, — честные, кропотливые следователи, все-таки вычислившие маньяка Михасевича. И затем — распутавшие сфальсифицированные дела.

Да если б не они, сидеть бы Адамову все 15 лет, то есть до 2000 года! А старший Сороко, ставший после отсидки в Минске мелким предпринимателем, сейчас, возможно, добрался бы до поста Генерального прокурора.

ИСТОРИЯ 2-я:

Дружба с Бахусом, кухонные ножи, телеоткровения актрисы Малявиной

Историю гибели молодого актера Вахтанговского театра Стаса Жданыко

можно было бы изложить в романтическом духе. Если бы не кухонный нож тридцатисантиметровой длины и другие неудобные подробности. Актриса Малявина поступает просто: вспоминая в своих бесчисленных интервью и в мемуарной книге этот эпизод, она подробностями опускает.

И получается нечто из дамского романа: молодой человек (24 года), без памяти влюбившийся в зрелую женщину (37 лет), красавицу, запросто покоряющую бесчисленные мужские сердца, в безнадежном отчаянии кончает счеты с жизнью, пронзая ножом грудь, и шепчет своей возлюбленной, истекая кровью: "Пойдем со мной!"

Что-то преступно легкомысленное

Молодые журналисты, берущие у Малявиной интервью, читатели ее воспоминаний, телезрители, внимающие ее откровениям, замирают в восторженном ужасе: какая женщина! Какую породила страсть!

Они не знают, что, как свидетельствует экспертиза, глубина раны у Стаса Жданыко была 9 сантиметров, сердце пробито длинным ножом насквозь, и жуткий болевой шок не располагал к элегически сентиментальному приглашению "пойти за ним". Не знают и о том, что, согласно той же экспертизе, девятисантиметровый раневой канал был чистый, без дополнительных порезов. Это свидетельствует о том, что саморанение в данной ситуации невозможно: самоубийца не смог бы вытащить нож в идеально противоположном направлении. У него бы дрогнула рука, если вообще хватило бы сил самому вытащить такое орудие убийства. К тому же, говорится в экспертизе, направление раневого канала — резко сверху вниз, а это говорит, что в момент ранения Станислав Жданыко, вероятнее всего, сидел, нападший же стоял.

Кто был нападавшим?

Других людей, кроме Валентины Малявиной, в комнате не было.

Известна одна закономерность: человек, впервые совершивший преступление, в первые минуты испытывает непреодолимую потребность рассказать о том, как это произошло. С Малявиной случилось нечто похожее: она, оказавшись этажом выше, в квартире, где жили работники Вахтанговского театра, рассказала: у нее со Стасом произошла ссора, Стас, сидя в кресле и видя в ее руках длинный нож, распахнул пиджак, крикнув: "На, режь!" И она, по ее словам, ударила его тем ножом.

Кроме этого свидетельства в уголовном деле Малявиной есть и такая подробность: нож она взяла, чтобы открыть бутылку с вином. И — открыла ее. И выпила — два стакана подряд. А затем оказалась с ножом перед Стасом, сидевшим в кресле.

В мемуарной книге, главы которой вначале были опубликованы в журнале "Театр", Валентина Малявина с простодушием неумелого литератора цитирует показания на суде главного режиссера Вахтанговского театра Рубена Симонова: "Я не могу себе представить умышленного убийства, но и Стас не мог покончить самоубийством. Считаю, что произошло что-то преступно легкомысленное" (Выделено мной. — И.Г.). Затем он добавил: "А у Вали бывают неестественно блестящие глаза".

И тут автор воспоминаний начинает торопливо опровергать намеки на ее пристрастие к наркотикам: "Бред все это. Никогда не была склонна ни к наркотикам, ни к никотину. Бог миловал. Другое дело — алкоголь. С Бахусом у нас сначала возникла дружба, а потом он стал поработать меня".

Ни гибель Стаса, ни громкое судебное разбирательство, ни отбытые наказания в колонии не прервали роковую дружбу актрисы Малявиной с Бахусом. Вернувшись из мест заключения, она

признавалась журналистам: "Эта болезнь преследует меня раз в году. Я общаюсь с очень хорошими врачами. Они говорят, что я владею собой. Но все равно трудно".

Состояние "большой обиды"

Но как сделать версию дамского романа убедительной, вопреки тому, что установил суд? Да очень просто! Ну кто из нынешних, падких на сенсацию, журналистов и телерепортеров, всерьез будет интересоваться выявленной судом истиной?

И вот из теле-газетных и книжноромановых откровений Малявиной возникает образ эмоционально-неустойчивого, "полуграмотного", "райцентровского" парня из российской глубинки с ярко выраженным комплексом неполноценности, склонного к суициду. Ему будто бы невероятно трудно было обрести себя в кругу известнейших актеров, с которыми его свела судьба, поэтому-то он в своих дневниках и делал записи, свидетельствующие о его намерении. Например: "Выйди из цепи. Выйди без следа, без наследства, без наследника. Так, Господи, я уже слышу тебя".

Запись, как выяснилось, была цитатой из "Освобождения Толстого" Ивана Бунина и вкупе с другими выписками из множества других хороших книг свидетельствовала: "полуграмотный", "райцентровский" парень стремительно рос — интеллектуально и духовно. Рос он и творчески: сразу после театрального училища был приглашен в академический театр, за полтора года снялся в главных ролях в трех фильмах. Незадолго до его гибели в Вахтанговском театре состоялась премьера спектакля "Ожидание", где Жданько сыграл одну из главных ролей в ансамбле с Ю.Борисовой и Н.Гриценко. "Стас — надежда нашего театра", — сказала о нем Юлия Борисова. Его ра-

Истекая кровью, он шептал: "Пойдем со мной!"

боты были выдвинуты на соискание премии Ленинского комсомола, а это для тех лет серьезное общественное признание. И в тот роковой вечер он отнюдь не собирался кончать счеты с жизнью — у него был куплен билет на поезд и, если бы не удар ножом, он на следующий же день был бы на съемочной площадке.

О том же говорит и психологическая экспертиза, подводившая итоги показаний более 60-ти свидетелей и анализа дневниковых записей Стаса Жданько и Валентины Малявиной: у Жданько на период, предшествовавший его гибели, утверждают эксперты, не выявлено наличие ситуации, которая могла бы спровоцировать его самоубийство. Суицидальный конфликт и суицидальные мысли также не выявлены.

Состояние же Малявиной авторы экспертизы определили так: Малявина имеет высокий уровень притязаний, высокую самооценку, выраженную потребность в признании. В поведении демонстративна, эгоцентрична, испытывает постоянную потребность в повышении эмоционального возбуждения. Употребляет спиртные напитки. Поведение в состоянии алкогольного опьянения сопровождается аффективными вспышками. 13 апреля (день гибели Стаса Жданько. — И.Г.) переживала, по ее словам, состояние "большой обиды", "сильной обиды" на Жданько, причины которой ею мало осознаются.

Она хочет сниться своим судьям

Откуда такая обида?

Да мало ли причин для обиды порождают запутанные отношения молодого успешного актера и его немолодой спутницы, не обремененной в тот момент интересными ролями ни в театре, ни в кино, зато страстно увлеченной дружбой с Бахусом.

Но и сам погибший разве не виноват в собственной гибели?

Виноват. Ровно на столько, на сколько бывает виновата жертва, провоцирующая потенциального преступника на последний шаг. О чем убедительно говорит виктимология — специальная криминологическая наука о поведении жертвы, приводящем к преступлению. Вспомним сцену, рассказанную Малявиной вахтанговцам сразу после случившегося: "На, режь!" Стас Жданько распахнул пиджак навстречу лезвию, которое, может быть, и не вонзилось бы в его грудь, не выкрикну он своих, по-театральному резких, слов.

Да не перепутали ли они оба жизнь со сценой? И не это ли имел в виду Рубен Симонов, сказавший на суде о преступном легкомыслии обоих?

А какая могла бы получиться книга, задайся Малявина целью написать обо всем этом правдиво! О муках актерской не востребоваемости. О самообманной театрализации собственной жизни. О манипулировании близким человеком, ставшим чем-то вроде говорящей куклы, которой не жалко оторвать голову в припадке пьяной ярости. О прозрении души, увидевшей сотворенное зло, ужаснувшейся и начавшей трудную работу самообновления и самотворения — через покаяние.

Но покаяния не случилось.

Случилось продолжение театрализации, сочинение дамского романа, мстительно-лживого, начиная с выпренного названия ("Услышь меня, чистый сердцем!") и кончая клетническими строчками о близких друзьях Стаса Жданько, знавших правду их отношений, — о Стасе Марьине и Николае Попкове. Тут стиль дамского романа автору изменяет — появляется визгливая интонация скандала на коммунальной кухне: Малявина обвиняет друзей Жданько в том, что они будто бы по-

сле его гибели украли его вещи, носили его тулуп... Боже мой, думаешь, читая это, ну почему она не чувствует кощунственности мелочного сведения счетов в ситуации кровавой драмы, унесшей жизнь талантливого человека?!

Вернувшись из заключения, Малявина могла бы обратиться в суд с требованием пересмотра дела, раз уж считает себя невиновной. (Вплоть до международного суда в Страсбурге!) Но, видимо, ей — для продолжения театрализации — позарез нужна роль жертвы судебного произвола. И вот она дает интервью под броским названием — "Я хочу сняться по ночам моим судьям". Рассказывает о том, что стала верующей и теперь стремится "отдать себя людям". Появляется на телеэкране, в передаче "Моя семья", в качестве эксперта по сложным жизненным ситуациям и, размашисто крестясь, вещает о греховности судебной власти.

— Даже вас, известную актрису, взяли в оборот, — поддакивает ей телеведущий. — Но вы могли бы себя отстоять...

— У нас законы очень странные, — лихо отвечает Малявина, — судебные власти не признают своих ошибок.

И миллионы ошельмованных телезрителей, не ведающих, за что именно была осуждена актриса Малявина, преисполняются жгучей неприязнью ко всей судебной системе. Они же не знают, что перед ними оказался человек, одевший чужие одежды. Выдающий себя не за того, кто он есть. То есть — ряженный.

Почему им не стыдно?

Да, конечно, мемуарное вранье бывает и неосознанным. Когда, например, автор, увлеченный ошибочной версией событий, дает им свою трактовку, не опуская существенных подробностей.

Несостоявшийся же генпрокурор Сороко и успешная телепроповедница Валентина Малявина обращаются с фактами так, будто это кусочки мозаики, из которых они вольны сложить любую картину происшедшего. Подтачивать биографию. Ошельмовать сведениях.

Это типичная компенсаторская попытка шулерскими методами восстановить рухнувшую, высокую — в прошлом, самооценку. Они оба, по точному выражению В.Сороко, "всегда хотели быть на виду" и, выбитые тюрьмой из общественного поля зрения, сейчас судорожно пытаются вернуться.

Избранный ими путь возвращения не оригинален. В минувшее десятилетие ошеломленные россияне уже не раз видели, как мутные волны перемен возносили к высотам власти шулерствующих ловкачей, как низвергали их, обнажая их мерзостное нутро, как те, пытаясь удержаться на плаву общественного внимания, обрушивали на простодушного читателя мемуарно-лживые оправдания.

Все эти бывшие — "банный" министр юстиции, "похожий на генпрокурора человек", пользовавшийся большим успехом у жриц любви, популярный в середине 90-х адвокат, организовавший кражу раритетов из библиотеки, — и не собирались падать на колени на виду у всех, целовать землю, каяться. Их шулерская суть осталась неизменной, поэтому их следующее желание после очередной катастрофы логично — обмануть! Еще раз! Авось да поверят! Если не все, то хоть кто-то. А заодно — отыграться на своих обидчиках. Отомстить. Унизить. И за счет этого самому возвыситься.

Им не может быть стыдно, потому что стыд — это восставшая совесть, а переживание стыда (через покаяние!) — это обновление души, это победа добра над злом на территории одного "Я".

Им не стыдно, потому что их совесть парализована ложью. ■

КТО ПОХИТИЛ ЭССИ МАНУН?

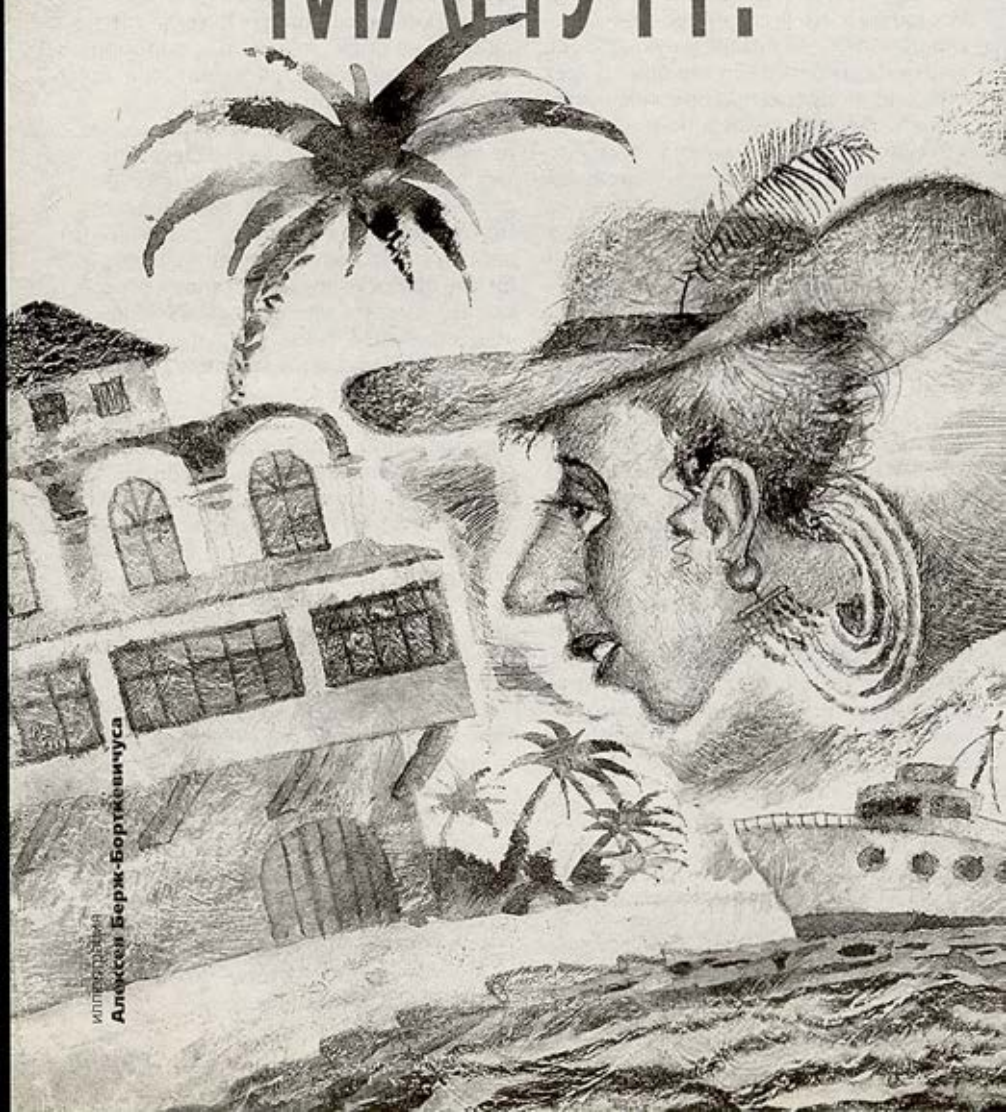

иллюстрация
Алексей Борженичуха

Часть 1. Машины

Глава 1

Шагая по залитому солнцем причалу к "Осмотрительной", Келли в который раз порадовался, что хозяином этой красавицы посчастливилось стать именно ему. Сверкающая белизной сорокафутовая яхта, построенная на верфи "Нельсон и Олмен" в 1940 году, за время своего существования была изрядно модернизирована. Теперь на ней стояли двойные дизельные моторы GM 6-71, а вдобавок она была оборудована новейшими навигационными приборами и кондиционером. Келли владел "Осмотрительной" вот уже семь месяцев, живя на ее борту в добровольном затворничестве. Яхта была его убежищем, плавучим домом, где он мог спрятаться от окружающего мира. Сегодня это положение вот-вот должно было измениться, и в глубине души Келли этого побаивался.

Отчасти именно по этой причине он пришел сюда так рано — почти на час раньше назначенной на 13.00 встречи. Хотелось побыть в одиночестве, прежде чем в его жизнь и на его судно вторгнутся посторонние люди, а разработанные им планы перестанут быть просто безобидными мечтаниями и начнут воплощаться в жизнь, после чего пути назад уже не будет.

Келли — серьезного вида худощавый молодой человек в очках с пластиковыми солнцезащитными шторками, одетый в белую рубашку навыпуск, брюки цвета хаки и серые кроссовки, — осторожно перешагнул с причала на палубу и остановился, оглядываясь по сторонам. Насколько можно было судить, за ним никто не наблюдал. Флоридское солнце нещадно палило, и поблескивавшая свежей краской "Осмотрительная" внешне ничем не отличалась от множества других яхт, пришвартованных на якорной стоянке к югу от Майами-Бич. Разумеется, отличия были, причем весьма существенные, но об этом знал лишь один он.

Пригибаясь, Келли спустился по узкому трапу в кают-компанию — просторное помещение с застеленным зеленым ковром полом и обшитыми кленовыми панелями стенами. Здесь было жарко и душно, и перед тем, как снять с очков пластиковые шторки и войти в тесную носовую рубку — центр его тайной жизни? — он повернул рукоятку кондиционера на максимум. Затем щелкнул выключателем, улыбнулся машине, занимавшей почти всю комнату, и тихо сказал:

— Привет, УМНИК.

Машина молчала.

Келли уселся за пульт, мягко положил руки на клавиатуру и умиротворенно улыбнулся. Было слышно, как о борта лениво плещется легкая волна, едва заметно раскачивая яхту, как поскрипывают якорные канаты...

— Ну что ж, сегодня настал великий день, — обратился он к машине и печально покачал головой. — Искренне надеюсь, что ты прав.

Келли, точнее — Келли Брэм Николас Четвертый, сын Келли Брэма Николаса Третьего, внук Келли Брэма Николаса Второго, и правнук Келли Брэма Николаса Первого терпеть не мог людей, но зато всей душой обожал машины. Имея отца-тихоню, придавленного непомерным грузом необходимости быть третьим подряд Келли Брэмом Николасом, и властную мать, которую мог полюбить только врач-психиатр, нынешний Келли Брэм Николас вырос с твердым убеждением, что в этой жизни можно доверять только машине, но ни в коем случае не людям.

Честно говоря, во многом Келли и сам походил на маленькую великолепно отлаженную машину, и если все его научные исследования в области электроники, механики и химии до сих пор не принесли ему богатства и известности, это еще не означало, что он не достиг определенных успехов.

До сегодняшнего дня жизнь Келли представляла собой бесконечную череду пирровых побед. Дома приходилось несладко, поскольку отношения с матерью можно было без преувеличения охарактеризовать как конфликтные, а отец, человек замкнутый, не желавший слышать о чьих-либо проблемах и старавшийся быть дома как можно реже, совершенно не интересовался делами сына. Школьные годы вспоминались как сплошной кошмар. Не обладая крепкими кулаками, Келли был одним из тех всезнаек, которым ум приносит одни неприятности. Учителя недолюбливают учеников, чьи знания превосходят их собственные, а дети — сверстников, командным играм на свежем воздухе предпочитающих книги. Неудивительно, что со временем Келли превратился в умного и язвительного одиночку, совершенно не приспособленного к жизни в современном обществе.

После того, как его отчислили из четвертого колледжа подряд за то, что он учился не просто хорошо, а очень хорошо, Келли обнаружил, что решение, принятое на родительском совете, сделало получение дальнейшего образования невозможным. Впрочем, этого ему уже и не требовалось. Основная проблема заключалась в другом: разрушительные последствия ряда рискованных экспериментов в лабораториях колледжей, куда ему порой всеми правдами и неправдами удавалось пробираться, положили конец его и без того нечастым практическим исследованиям. Как же теперь продолжать опыты? — ломал он себе голову. И на какие деньги? О том, чтобы устроиться на работу, не могло быть и речи, поскольку для этого требовался диплом, а также умение общаться с коллегами.

Именно тогда Келли и решил, что у него не остается иного выхода, кроме как встать на путь преступления. Совсем ненадолго, надо повернуть всего лишь одно дело. Одно, но достаточно крупное, чтобы обеспечить себя до конца жизни. Кого он мог выбрать в партнеры? Разумеется, машину. Точнее, УМНИКа.

Келли собрал его сам на яхте, купленной им в Атлантик-Сити через десятые руки и все равно втридорога. На покупку яхты, как, впрочем, и на постройку УМНИКа, требовались деньги, и их пришлось добывать из самых разнообразных источников, однажды даже с помощью шантажа, но отец, смертельно боявшийся, как бы мать не прознала о его амурных похождениях, тяжко вздохнул и, ни слова не говоря, раскошелился. На это же "благое" дело пошли деньги от продажи "мустанга", с которого Келли пылинки сдувал, и высококлассной стереосистемы. После мучительных колебаний он был вынужден расстаться и со своей коллекцией комиксов — наверное, самым полным в мире собранием фантастики и ужасов. Не говоря уже о двух патентах на изобретения, сделанных им в студенческие годы — самозаклеивающийся молочный пакет и распылитель пестицидов, приносившие ему небольшой ежегодный доход.

Итак, он замыслил — и тут УМНИК поддержал его, как только был закончен и начал функционировать — совершить всего одно преступление. Всего одно, но такое, которое могло бы обеспечить его на всю оставшуюся жизнь. Поначалу Келли имел весьма смутное представление о том, каким способом он раздобудет столь крупную сумму, но не сомневался, что рано или поздно их общие с машиной таланты помогут изобрести что-нибудь подходящее.

Едва УМНИК приступил к работе, Келли начал пачками скармливать ему материалы, почерпнутые из "Нью-Йорк таймс", пока банк памяти компьютера не был готов лопнуть от обилия информации по различным областям бизнеса. Только после этого, придя к выводу, что машина, к тому времени еще не имевшая названия, сравнялась с ним по интеллекту, Келли приступил к поискам будущего "объекта экспроприации". Прежде чем принять окончательное решение, они несколько недель подряд сообща изучали проблему.

Однако как только "объект" был выбран, между ними возникли разногласия, чуть было не вызвавшие разрыв в их отношениях. Естественно, Келли намеревался осуществить задуманное сам, без посторонней помощи, но УМНИК начал настаивать на привлечении еще двоих помощников. Келли долго упрямылся, но в конце концов УМНИКу с его логикой и неисчерпаемым запасом терпения удалось его переубедить, и он начал подбирать себе сообщников.

Именно машина выдвинула предложение ограничить круг поисков людьми, которых Келли уже знал, и тот сразу же понял две вещи — во-первых, это замечательная идея, а во-вторых — его УМНИК точно такой же параноик, как и он сам.

Келли ввел в УМНИКа максимально подробные сведения обо всех своих приятелях, которых он более-менее хорошо знал. Учтявая его характер, таких оказалось немного, но в конце концов из предоставленного списка УМНИК отобрал два имени. По его мнению, эти двое обладали не только подходящей квалификацией и прочими талантами, делавшими их ценными членами группы, но также личными качествами и биографиями, позволявшими сделать вывод, что предложение Келли почти наверняка их заинтересует.

Хотя Келли уже довольно давно не общался с обоими кандидатами, найти их оказалось очень просто, и когда он убедился, что их дела отнюдь не процветают, на душе у него заметно полегчало. Следуя разработанному УМНИКом плану, он отправил им неподписанные письма, в которых сообщалось, что если адресат прибудет на встречу в такое-то место и в такое-то время, у него появится возможность хорошо заработать. Особо подчеркивался тот факт, что уже один их приезд будет означать готовность принять участие в некоей не совсем законной операции. В конверты были вложены авиабилеты и по двадцать долларов на расходы.

И вот сегодня этот день настал. Если они вообще приедут, то должны быть здесь к часу дня. Неожиданно для себя Келли обнаружил, что хотел бы, чтобы стадия теоретической разработки "великого преступления" продолжалась подольше, и начал понимать, что самая увлекательная часть плана уже позади.

Его раздумья прервал донесшийся с палубы голос, удивительно похожий на голос актера Чарльза Лафтона:

— Эй, на шхуне! Дома есть кто-нибудь?

— Это Фрэнк, — сообщил Келли УМНИКу, вскакивая и глядя на часы. 12.55. Значит, он просидел здесь почти час!

В последний раз взглянув на УМНИКа, Келли погасил свет, захлопнул дверь носовой рубки и вышел в кают-компанию.

— Я здесь! — крикнул он, остановившись у подножия трапа. — Спускайся!

Молодой человек, бодро сбегавший вниз по ступенькам, был того же возраста и роста, что и Келли, но на этом сходство заканчивалось. Фрэнк, плотный блондин с открытым жизнерадостным лицом, был одет в коричневые мокасины, бежевые слаксы и расстегнутую на груди белую рубашку с короткими рукавами, на носу у него сидели узкие темные очки в белой пластмассовой оправе. Оказавшись в полутемной кают-компании, он сорвал их и своим обычным голосом воскликнул:

— Келли! Так это был ты?

— Я, — кивнул Келли. Он нервничал, а потому не находил подходящих слов.

Фрэнк с улыбкой протянул ему руку.

— Здорово, старик! Сколько лет, сколько зим. В последний раз ты мне звонил, когда хотел спихнуть комиксы. Ну и как, получилось?

— Да. В конце концов получилось.

— Я бы тебе с удовольствием помог, но такими вещами давно уже не занимаюсь.

— Да. Ты говорил.

Фрэнк с интересом оглядел кают-компанию.

— Это твоя посуда? Выглядит неплохо.

— Да.

Фрэнк одобрительно кивнул и повернулся к Келли.

— Ну так в чем дело?

— Что значит — в чем дело? — слегка запинаясь, пробормотал тот, совершенно не готовый давать какие-либо объяснения.

— Письмо, — подсказал Фрэнк. — Билет. Двадцать долларов. Надо думать, все это не ради того, чтобы толкнуть мне пачку комиксов?

— Нет. Э...

— Есть тут кто-нибудь? — послышался новый голос с палубы.

— Да, да, есть! — Келли страшно обрадовался предоставленной отсрочке. — Мы тут внизу, спускайся!

— Еще один? — Фрэнк, вскинув брови, с любопытством посмотрел в сторону трапа.

— Вряд ли вы знакомы, — сказал Келли, и в этот момент в кают-компанию появился третий. — Робби! Рад снова тебя видеть.

Робби неуверенно шагнул вперед.

— Келли? — удивленно протянул он. — Ну и ну! Будь я проклят!

Его можно было запросто принять за младшего брата Гарри Белафонте — такой же темнокожий, симпатичный, со стройной гибкой фигурой, только улыбка чуть менее заразительна, чем у короля музыки "калипсо". На нем были черные "оксфордские" ботинки, темно-серые брюки с отутюженными стрелками, белая рубашка с узким серебристым галстуком и голубой спортивный пиджак, с плеча свисала небольшая синяя сумка с надписью "Люфтганза" на боку.

Келли показал на сумку.

— Ты ведь никогда не был за границей.

— А, это? — Робби усмехнулся. — Свистнул в аэропорту. — Подойдя к ним вплотную, он поставил сумку на пол, снял темные очки в изящной металлической оправе и, пожав руку Келли, выжидающе посмотрел на Фрэнка.

— Фрэнк Эшфорд, Робби Кресуэл, — представил их друг другу Келли. — Робби, я познакомился с Фрэнком, когда он торговал старыми журналами, мы тогда были еще мальчишками. Большой талант по части подражания чужим голосам... Фрэнк, мы с Робби проучились один семестр в Шерманском технологическом.

— Пока ты не устроил взрыв в общежитии, — засмеялся Робби. — Слушай, старик, к чему вся эта секретность — письма и так далее? Не мог просто позвонить?

— Тот же самый вопрос задал и я, как только приехал, — поддержал его Фрэнк.

Эту часть Келли отрепетировал заранее, поскольку они с УМНИКом предусмотрели несколько вариантов развития беседы.

— Позвольте объяснить все так, как я считаю нужным, — ответил он. — Даже если сначала это покажется вам несколько запутанным.

— Господи! — Фрэнк вздохнул. — У тебя выпить ничего нет?

— Вон там ты найдешь бар, где есть выпивка на любой вкус. Мне, пожалуйста, джина с тоником.

— Как скажешь. Робби, а тебе?

— Спасибо, мне то же самое.

Келли пристально наблюдал за обоими. Похоже, и тот, и другой заинтригованы, но все же... Сработает ли?

— Итак, — откашлявшись, начал он, — одна из причин, по которой мы здесь находимся, заключается в том, что у нас много общего.

Фрэнк, деловито обследовавший содержимое холодильника, удивленно посмотрел на него.

— Ты серьезно?

Робби усмехнулся.

— Глядя на нас, так не подумаешь.

— Нам всем нужны деньги, — тихо проговорил Келли.

И Фрэнк, и Робби мгновенно позабыли про шутки. Фрэнк, так и не достав льда, захлопнул дверцу холодильника и спросил:

— Что сие должно означать?

— То, что означает.

— А почему, собственно, ты так уверен насчет меня? — поинтересовался Робби.

— Уверен, — кивнул Келли. — Я знаю про вас обоих все. Не хочу вдаваться в подробности, но я точно знаю, что у вас нет ни денег, ни хорошей перспективной работы. И даже если у вас и были все шансы ее получить, вы не сумели ими воспользоваться. Фрэнк, ты нам не нальешь?

Фрэнк бодро отозвался:

— Да, наверное, стоит. У меня такое чувство, что выпивка мне не помешает. — Он снова открыл холодильник и достал лед.

— Вам обоим хочется того же, что и мне, — пожал плечами Келли. — Денег, и побольше. Столько, чтобы можно было с легкой душой уже сейчас уйти на пенсию, получать проценты и спокойно заниматься тем, чем нравится. Чтобы не переживать о работе, налогах, платежах за то, за се... и о многих других вещах, без которых трудно обойтись.

— Аминь, — кивнул Робби.

Фрэнк, откупоривая бутылки с тоником, добавил:

— Ежегодный стабильный доход — это как раз то, что мне нужно. Я не жадный. Просто чтобы хватало на жизнь, не более того. Яхты мне ни к чему. — Он широким жестом обвел кают-компанию. — Ничего такого. Тысяч десять в год меня вполне устроит.

— Если предположить, что это будет... допустим, процентов пять от основного капитала, — сказал Келли, — то для того, чтобы иметь десять тысяч в год, тебе понадобится двести тысяч.

— Да, целая куча денег, — приуныл Фрэнк, добавляя в джин тоника.

— Надеюсь, ты не намекаешь на что-то незаконное? — с легкой усмешкой спросил Робби.

— Разумеется, намекаю! — тут же отозвался Келли. — Попробуй законно заработать двести штук.

Фрэнк раздал бокалы и поднял свой.

— За преступление! — провозгласил он.

Все выпили.

— Келли, а что хоть за преступление? — спросил Робби.

Тот покачал головой.

— Сначала вы должны мне сказать "да" или "нет". Как же иначе я могу повеселить вас во все подробности? А вдруг вы скажете "нет", повернетесь, и поминай как звали?

Фрэнк поморщился.

— Келли, будь реалистом. Не знаю как Робби, а я так не могу, пока точно не выясню, в чем дело. Допустим, я соглашусь, а ты потребуешь, чтобы я порешил собственного папашу.

— Никаких убийств! — поспешно заверил его Келли. — Никто не пострадает. — Он указал на закрытую дверь носовой рубки. — Там у меня стоит компьютер, небольшой, но чертовски умный. Называется УМНИК. Это сокращение от Универсального Многовариантного Накопительно-Информационного Компьютера.

— А он-то здесь при чем? — нахмурился Фрэнк.

— Сейчас узнаешь. Дело в том, что этот компьютер спланирует преступление за нас. Вы только представьте! Преступление по-научному. УМНИК учитывает все обстоятельства, каждую деталь, все мыслимые и немыслимые мелочи. Чтобы разработать такой план, сотне профессиональных преступников потребуется целый год. А мы закладываем в него необходимые данные, и через пять минут все готово.

— Да, ты совсем не изменился, — заметил Робби.

— УМНИК работает! Да еще как!

— Не сомневаюсь.

— Минутку, — вмешался Фрэнк. — Насколько я понял, ты всерьез вознамерился начать преступную жизнь и...

— Только одно преступление, — перебил его Келли. — Всего одно дело, но крупное. Мы трое загребем такие деньги, что их хватит на комфортабельную жизнь до конца наших дней.

— Это сколько же? — насмешливо прищурился Робби.

— По двести восемьдесят пять тысяч на брата.

Некоторое время все молчали, а затем Робби задумчиво произнес:

— И никого не надо убивать. Никто не пострадает. И у тебя есть компьютер, который сам разработает план.

— Да.

— И мы должны сказать "да" или "нет" до того, как ты нам расскажешь, в чем дело.

— Да. И еще. Мы должны отплыть отсюда сегодня же. Завтра нам уже надо быть в Карибском море, чтобы начать подготовку. Так что вам придется решать прямо сейчас.

— То есть, если мы ответим "да", то вот так прямо берем и отчаливаем? — уточнил Робби.

— Именно.

Фрэнк и Робби переглянулись.

— Наверное, вы захотите все как следует обдумать, — сказал Келли. — Возможно, даже посоветоваться друг с другом. Я посижу в рубке, подожду. Если будут вопросы, постучите.

— Договорились, — кивнул Фрэнк. Выглядел он смущенным и совершенно сбитым с толку.

Закрыв за собой дверь рубки, Келли уселся перед пультом УМНИКа.

— Думаю, они согласятся, — сказал он машине и отхлебнул джина с тоником.

Спустя три минуты в дверь постучали. Келли встал и открыл.

— Хотите взглянуть на УМНИКа?

Робби и Фрэнк остановились на пороге рубки, изумленно взирая на компьютер.

— Я его сам собрал, — продолжал Келли. — Тут всего полно... в общем, с миру по нитке... Кое-что от "Ай-Би-Эм", "Берроуз", "Контрол дата", "Ай-Ти-Ти"... есть даже детали от обычного кассового аппарата.

Фрэнк уважительно кивнул.

— На вид машина и впрямь башковитая. Ну... выглядит она так... солидно... Короче, ты меня понял.

— Вы что-нибудь решили?

— Мы согласны, — сказал Фрэнк, а Робби кивнул.

— Что ж, отлично, — улыбнулся Келли. — Теперь можно и поговорить.

Пройдя в кают-компанию, они расселись по креслам.

— Ладно, Келли, кончай темнить, — нарушил затянувшееся молчание Фрэнк. — Мы согласились. Выкладывай, что ты задумал.

— Вы знаете киноактрису по имени Эсси Манун?

Робби засмеялся, а Фрэнк удивленно вскинул брови.

— Знаем ли мы ее? — переспросил он. — Господи Боже, да ее весь мир знает. Келли, старина, очнись, ты живешь в башне из слоновой кости!

— Ошибаетесь, — досадливо мотнул головой Келли. — Мне известно, насколько популярна Эсси Манун. Просто я не был уверен, знаете ли это вы.

— Знаем, знаем, — кивнул Робби. — Ну так в чем дело-то?

— Мы ее похитим.

Глава 2

Из огромного окна номера отеля открывался великолепный вид на Лас-Вегас. Однако Эсси Манун была от этого отнюдь не в восторге, поскольку Лас-Вегас терпеть не могла и находиться здесь не желала. Она предпочла бы смотреть на него с совершенно иным чувством — например, зная, что ее вещи уже упакованы и пора ехать в аэропорт. Хорошо бы, конечно, при этом еще и вспомнить, куда она уезжает.

Эсси Манун, тридцатидвухлетняя красавица, богатая, знаменитая и обожаемая миллионами кинозрителей, с огорчением была вынуждена признаться себе самой, что ей скучно, невыносимо скучно. И хотя Эсси прекрасно отдавала себе отчет, что порой производит впечатление "скучающей богатой сучки", она ничего не могла с собой поделать. Да и что тут поделаешь, когда вся жизнь состоит из съемок в фильмах, бесконечных перелетов из одного города в другой и светских приемов? О, эти приемы! Все расфуфырены, все улыбаются, говорят комплименты... Бесконечные приемы, и ни один из них не стоит того, чтобы тащиться туда через полстраны.

Жизнь Эсси представляла собой типичную историю кинозвезды. Сирота, удочеренная приемными родителями, она выросла на ферме в Северной Дакоте и точно так же, как и до этого ее многие коллеги, встала на путь к славе и успеху, в пятнадцать лет победив в местном конкурсе красоты.

Свою карьеру в кино Эсси начала, снявшись в эпизодических ролях в трех второсортных боевиках, а затем — в десятке отвратнейших, с ее точки зрения, телесериалов. Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы ее появление в "Порочном и неистовом" в роли проститутки — пикантной, острой на язычок, но в то же время необычайно трогательной — не принесло ей долгожданную популярность. После этого ее взял под свою опеку сам Макс Мэннинг, один из опытейших голливудских агентов, который и добыл ей статус звезды. Теперь ее гонорар за картину составлял 850 тысяч долларов, и Эсси без особого труда делала по полтора фильма в год. Она прекратила собирать журналы со своей фотографией на обложке, когда коллекция перестала помещаться в небольшом книжном шкафу, и в последний раз испытывала нечто похожее на восторг года четыре назад, когда на протяжении десяти дней все-таки размышляла над тем, не бросить ли все к черту и постричься в монахини.

Короче говоря, скука представляла для Сэсси серьезную, почти неразрешимую проблему. Не происходило ничего нового, не осталось вершин, которые надо было покорить, никакие неожиданности не подстерегали за углом... Впрочем, и углов-то никаких не осталось, ничего, кроме ровной прямой дороги, ведущей к очередному успеху, гарантированным гонорарам и всеобщему обожанию.

Где бы ей сейчас хотелось оказаться? На какой город, вместо Лас-Вегаса, смотреть из этого окна?

Ну... на какой-нибудь другой.

Она прилетела сюда только вчера из Нью-Йорка вместе с Бенни Бернардом и своими афганскими борзыми. Бенни учил ее играть в джин, хотя в разное время ее учили играть в джин еще человек десять. Пока что он не пытался к ней подъехать, но попробует обязательно. Еще одна скучная неизбежность.

Лас-Вегас. Сэсси вздохнула, глядя в окно. Пришлось сюда приехать, потому что у старины Макса появился новый клиент, совсем молоденький мальчик, который открывает здесь какое-то шоу, и все самые известные клиенты Макса должны заскочить на премьеру, чтобы обеспечить пареньку "засветку" в прессе. На премьере Сэсси как всегда сучала и хлебнула лишнего, и теперь даже не могла вспомнить, что делал этот новый мальчик Макса. Пел? Танцевал? Смешил публику? Показывал фокусы?

В дверь постучали.

— Входи, Бенни, — лениво откликнулась Сэсси, искренне надеясь, что ошиблась. Но дверь открылась, и на пороге появился, конечно же, Бенни Берnard.

— До отлета у нас есть еще полтора часа.

Бенни Берnard являл собой образец типичного представителя второго поколения киношников, чьего-то племянника. Когда вы не знаете, что делать с бестолковым родственником, который и школу-то толком не сумел закончить, то сплавляете его на киностудию — помощником ассистента режиссера, осветителем, звукооператором или еще кем-нибудь в этом роде. Когда же вы не знаете, что делать с бестолковым родственником, у которого диплом колледжа, то отдаете его в отдел по связям с общественностью. У Бенни Берnard, чей-то племянник, четыре года назад закончил Корнелл и последние три месяца сопровождал Сэсси в поездках в качестве ее компаньона и пресс-секретаря.

— Еще целых полтора часа, — недовольно повторила Сэсси, отворачиваясь от окна. — Дождаться не могу. И куда мы отправляемся на сей раз?

— Как куда? На Ямайку, — с удивлением ответил Бенни. — Господи, милочка моя, ты же сама всем плешь проела, чтобы тебя туда послали.

— А! Фестиваль?

— Он самый, — кивнул Бенни. — Ты — член жюри. Теперь к тебе надо обращаться "ваша честь", прямо как к судье. — Он уселся в белое с золоченой окантовкой кресло у окна и закинул ногу на ногу. Его ботинки были плохо вычищены, а узкий галстук накрахмален так, что им можно было смело резать хлеб. Вдобавок от него несло лосьоном для бритья с каким-то тошнотворным восточным ароматом. В небе Лас-Вегаса сияло яркое солнце, но в его лучах Бенни был похож на человека, получившего повышенную дозу радиации.

— Прямо как к судье, — повторила Сэсси и улыбнулась.

Надо же, она совсем забыла про этот фестиваль. Три месяца назад оргкомитет фестиваля в Монтего-Бэй направил ей письмо, в котором предлагал принять участие в работе жюри, и она с радостью согласилась. Иностранные фильмы, иностранные кинематографисты, иной подход к работе, общение с коллегами, которое позволит узнать столько нового и интересного... Сэсси была польщена, и когда Макс, руководство киностудии и все остальные наперебой принялись отговаривать ее от этой за-

теи, она наотрез отказалась обсуждать эту тему. Господи, ей предложили стать членом жюри международного кинофестиваля! Нет, она поедет, и точка!

— Даже не знаю, на кой черт он тебе сдался, — тем временем разглагольствовал Бенни. — Честно говоря, для тебя это будет неважной рекламой. Масштаб не тот. Ты слишком крупная фигура, чтобы...

— Полагаю, ты никогда не слышал такого слова, как "престиж"?

— Слышал, слышал. И могу тебе сказать, что это такое. Стрельба из пушки по воробьям. Буря в стакане. Суета сует.

— Ты считаешь, что мне следует взять отпуск на годик-другой и пойти в Актерскую школу?

— В качестве кого? Неужто директора?

Лицо Сэсси окаменело.

— Бенни, ты свободен. Встретимся в аэропорту.

Почувствовав холод в ее голосе, Бенни понял, что в своей фамильярности зашел несколько дальше, чем следовало.

— Шучу, милочка моя, шучу, — быстро пробормотал он, пытаясь не показать, что нервничает. — Я просто тебя подкалывал, только и всего, понимаешь?

— Забери Каму и Сутру из "Конуры". И пришли кого-нибудь за моими вещами. Пока, Бенни.

— Ладно тебе, тоже, аристократка нашлась. Извини, если я...

Сэсси сняла телефонную трубку.

— Дайте, пожалуйста, Лос-Анджелес. Киностудию "Джей-Кей филмз".

— Сэсси...

Она повернулась к Бенни спиной.

— Ну хорошо, хорошо, — поспешно проговорил тот, — ухожу. Самолет вылетает в три, билеты у меня.

Едва за Бенни закрылась дверь, Сэсси положила трубку и усмехнулась.

— На кой черт мне сдался этот фестиваль? Козел! Да что ты понимаешь?!

Глава 3

— Ну как, ты готова? — спросил майор Ффорк-Линтон.

— Почти, — ответила мисс Рашби, поправляя завязки кружевного воротничка платья.

В два часа полудни порт Монтего-Бэй представлял собой весьма оживленное место. Яхты, клипперы и моторные катера рядами выстроились вдоль причала, словно машины на стоянке возле некоего морского супермаркета. Жара стояла невыносимая, однако в салоне "Грозной", принадлежавшей майору Ффорк-Линтону, царила прохладная, по-британски спокойная атмосфера. Викторианская мебель, пушистые ковры, и среди всего этого великолепия — пожилая пара: Аделаида Рашби в пышном платье с кружевным воротничком и сам майор — в твидовом пиджаке с кожаными заплатками на локтях и черными с сединой усами.

— Тогда можно идти, — сказал Ффорк-Линтон, и в этот момент в дверь постучали.

Майор и Аделаида быстро переглянулись.

— Вряд ли это что-нибудь серьезное, — прошептала Аделаида.

— Конечно, нет, — тоже шепотом ответил майор. — Глупо с нашей стороны... Войдите!

Дверь открылась, и в салон робко шагнул Буллуорт Спенс из "Юнайтед Кингдом филмз", молодой человек, одетый, с точки зрения майора, довольно небрежно — на

нем была белая рубашка с короткими (!) рукавами да еще без галстука, но, по крайней мере, он курил трубку.

— Добрый день, майор, — поздоровался Спенс. — Добрый день, мисс Рашби.

— Здравствуйте, мальчик мой, — кивнул майор, а Аделаида приветливо улыбнулась.

— Вы куда-то собрались? — спросил Спенс, глядя на сумочку, которую держала в руках мисс Рашби.

— Просто прогуляться, — пояснила Аделаида.

— Что ж, в любом случае я всего лишь на минутку. Мне удалось раздобыть для вас билеты на фестивальный фильм. "Аборт по-итальянски".

— Что вы говорите?! — воскликнул майор. — Прелестно.

— А кроме того, сегодня вечером сэр Альберт устраивает прием. В честь Сэсси Манун.

Майор и Аделаида вновь переглянулись.

— Но ведь мисс Манун — американка, — удивленно протянула Аделаида.

— Да, мисс Рашби, я вас прекрасно понимаю, но мы хотим пригласить ее для съемок в совместной картине. Так сказать, американские мускулы, но британские мозги. Вдобавок она член жюри. Вы бы хотели попасть на прием?

— На прием? Конечно! Мы будем в восторге. Правда, Альфред?

— Совершенно верно, — подтвердил майор.

— Тогда я распоряджусь, чтобы к девяти за вами прислали машину.

— Это было бы чудесно, — улыбнулась Аделаида. — Мы вам так признательны.

— Не за что. — Спенс посмотрел на часы. — Увы, мне пора. Надо встретить ее в аэропорту, знаете ли. До вечера.

— До вечера, — кивнул майор.

После того, как Спенс ушел, Аделаида заметила:

— Однако! Какая неожиданная удача.

— Это может помочь, — согласился майор. — Кстати, не взглянуть ли нам на новых соседей?

— О, да, конечно! Я и забыла.

Сойдя с "Грозной", они направились к соседней яхте под названием "Осмотрительная", причалившей только сегодня утром с командой из трех человек — двух белых и одного негра. Майора и мисс Рашби крайне интересовало, не могут ли новоприбывшие послужить причиной возникновения каких-либо проблем, способных помешать осуществлению их плана. Едва оказавшись на Ямайке, они предусмотрительно навестили обитателей соседних судов и пришли к выводу, что это вполне безобидная публика. Теперь им предстояло оценить с этой точки зрения и новых гостей.

Все трое молодых людей находились на палубе. Остановившись в футе от сходящей, майор окинул их пристальным взглядом и, расплывшись в фальшивой улыбке, представился:

— Ффорк-Линтон. А это — мисс Рашби.

— Добрый день, как поживаете? — вежливо кивнула Аделаида.

Ответом им было гробовое молчание. Судя по всему, эти трое были полными невежами, дикими варварами, не имевшими ни малейшего представления о хороших манерах. Ни один из них даже не подумал представиться или вообще хоть как-то отреагировать на появление гостей.

Черт возьми, с другой стороны, являться на борт чужого судна без приглашения тоже не соответствовало правилам хорошего тона. Постояв с минуту и так и не дождавшись какой-либо реакции, майор смущенно откашлялся.

— Обычный визит вежливости, знаете ли. Решили к вам заглянуть и познакомиться с новыми соседями. Мы вон оттуда, с "Грозной".

Чернокожий вздрогнул, словно неожиданно пробудился ото сна, и поспешно ответил:

— Да, конечно. Простите, мистер Форк-Линтон. Не желаете с мисс Рашби подняться на борт?

Один из белых — тот, что в очках — наградил негра убийственным взглядом, но майор сделал вид, что ничего не заметил. Поднимаясь по сходням в сопровождении Аделаиды, он дружелюбно улыбнулся.

— Вообще-то, можно просто — майор.

— Рад с вами познакомиться, майор. Роберт Кресуэл. Позвольте вам представить Фрэнка Эшфорда и Келли Брэм Николаса Четвертого.

— Очень приятно.

— Здрасьте.

— Вы на Ямайку надолго? — спросил майор, немного раздосадованный тем, что негр оказался единственным из троих, кто продемонстрировал хоть какое-то подобие знания правил этикета. Однако он был не из тех, кто позволил бы подобному вздору отвлечь его от намеченной цели.

— Мы приехали на фестиваль, — сказал Фрэнк Эшфорд.

— Вот как? Вы имеете отношение к миру кино?

— Нет, — угрюмо буркнул третий — Келли Брэм Николас Четвертый. Четвертый! Подумать только!

— В какой-то степени — да, — почти одновременно с ним ответил Фрэнк Эшфорд и хмыкнул, словно вспомнил какую-то веселую шутку.

Николас Четвертый метнул убийственный взгляд и на него.

— Просто мы любим кино, только и всего, — добавил чернокожий Кресуэл.

Ишь ты, кино они любят!

Аделаида, по-прежнему державшая майора под руку, спросила:

— Кому же из кинозвезд вы отдаете предпочтение?

— Никому, — проворчал Николас Четвертый.

— Эсси Манун, — с ухмылкой сообщил Фрэнк Эшфорд, за что немедленно удостоился очередного убийственного взгляда.

— Кто мой любимый актер? — задумчиво нахмурился Роберт Кресуэл. — Наверное, все-таки Сидней Пуатье.

То, что Эшфорд упомянул Эсси Манун, было довольно странно. Странно, и не могло не настораживать. Впрочем, на этом фестивале она самая известная кинозвезда, так что, возможно, в конце концов это не так уж и необычно.

— Мы так восхищались вашей яхтой, — сказала Аделаида. — Такая элегантная и комфортабельная!

— Не желаете осмотреть? — предложил Кресуэл, старательно избегая взгляда Николаса Четвертого. Да что с ним такое?

Аделаида с благодарностью кивнула.

— С удовольствием.

Кресуэл взял на себя роль экскурсовода, Фрэнк Эшфорд, по-видимому, занимавший в этой компании должность шута горохового, отпускал шуточки на морскую тему, а Келли Брэм Николас Четвертый плелся позади всех, мрачный и недовольный всем на свете.

Яхта и в самом деле оказалась не такой уж плохой. Камбуз был хоть и маленьким, но удобным, и оборудован холодильником, кают-компания по комфортабельности почти не уступала салону "Грозной".

Одно только было странно — носовую рубку почти полностью занимала поблескивавшая огоньками зловещего вида электронная машина, словно взятая из научно-фантастического фильма.

— А это наш рыбоискатель, — указывая на нее, пояснил Кресуэл.

— Рыбоискатель? — переспросил майор, с недоуменным видом разглядывая машину.

— Работает по принципу радара.

— С помощью этой штуковины рыбы можно наловить сколько угодно, — добавил Эшфорд.

— Очень интересно, — с умным видом кивнул майор, выдавив из себя улыбку. Он никогда не любил рыбу и не мог понять людей, которым нравится эта гадость.

Когда они вернулись в кают-компанию, именно Кресуэл додумался предложить гостям выпить, но майор, вежливо поблагодарив, отказался.

— Скажите, майор, а вы-то сами здесь уже давно? — поинтересовался Эшфорд.

— Всего несколько дней, — ответил майор. — Мы, так же, как и вы, приехали на фестиваль.

— Вы имеете отношение к миру кино?

— У меня есть пара друзей в кинобизнесе, но сам я в отставке.

Еще никто и никогда не спрашивал майора, откуда он ушел в отставку. Ни разу.

Они с мисс Рашби постояли у трапа, болтая о разных пустяках, но теперь майор был уверен, что с этими ребятами все ясно и бить тревогу нет никаких оснований. Обыкновенные богатые молодые бездельники и лоботрясы, которые от нечего делать болтаются по Карибскому морю на яхте, несомненно подаренной одному из них любящими родителями. А свирепые взгляды Николаса Четвертого скорее всего свидетельствуют о том, что он владелец яхты, а вдобавок антисоциальная личность, которые в наше время, увы, все чаще встречаются среди отпрысков обеспеченных людей.

Исключительно из вежливости задержавшись еще на пару минут, майор и Аделаида откланялись и вернулись на "Грозную".

— Что ж, возможно, они неотесанные, как буры, но, по крайней мере, безобидны, — сказал Форк-Линтон, наливая себе джина.

— А мне они понравились, — пожала плечами Аделаида.

Майор вздохнул.

— Дорогая, тебе нравятся все. Не исключено, что тебе понравится даже Сэсси Маннун.

— Значит, говоришь, рыбоискатель?! — прорычал Келли, стукнув кулаком по столу. Наконец-то этот ужасный зануда-англичанин вместе со своей жирной Аделаидой умотал восвояси, и теперь он мог выплеснуть накопившееся раздражение. — Рыбоискатель! Ты... ты обзвал УМНИКа рыбоискателем!

— А как, по-твоему, я должен был его обзывать? — огрызнулся Робби. — Универсальным Многовариантным Накопительно-Информационным Компьютером, так, что ли?

— Я не хочу, чтобы ты его вообще как-нибудь обзывал! И не хотел, чтобы эти люди появлялись на яхте. А ты берешь и показываешь им УМНИКа!

— Келли, это был единственный выход, — спокойно ответил Робби. — Извини.

— Робби прав, — поддержал его Фрэнк, но этим лишь подлил масла в огонь.

— Насчет чего прав? — взъерился Келли, не желая им уступать. — На кой черт нам вообще понадобилось их приглашать? Кто их сюда звал?

— А что еще оставалось делать? — пожал плечами Фрэнк. — Робби сразу это просек.

— Если бы мы их отшили, они бы от нас отстали! — с горячностью заявил Келли.

— Еще бы, конечно, — согласился Робби. — А потом бы ломали головы, что мы за странные типы такие, что скрываем? И тогда, после того, как мы похитим Сэсси Манун...

— Вот-вот, — кивнул Фрэнк. — А так они побывали у нас на борту, увидели компанию безобидных ребят в отпуске, и теперь скоро о нас забудут.

— Именно, — улыбнулся ему Робби.

Келли понимал, что они правы, но у него еще не хватало решимости это признать.

— Надо же, рыбоискатель, — проворчал он и отвернулся.

Робби развел руками.

— Это все, что я мог придумать. Извини. Я не хотел тебя обидеть.

— Да знаю, — нехотя согласился Келли и покачал головой. — Ну ладно, неважно. Ты был прав, нам надо было пустить их на борт. Остается лишь надеяться, что здесь больше нет таких любопытных.

— Даже если и есть, у нас все равно отличное прикрытие, — возразил Фрэнк. — Трое молодых ребят решили проветриться и прошвырнуться до Монтего-Бэй.

— Я не хочу, чтобы по моей яхте разгуливали толпы народу, — проворчал Келли и посмотрел на часы. — Между прочим, тебе пора в аэропорт. Ее самолет должен скоро приземлиться.

— Верно.

— Запомни — фотографии, факты, короче, все, что сможешь раздобыть.

— Есть, шеф! — гаркнул Фрэнк, шуточно отдавая честь. Повернувшись, он принялся навьючивать на себя снаряжение: фотоаппарат, портативный магнитофон, бинокль, экспонометр — все в кожаных футлярах с ремешками, и развешивать на шее.

Тем временем Келли переключил свое внимание на Робби.

— УМНИК требует информации по Ямайке. Тащи все, что сможешь найти. История, география, законы... в общем, как можно больше.

— Я все помню.

— Еще он хочет, чтобы ты как следует изучил повадки аборигенов. Надо, чтобы ты мог сойти за одного из них.

Робби улыбнулся.

— Ты хочешь сказать, что мне надо будет сойти за цветного?

— За ямайца, — совершенно серьезно поправил его Келли, начисто лишенный чувства юмора.

Фрэнк и Робби вместе сошли на берег, и яхта наконец оказалась в полном распоряжении Келли.

Келли обошел яхту, придирчиво рассматривая обстановку, и убедился, что все на своих местах и ничто не указывает на присутствие на борту двух лишних пассажиров. К тому же Робби и Фрэнк взяли с собой минимум багажа, и их вещей было практически не заметно.

Келли закончил обход у носовой рубки. Включив свет, он горестно улыбнулся УМНИКУ.

— Что-то у меня сегодня нервишки шалят, — сказал он, усаживаясь за пульт, и включил машину. На панели загорелись огоньки, послышался тихий гул. — Ну что, как насчет партии в кала?

Кала была игрой африканского происхождения. УМНИК не очень подходил для таких игр, как шахматы, но кала — математическая игра на доске с простыми прави-

лами, — была идеальным спортом для состязания человека с машиной. Келли и УМ-НИК провели немало часов, пытаясь перехитрить друг друга, и воспоминания об этом каждый раз вызывали у Келли приятные ностальгические чувства.

— Кто выиграет две партии из трех, тот и победил, — сказал он сам себе, отлич-но сознавая, что выключит компьютер не раньше, чем партий через пятьдесят.

Глава 4

Сэсси Манун, ведя на серебристых поводках своих афганских борзых, вышла из самолета под жаркое солнце Ямайки и ослепительно улыбнулась в хищно нацеленные на нее фотообъективы.

— Бенни, не вздумай лезть в кадр, — почти не шевеля губами, произнесла она — так, чтобы у подножия трапа ее никто не услышал. Бенни послушно кивнул.

Сэсси немного постояла на площадке трапа, махая рукой, улыбаясь и позируя фотоаппаратам.

На взлетной полосе состоялось нечто вроде импровизированной пресс-конференции.

Вдоль самолета выстроилась шеренга чернокожих полицейских в шортах, неподвижно застывших, словно опасавшихся, что их в любую минуту могут обвинить в неких нечистых помыслах, а потому боявшихся сделать лишнее движение. Чуть поодаль толпились зеваки. Небо было огромным, голубым и безоблачным, все самолеты вокруг сверкали на солнце, словно серебряные птицы, которым и положено сверкать, а жара стояла такая, что, казалось, еще чуть-чуть, и из кукурузных початков можно будет готовить поп-корн, не прибегая к помощи духовки. Сэсси почувствовала, что у нее начинает кружиться голова.

Бенни Бернард был тут как тут — заботливо поддерживая ее под локоток, он мужественно отбивался от фотографов и репортеров:

— О'кей, ребята, на сегодня все, ребята, завтра, ребята, но она безумно счастлива оказаться здесь и уверена, что это будет потрясающий фестиваль.

— Бенни у меня хороший мальчик, — тихо проговорила Сэсси. — Время рассчитал отлично.

— Для своей Миледи я готов на все, — усмехнулся тот, прокладывая дорогу в толпе.

Неожиданно перед ними как из-под земли возник высокий и болезненно тощий молодой человек.

— Добро пожаловать на Ямайку, мисс Манун! — воскликнул он с сильным английским акцентом. — Я — Буллуорт Спенс, от сэра Альберта. Прошу к машине. Сюда, пожалуйста.

Спенс показал, в какую им сторону, и повел их за собой. Сэсси изумленно уставилась на Бенни, который, хитро подмигнув, прошептал:

— Расскажу по дороге.

Стараясь не отставать от Спенса, они подошли к черному "роллс-ройсу". Сэсси, Бенни и афганцы устроились на заднем сиденье, а Спенс сел рядом с шофером. Полицейский закрыл за ними дверцу, и машина медленно двинулась вперед. Какой-то молодой фотограф-блондин, перепоясанный множеством ремней, щелкнул Сэсси через стекло, и "роллс-ройс" наконец вырвался на шоссе.

— Да что с ними такое? — Сэсси изумленно тряхнула головой. — Репетируют встречу Де Голля?

— Милочка, да они здесь от тебя все балдеют, — пояснил Бенни. — Это тебе, конечно, не Лос-Анджелес или Нью-Йорк, но тем не менее. А кроме того, надо же этим

ребятам настроичить какой-нибудь материал, чтобы оправдаться перед бухгалтерией за старые расходы.

— Ты всегда знаешь, как поднять человеку настроение.

Бенни, так и не уловивший едкого сарказма, воспринял ее слова совершенно серьезно.

— Ну что, надеюсь, теперь-то все о'кей? — ухмыльнулся он. — Хоть теперь-то ты на меня не сердись?

— Как на тебя можно сердиться? Куда нас везут?

Бенни посмотрел вперед, но заднее сиденье было отделено от переднего стеклянной перегородкой, сквозь которую, судя по всему, не проникало ни звука.

— На время фестиваля ты — гостя сэра Альберта Фицроя, — объявил он. — А рядом с шофером сидит его адъютант, Спенс.

— Я думала, на фестивале все будут жить в отеле.

— Так решили на студии. Они считают, что так будет лучше.

— Скажите, какие заботливые! Что еще за сэр Альберт Фицрой такой?

— Англичанин. Руководит "Юнайтед Кингдом филмз". Вдобавок поддерживает тесные контакты с местным правительством по поводу того-сего. Но тебе на его счет волноваться нечего, он педик.

— М-да, лучше и не придумаешь.

— В любом случае, мы здесь ненадолго. — Бенни спихнул с колена голову одного из афганцев и достал из кармана пиджака записную книжку. — Хочешь послушать нашу программу пребывания?

— Можно. И больше так Каму не толкай.

— Прости. — Бенни открыл записную книжку. — Так... Сегодня вечером в доме Фицроя состоится прием в твою честь. Фактически его организует "Юнайтед Кингдом филмз".

— Наверное, он захочет, чтобы я на него работала, — заметила Сэсси.

— Возможно, — согласился Бенни. — Мне-то почему знать?

— Не буду я на него работать! — фыркнула Сэсси. — Я уже это знаю.

— Решать тебе, — пожал плечами Бенни, по-прежнему глядя в записную книжку. — Посмотрим... Ага! Первый конкурсный показ завтра, сразу после банкета. Английский фильм, "Солнце никогда не заходит". Наверное, что-нибудь антивоенное.

Сэсси поежилась.

— Небось, опять море крови.

— Не знаю. Но перед этим тебе придется посмотреть еще две картины. Просмотр будет организован специально для тебя. Один в...

— Почему специально для меня?

— Потому что в пятницу тебя здесь уже не будет. Значит, тебе надо будет посмотреть пятничную программу завтра утром.

— Но почему?

— Ты же член жюри. — Бенни развел руками. — Поэтому, хочешь не хочешь, тебе придется посмотреть все фильмы.

— Да нет же, дубина! Я спрашиваю, почему меня не будет в пятницу?

— Потому что ты должна быть на премьере в Нью-Йорке.

Сэсси нахмурилась.

— На какой еще премьере?

— Как какой? "Вжик!"

Сэсси посмотрела на него так, словно он сошел с ума.

— Что ты несешь? Что еще за "вжик"?

— Да это же твой фильм, — нетерпеливо пояснил Бенни. — С Риком Тандемом. Премьера в пятницу в Нью-Йорке. Ну, тот самый, который сначала хотели назвать "Сирена и ученый".

— Понятно, — кивнула Сэсси. — А я думала, его назвали "От винта!". И еще ведь было какое-то другое название, кажется, "Выше знамена!"

— Ну а теперь "Вжик!", — пожал плечами Бенни. — С Риком Тандемом. Уж не знаю, почему им взбрело в голову устроить премьеру в пятницу... Так что вот, раз в пятницу тебя здесь не будет, завтра тебе организуют специальный показ пятничной программы. С ретроспективной "Блонди" к тебе никто лезть не будет, разве что сама не захочешь.

— С чем?

— Я и не думал, что ты захочешь. — Бенни сверился с записной книжкой. — И еще русский фильм, начинается завтра утром, в десять тридцать. Называется "Оленьи сапожки".

— Как?

— Суета сует, — буркнул Бенни. — Ты единственная, кому была охота смотреть всю эту чушь.

Сэсси, вздохнув, посмотрела в окно машины.

— В настоящий момент Сэсси Манун находится в своей машине — черном "роллс-ройсе", номерной знак VX-352, — проговорил в микрофон Фрэнк. — Ее по-прежнему сопровождают мужчина и две собаки, на вид ужасно глупые.

Репортеры и фотографы, толпившиеся на взлетной полосе, начали расходиться, перебрасываясь солеными шуточками. Фрэнк быстрым шагом направился к окружающей летное поле оградке, к которой была прислонена взятая напрокат "веспы", на ходу продолжая говорить в микрофон:

— "Роллс" отъезжает. Следую за ним.

"Роллс", не снижая скорости, промчался через весь город, в том числе и по Барнетт-стрит — мимо полицейского управления, которого Фрэнк, пытаясь совладать с рулем, даже не заметил, — и вновь оказался в пригородах. Огромные грузовики и автобусы с чудовищным воем то и дело проносились навстречу Фрэнку, угрожая содрать кожу с костяшек пальцев правой руки и заставляя его щурить правый глаз.

Наконец в пяти милях от города "роллс" свернул налево и, миновав ворота в виде двух каменных столбов, начал подниматься к большому белому дому на холме.

Проскочив мимо въезда на территорию поместья, Фрэнк затормозил под деревом и, прислонившись к стволу, снова включил магнитофон.

— Шестнадцать двадцать одна. Машина подозреваемой направляется к загородной вилле, расположенной по адресу...

— А сейчас, — провозгласил Буллуорт Спенс, вводя гостей в просторный вестибюль, — позвольте вам представить сэра Альберта Фицроя!

Сэсси впервые в жизни слышала, чтобы кого-то представляли с таким пафосом и воодушевлением, словно демонстрируя новое чудо природы, но была вынуждена признать, что в данном случае подобный метод и в самом деле является наиболее подходящим. Сэр Альберт Фицрой, стоявший перед ней с широкой улыбкой на лощеной физиономии и протянутой для рукопожатия ладонью, больше походил не на человека, а на его отлично выполненное трехмерное изображение. Увидев его, трудно было удержаться от восклицания: "Совсем как живой!"

Однако и на живого человека он был похож лишь в той степени, в какой похожи на живых людей герои фильмов, снятых на пленке "техникалор". Двубортный синий

пиджак с медными пуговицами сидел на нем как влитой, брюки без единой складочки поражали острыми, как нож, стрелками, ослепительно начищенные ботинки блестели. Широкий золотой браслет часов, казалось, светится изнутри сам по себе, как и маленькое золотое кольцо на левом мизинце. Лицо сэра Альберта заливал тот здоровый румянец, который не встретишь нигде, кроме как на картинах Нормана Роквелла, а волосы — черные на макушке и седые на висках — зачесаны на пробор настолько гладко, что их можно было запросто принять за парик. Уверенный в себе человек лет сорока пяти — в меру приветливая улыбка, квадратная челюсть, высокие скулы, искренний и доброжелательный взгляд карих глаз, настолько честный, что в это невозможно поверить.

Не слишком ожидая какой-либо реакции от этого манекена, и в самом деле необычайно похожего на человека, Эсси улыбнулась своей знаменитой изысканно-деловой улыбкой:

— Очень рада с вами познакомиться, сэр Альберт.

— Давно мечтал с вами встретиться, Эсси. Можно называть вас Эсси?

Его голос — звучный бархатистый баритон, призванный внушать доверие, был столь же безупречным, как и все остальное. Слишком безупречным.

Эсси была настолько поражена этим голосом и тем фактом, что сэр Альберт, совсем как механическая кукла Авраам Линкольн в Диснейленде, может двигать головой и руками, что прошла целая секунда, прежде чем до нее дошло — ей задали вопрос.

— Разумеется, сэр Альберт, — с готовностью кивнула она. — Буду только рада.

— Благодарю вас, дорогая моя, — проворковал тот и, как Эсси и предполагала, поцеловал ей руку.

— А это Бенджамин Бернارد. Мой пресс-секретарь.

Наблюдать за сэром Альбертом было одно удовольствие. Эсси заметила, как, обмениваясь с Бенни рукопожатием, он буквально оцупал его своими маленькими механическими глазками и, придя к выводу, что тот не является важной персоной, навсегда вычеркнул его из списка людей, достойных его внимания. Глазки сэра Альберта начали тускнеть, словно лампы только что выключенного из сети радиоприемника, и Эсси поняла, что для него Бенни больше не существует.

Сэр Альберт вновь повернулся к Эсси.

— Должно быть, вы устали с дороги. Я распоряжусь показать вам вашу комнату, где вы сможете освежиться. Спускайтесь, когда вам захочется, а если понадобится что-нибудь с кухни, просто наберите по телефону "семерку".

Все понятно. Очередной отель.

— Очень вам признательна, сэр Альберт, — улыбнулась Эсси.

— Надеюсь, вы не будете возражать, — пророкотал тот своим баритоном, — но сегодня вечером я устраиваю небольшой прием в вашу честь. Надеюсь, вы не откажетесь к нам присоединиться?

— Да, Бенни мне говорил, — кивнула Эсси. — Я уверена, что все будет замечательно.

Обменявшись с ней еще парой ничего не значащих вежливых фраз, сэр Альберт передал их с Бенни на попечение Буллуорта Спенса, который проводил их через прохладный полутемный белый вестибюль к подножию широкой лестницы и перепоручил молчаливому стройному негру-лакею.

Окна комнаты Эсси выходили на море. Что и говорить, по сравнению с Лас-Вегасом это было куда более привлекательное зрелище, но легче от этого как-то не становилось. Даже здесь на нее продолжали давить.

Да, она была права — студия собиралась “одолжить” ее сэру Альберту. Сэси была одной из последних крупных кинозвезд, по-прежнему сотрудничавших с Голливудом на контрактной основе, — ее третий психоаналитик считал, что тавем образом она неосознанно стремится найти защитника и покровителя, — и по условиям контракта ей полагалось сняться еще в двух фильмах, после чего она собиралась последовать примеру своих коллег, ведущих образ жизни “свободного художника”.

Выходит, в ее жизни ничего не изменилось, и все осталось по-старому? И сегодняшняя вечеринка будет пустой тратой времени, обыкновенной шумной показухой, полной скучных людишек? Что ж, в конце концов от нее ждут только одного — чтобы около десяти она появилась перед гостями. А остаток вечера можно просидеть у себя в комнате и спокойно почитать.

Глава 5

Свернув на залитую оранжевыми лучами заходящего солнца Кент-авеню и накручивая педали взятого напрокат велосипеда, Робби наконец позволил себе отвлечься. Задание Келли было выполнено, и теперь он размышлял о тяжелой доле чернокожего в этом мире, точнее, о том, как много зависит от цвета кожи.

Еще ни разу в жизни Робби не ощущал так остро, как сегодня, каково это — быть американским негром на острове Ямайка. Весь день он чувствовал себя неким бесплотным духом, столь же нереальным, как персонаж одного научно-фантастического романа, который никак не мог добиться того, чтобы его услышали другие люди. Местным жителям было легко определить по его одежде и акценту, что он американец, а следовательно — чужой, что же касалось американских туристов, то те принимали его за одного из аборигенов, и никак не за своего. Таким образом оба лагеря считали его принадлежащим к другой стороне, и Робби провел весь день на своей личной “нейтральной территории”.

У входа в яхт-клуб Робби слез с велосипеда, прислонил его к стене и вошел внутрь. Спустившись по длинной лестнице и миновав высокую арку, он оказался на причале и неторопливо направился к “Осмотрительной”. Проходя мимо “Грозной”, он заметил майора Ффорк-Линтона и мисс Рашби, расположившихся на палубе в шезлонгах и любующихся закатом, и был крайне удивлен, когда мисс Рашби приветливо улыбнулась и помахала ему рукой.

— Великолепный закат, не правда ли?

Робби посмотрел на запад.

— Просто потрясающий, — кивнул он, благодарный ей за это маленькое проявление человечности, и ненавидя себя за это. Он зашагал дальше, отметив про себя, что закат и в самом деле высший класс — небо полыхало голубым, оранжевым и пурпурным, на темно-бирюзовой поверхности моря покачивалась оранжевая дорожка, тянувшаяся от багрово-красного шара солнца, садящегося за далекий горизонт.

Фрэнк и Келли на палубе не было. Поднявшись на борт, Робби обнаружил их в кают-компании — Келли разглядывал слегка размытые фотографии Сэси Манун в аэропорту, а Фрэнк давал пояснения.

— Этот малый вышел из самолета вместе с ней. По-моему, они не очень-то ладят. Мне кажется, он просто на нее работает.

Келли кивнул и повернулся к Робби.

— А у тебя как дела?

— Отлично. Но ямайский акцент у меня никогда не получится. Он похож на английский, но какой-то другой.

— Пар-рень, у нас тут на остроф-фах говор-рят по-особенному, — прошепелявил Фрэнк.

— Во-во, — кивнул Робби, — один в один. Каждый раз, когда я пытаюсь под него подделаться, мой голос звучит, как у попугая.

— Что ж, работай, — сказал Келли. — Больше ничего?

Робби снял с плеча портативный магнитофон в кожаном футляре и поставил его на кофейный столик.

— Здесь полно всего. Общие сведения. Еще раздобыл кучу рекламных проспектов для туристов. — Он достал из кармана объемистую пачку разноцветных брошюр. — И кое-что разузнал в городе. Сэсси Манун остановилась в загородном доме, который арендует сэр Альберт Фицрой, крупный английский кинопродюсер.

— Я ехал за ними как раз до этого места, — добавил Фрэнк. — Здоровенный двухэтажный домина, весь белый и стоит на холме. Очень смахивает на мексиканскую асиенду.

— Сегодня вечером там состоится прием, — продолжал Робби. — Настоящий званный обед в честь Сэсси Манун. Ожидается более сотни гостей.

Келли резко выпрямился и уставился на Робби с крайне заинтересованным видом.

— В доме? Прямо там, где она остановилась? Прием?

— Да еще какой! — Робби усмехнулся. — Поди узнай, кто прошел по приглашению, а кто — "зайцем".

Келли вскочил и возбужденно потер руки.

— Боги нам улыбнулись. Это хороший знак.

— Значит, у нас счастливая звезда. — Фрэнк довольно рассмеялся. — А если повезет, то скоро разживемся еще одной. И зовут ее...

— Сегодня вечером мы увидим ее во плоти, — кивнул Келли. — И обследуем этот дворец, где она остановилась. И, может быть, раздобудем массу ценной информации. Робби, во сколько вечеринка?

— Начало в восемь.

— Мы приедем к девяти тридцати.

Глава 6

Подъездная дорожка, ведущая к дому, была плотно забита припаркованными машинами: тут — "роллс-ройс", там — "кадиллак", чуть подалее — "альфа-ромео". Опоздавшие гости были вынуждены ставить свои машины у подножия холма на обочине шоссе и взбираться наверх по извилистой дорожке, по обеим сторонам которой на пальмах были развешаны гирлянды янтарных лампочек. Фасад дома тоже был усеян разноцветными огоньками, четко очерчивавшими его контуры на фоне ночного неба. Откуда-то изнутри доносилась местная музыка.

Ровно в девять тридцать Келли, Фрэнк и Робби вылезли из такси у начала подъездной дорожки, расплатились с водителем и спустя пять минут поднялись к распахнутой настежь входной двери. Все трое — в легких спортивных костюмах и при галстуках, ради такого случая даже Келли приоделся.

То и дело подходили новые гости, но никто и не думал их встречать или проверять приглашения. Убедившись в этом, трое компаньонов спокойно вошли в дом, кивнули друг другу и разошлись по разным комнатам.

На первом этаже яблоку негде было упасть, зато на втором — почти никого. Вокруг проворно сновали официанты, подтаскивая с кухни подносы с напитка-

ми, сэндвичами и чистыми пепельницами. Гости расхаживали по комнатам, болтали, жевали, пили, позвякивая кубиками льда в бокалах... И курили, курили, курили...

Чем старше и важнее был гость, тем ближе ко входной двери он предпочитал оставаться. Главная гостиная, начинавшаяся сразу за вестибюлем, была оккупирована курильщиками сигар — бизнесменами и финансовыми тузами, небрежно стряхивавшими толстые колбаски пепла на ворсистый темно-лиловый ковер. В воздухе витали такие выражения, как “процентные ставки”, “контрольный пакет”, “грабительские налоги”... Некоторые из них явились с женами — удивительно похожими друг на друга, дорого, но безвкусно одетыми полными женщинами, небольшими группками расположившимися на расставленных вдоль белых стен банкетках. Зрелище это напоминало выставку смешных кукол на витрине дешевого магазинчика, и мисс Рашби выделялась среди “присутствующих здесь дам”, как подводная лодка в стаде китов.

В следующей комнате, набитой книгами, купленными оптом на аукционе, а потому носившей гордое название “библиотека”, вовсю дымили трубками “интеллектуалы” — преуспевающие сценаристы, режиссеры и продюсеры. Здесь смысл всех разговоров сводился в основном к одному — сколько бы они заработали в этом году, не будь у них такого бестолкового агента. Здешние жены, все как на подбор с длинными распущенными волосами, предпочитали вести беседы на более “актуальные” темы — некоторые из них не виделись со времени последнего марша протеста на Вашингтон. В дальнем углу за партией в “веришь — не веришь” в окружении еще пяти партнеров сидел майор Ффорк-Линтон, и было похоже, что пока выигрывает только он.

Еще дальше, в комнате, из-за обилия больших окон и экзотических растений в кадках считавшейся солиерием, собрались курильщики сигарет — актеры, певцы, комики и прочие знаменитости, обменивавшиеся впечатлениями о недавно прочитанном бестселлере. При взгляде на их жен — одетых по последней моде длинноногих красоток с пустыми лицами — сразу же вспоминалась приемная киностудии “Капа-бланка” в те дни, когда происходит набор в массовку. Бенни Бернارد, твердо решивший кого-нибудь закадрить, жадно озирался по сторонам, выискивая подходящую кандидатуру.

Снаружи, у бассейна, ловили свой кайф поклонники марихуаны — в основном молодые хиппи в возрасте от двадцати до двадцати пяти, так называемое “новое поколение” — герои телесериалов, участники рок-групп и актеры, в свое время популярные в роли “бунтарей без причины”. Здесь никто не был женат — во всяком случае, не так чтобы очень; все уже давным-давно переспали друг с другом, так что не оставалось ничего другого, кроме как танцевать вокруг бассейна и, пытаясь перекричать музыку, рассказывать друзьям и подругам о результатах последних анализов у венеролога.

По всему дому, словно дрожжи в перевернутом пироге, расплзлись критики, колумнисты, свободные журналисты, составители сборников поэзии и антологий современной прозы, — в общем, вся та разношерстная публика, которая всегда вертится вокруг любого мало-мальски известного кинофестиваля.

Оркестр сидел в патио у бассейна — маримба, электрогитары, барабаны, конги, бонги, маракасы и так далее. Ребята старались вовсю, “обстреливая” танцующих мощным звуковым цунами через выложенный розовой плиткой прозрачный бассейн с подводной подсветкой. На пальмах, тянувшихся вдоль бамбуковой ограды, отмечавшей границу участка, сверкали зеленые и красные лампочки, синие и желтые лучи вращающихся прожекторов выхватывали из темноты потные возбужденные ли-

ца... А дальше за бассейном простиралась тропическая ночь — черная, тяжелая, дышащая жаркой влагой и наполненная москитами.

Робби, проскользнув сквозь толпу, словно клуб дыма, “материализовался” у бассейна. Единственными неграми в доме были слуги, но здесь насчитывалось около полудюжины чернокожих гостей, и Робби сразу расслабился. Движение вокруг бассейна происходило по часовой стрелке, люди танцевали поодиночке и парами — хотя кто с кем, было довольно сложно определить, — и Робби решил напомнить себе, что он еще не разучился танцевать твист.

Келли присоединился к “денежным мешкам” в главной гостиной. Не привлекая к себе внимания, он тихо сидел в уголке, прислушиваясь к разговорам о слиянии банков, борьбе за голоса на совете директоров и структурной перестройке. Каждое произнесенное слово исправно фиксировал на пленку портативный магнитофон, притаившийся у него в кармане пиджака. Ведущий к нему проводок от микрофона можно было легко принять за слуховой аппарат в левом ухе Келли.

Фрэнк с хитрой улыбочкой прочесывал солярий, время от времени шутки ради подражая голосам находившихся в комнате. Люди начинали отвечать на вопросы, которых им никто не задавал, недоуменно озираться по сторонам, и постепенно в солярии воцарилась атмосфера хмурого недовольства друг другом. Когда Фрэнк уходил, гости находились на полпути к массовой кулачной потасовке.

А наверху, освещенная узким лучом стоявшей на ночном столике лампы, сидела Сэсси Манун с последним романом Бернарда Гейса. Помимо лампы, на столике нашлось место для ведерка со льдом, графина с водой, стакана и бутылки шотландского виски, половина содержимого которой уже успела перекочевать в Сэсси. Хотя окно комнаты выходило в сад, а кондиционер работал на полную мощность, до нее все равно доносился пульсирующий ритм оркестра, напоминавший отбойные молотки бригады строителей, подрядившейся построить дом до рассвета.

Хотя Сэсси была уже основательно навеселе, ее это ни капельки не волновало. Разумеется, она помнила, что скоро придется спуститься вниз и показаться на этой чертовой вечеринке, но ей было все равно. Точно так же она отреагировала, когда кто-то постучался в дверь. Сначала Сэсси молчала, но стучавший не унимался, и она, тяжело вздохнув, сказала:

— Войдите.

Дверь приоткрылась, и в комнату просунул голову тот самый тип из аэропорта, Спенс. Сэсси сидела на кровати, но была полностью одета — в оранжевые эластичные брючки и белый топ. Повернув лампу на Спенса, застывшего в полумраке у двери, она спросила:

— Что вам угодно?

Спенс, нервно улыбаясь, вошел в комнату.

— Просто хотел узнать, как у вас дела, мисс Манун. Мы не видели вас внизу.

— Да-да, конечно. Я скоро спущусь.

— Хотел, знаете ли, убедиться, что у вас все в порядке.

— Все отлично. Правда, соседи слишком громко включили радио, но в остальном все отлично.

Спенс непонимающе нахмурился.

— Прошу прощения?

— Ничего. Не обращайтесь внимания. Я скоро спущусь.

— Да? Ну что ж... замечательно... да... Просто я хотел убедиться... убедиться, чтобы быть до конца уверенным... — Продолжая бормотать, Спенс вышел, осторожно прикрыв за собой дверь.

— Я ненавижу сэра Альберта Фיצроя, — негромко сказала Эсси и потянулась за стаканом.

В это время перед домом затормозило такси, выпустив из своих недр молодую рыжеволосую особу по имени Джиггер Джексон — в блестящем белом пластиковом топе, блестящей желтой пластиковой мини-юбке и блестящих белых пластиковых туфлях без каблуков. В левой руке она держала крошечную блестящую пластиковую сумочку, и от ее внимания не ускользнуло, что водитель такси чуть задержался, чтобы поглазеть, как она направляется по подъездной дорожке к дому.

Джиггер Джексон исполнился двадцать один год, и при желании она могла участвовать в выборах президента. Однако такое желание у нее отсутствовало напрочь, поскольку она ставила перед собой куда более важную цель — стать кинозвездой, и никак не меньше.

Такие встречаются на каждом кинофестивале — они привносят в это мероприятие такой же оттенок недолговечной красоты, как яркие цветы на лужайке во время пикника. Кинофестиваль — единственное место на свете, где ненадолго пересекаются мир реальный и мир кинофантазий, где продюсеры, режиссеры, актеры и прочие деятели кино собираются вместе и на несколько дней становятся доступны простым смертным. А потому неудивительно, что туда рвутся толпы кандидаток в кинозвезды с тем, чтобы повращаться среди знаменитостей, пытаться завязать нужные связи, надеясь на контракты, молясь на то, чтобы пробиться наверх...

Именно одной из таких охотниц за удачей и была Джиггер Джексон. К тому времени она уже почти два года моталась по свету следом за кинофестивалями — из Канн в Венецию, из Акапулько в Карловы Вары, из Берлина в Москву, Нью-Йорк, Локарно, Сан-Франциско... Где только ее ни носило. Она успела повидать множество гостиничных номеров, иногда — в одной постели с очередным кинопродюсером или же проходивцем, выдававшим себя за такового. Сжимая ее в объятиях, они жарко нашептывали ей на ушко такие слова, как "кинопроба" и "главная роль", однако ни один и пальцем не шевельнул, чтобы приблизить тот день, когда Джиггер сможет поставить свою подпись в соответствующей графе контракта.

И тогда Джиггер решила сменить тактику. Основная проблема заключалась в том, что при таком обилии конкуренток с одной стороны, и двуличных "фестивальных мужчин" — с другой, у нее было слишком мало шансов на успех. Требовался совершенно иной подход, новая концепция, и Джиггер считала, что на сей раз она ее нашла, и теперь все завершится желанным триумфом.

Конкурентки обычно изо всех сил старались привлечь к себе внимание на фестивалях какими-нибудь необычными выходками — прыгивали на парашютах со взятых напрокат самолетов на палубы частных яхт, раздевались догола в вестибюлях отелей, подстраивали мелкие автомобильные аварии кинозвездам — короче говоря, направляли все свои усилия на то, чтобы произвести впечатление на мужчин. Но насколько Джиггер было известно, еще никто и никогда не пытался проникнуть в мир кинематографа с помощью женщины. Одним прекрасным утром несколько недель назад ее осенило — многие знаменитости любят иметь своего протеже, поскольку это помогает человеку, достигшему успеха, почувствовать свою значимость. Почему какая-нибудь знаменитая актриса не может почувствовать себя меценаткой? Что, если подойти к одной из них и сказать: "Мисс Такая-то, вы мой идеал, всю свою жизнь я старалась брать с вас пример, видела все ваши фильмы и хочу точь-в-точь как вы сняться в кино"? Что, если такие слова затронут самолюбие звезды, и почему бы ей в этом случае не помочь юной девушке воплотить свои мечты в реальность?

Что ж, сегодня вечером у нее будет возможность опробовать свою теорию на практике. Но для этого надо всеми правдами и неправдами прорваться на вечеринку, устроенную в честь Сэсси Манун. Если ей удастся уговорить Сэсси Манун замолвить за нее словечко в Голливуде, помочь сняться хотя бы в одной-единственной кинопробе и... ну, еще, может быть, подыскать хорошего агента, то этого было бы вполне достаточно. Уж после этого — Джиггер была уверена — с остальным она справится сама.

Она неторопливо вошла в дом, готовая выдать любую небылицу, если кому-нибудь взбредет в голову ее остановить, но, к счастью, никто не обратил на нее внимания. Увидев, сколько в доме народу, она довольно улыбнулась. Не будь здесь такой толпы, к Сэсси Манун и близко не удалось бы подступить.

Джиггер остановилась у первой двери справа, заглянула внутрь и, увидев там скопище седовласых шевелюр, вдохнув прокуренный воздух, услышав, как кто-то сказал про шесть процентов годовых, понимающе кивнула.

— Если с Сэсси Манун ничего не выйдет, — сказала она себе, — надо будет поповозить здесь.

Затем повернулась и решительно направилась в глубь дома.

Сэр Альберт Фицрой постоянно перемещался по дому, сверкая своей белозубой улыбкой, а про себя проклиная тот день и час, когда Сэсси Манун появилась на свет. Он приветствовал каждое знакомое лицо, представлялся незнакомым гостям, которые могли оказаться "очень важными персонами", и следил за тем, чтобы необходимые атрибуты любой вечеринки — еда, выпивка, пепельницы и музыка — поступали без перебоев. Но куда запропастилась эта капризная, черт бы ее подрал, баба — Сэсси Манун? Уж могла бы выйти хотя бы на полчаса, так ведь нет, куда там! Спенс доложил, что она пьет часов с десяти, так что один Господь ведает, в каком состоянии она пребывает в данный момент. Чувствуя, что если сейчас он навесит ее, это может вылиться в безобразную сцену, сэр Альберт не покидал первого этажа — улыбался, переходил от гостя к гостю, надеясь, что всем хорошо и без того, чтобы еще и вспоминать, в честь кого все это устроено.

А виновница торжества в это время спала — по-прежнему в своих оранжевых слаксах и белом топе. На ночном столике с непогашенной лампой стояла почти опустевшая бутылка из-под виски. На коленях у Сэсси по-прежнему лежал роман, но она тихо-тихо посапывала, наконец-то достигнув желанного состояния релаксации.

Вторым человеком, гадавшим, когда же она все-таки спустится вниз, была Джиггер Джексон, уже проторчавшая на вечеринке достаточно долго, чтобы понять, что это самое обычное для всех кинофестивалей сборище, а потому вряд ли полезное для нее чем-либо, кроме надежды на встречу с Сэсси Манун. Но если она не появится...

Совсем близко, всего в десятке шагов, находилась лестница, которая вела куда-то в глубь дома, — туда, где по твердому убеждению Джиггер, и скрывалась Сэсси Манун. Хватит ли у нее духу обследовать второй этаж? Время от времени кто-нибудь из гостей поднимался наверх, если оба туалета на первом этаже были заняты. Стало быть, ее не остановят и не будут задавать лишних вопросов. Но что она будет делать, оказавшись там? Просто ходить по комнатам и открывать все двери подряд? Старое испытанное "Ой, а я думала, что здесь туалет! Простите, вы случайно не Сэсси Манун?"

Что ж, в любом случае это лучше, чем торчать внизу, где тебя пожирают глазами молодчики из службы по связям с общественностью — наиболее похотливые и наименее полезные для карьеры девушки люди на свете.

Кто не рискует, тот не пьет шампанского, решила Джиггер и, отбросив все сомнения, поднялась наверх.

В гостиной было полно старых кошелок, игравших в карты, и взгляд брошенный одной из них на заглянувшую в комнату Джиггер, лучше всяких слов дал ей понять, что она здесь лишняя. Вторая комната оказалась туалетом, третья — темной спальней. Джиггер уже собиралась закрыть дверь, как вдруг в темноте сверкнула яркая вспышка. Молния? Но откуда здесь может быть молния! Небо, усыпанное звездами, было чистым и безоблачным. Странно!

Заинтригованная сверх всякой меры, Джиггер быстро юркнула в комнату и тихонько прикрыла за собой дверь. Окно напротив двери располагалось в торце дома, и почти не давало света, однако постепенно ее глаза привыкли к темноте, и она начала различать смутные очертания мебели.

И тут вспышка сверкнула вновь!

Где же ее источник? Ага, где-то слева от нее, причем это явно какая-то лампочка, на долю секунды выхватившая из темноты стол у дальней стены. Это очень походило на... фотовспышку, только очень маленькую.

Джиггер изо всех сил прищурилась, стараясь разглядеть хоть что-нибудь. Куда там!

Тихий щелчок. Затем едва слышный шорох бумаги, и вновь тишина.

Вспышка.

В комнате кто-то был. Теперь Джиггер видела его — темный силуэт на фоне темной комнаты, фигура, стоявшая боком к ней и слегка подавшись вперед.

Шорох.

Стол. Да, это был стол. И что-то на столе, какие-то бумаги, и он их переворачивает — наверное, страницы — после каждой вспышки, а затем она сверкает вновь...

Он фотографирует!

За свой короткий век Джиггер посмотрела достаточное количество шпионских фильмов, чтобы сообразить, что происходит. Микропленка, крошечные камеры, мощные объективы... Миниатюрное шпионское снаряжение нового поколения. И он слишком поглощен своей работой, чтобы заметить, как она вошла — попробуй после яркой вспышки, когда перед глазами расплываются пульсирующие белые круги, разглядеть, как на секунду приоткрылась дверь.

Джиггер нашарила на стене выключатель, и комнату мгновенно затопил яркий свет люстры.

Келли потерял сознание.

Джиггер глазам своим поверить не могла. Едва она включила свет, как этот тип у стола подскочил, словно у него случился инфаркт, выронил камеру, дико уставился на нее сквозь толстые линзы очков, а затем его глаза закатились, и он шлепнулся на пол.

Подбежав к незнакомцу, Джиггер пощупала его запястье — пульс молотил, как экспресс "Флорида-спешл" на подходе к Майами.

Что ж, отлично. Она ведь не хотела убивать этого болвана, только посмотреть на него. Стоя на коленях возле упавшего фотографа, сжимая его запястье и глядя на его побледневшее лицо с отвисшей челюстью, она совсем не к месту ощутила прилив нежности — столь неожиданный и сильный, что смутилась сама. Когда незнакомец потерял сознание, его очки свалились, и одна линза треснула. С этими очками, валяющимися на полу у его головы, и маленькой "птичкой" на носу он выглядел беззащитным и жалким, как потерявшийся щенок.

— Вот балбес, — грубовато буркнула Джиггер, пытаясь вновь войти в образ "крутой девчонки", но ничего не вышло. Ей по-прежнему было его жалко.

Ладно, как бы то ни было, но кто он такой? Нельзя же называть объект свой жалости просто "балбесом". Чтобы получить представление, с кем она имеет дело, Джиггер проворно обшарила его карманы и, найдя бумажник, тут же занялась его содержимым, надеясь выяснить, кто ее новый приятель.

Что и говорить, путешествовать инкогнито он и не собирался. Водительские права, регистрационные документы на яхту и даже читательский билет библиотеки в Глен-Коув, Лонг-Айленд, были выданы на одно имя — Келли Брэма Николаса Четвертого.

В бумажнике Келли Брэма Николаса Четвертого не было ничего, что могло бы объяснить наличие в его карманах всей этой электронной дребедени. На вид он казался довольно молодым парнем — всего на несколько лет старше ее, — который водит машину, имеет яхту, и любит читать библиотечные книги, а также делать фотографии в темных комнатах, особенно когда их хозяева отсутствуют.

Так, ладно. Что же он переснимал своей шпионской камерой? Может быть, это хоть что-нибудь объяснит?

Джиггер встала и, подойдя к столу, увидела маленькую раскрытую записную книжку. Фотоаппарат — миниатюрное японское изобретение с миниатюрной же фотовспышкой, получившее широчайшее распространение во всем мире, лежал рядом на боку.

Схватив записную книжку и перелистав ее, Джиггер обнаружила, что она содержит подробную программу чьего-то пребывания на острове на протяжении одиннадцати дней — на все время кинофестиваля. Какие предстоит посмотреть фильмы и где, какие приемы, ланчи, вечеринки посетить... Но чья это программа?

В книжке не было указано имени владельца, но она явно должна была принадлежать человеку, жившему в этой комнате. Джиггер торопливо обыскала письменный стол, комод и платяной шкаф, но не нашла ничего, за исключением мужской одежды с ярлыками лос-анджелесских магазинов, и присела передохнуть, чтобы решить, что делать с неподвижным телом на полу. А может быть, это и есть законный жилец этой комнаты? Но зачем в своей собственной комнате делать какие-то снимки в крошечной тьме? И почему он так резко выбылся?

На полке платяного шкафа Джиггер заметила чемодан, с виду довольно дорогой. Пожав плечами, она стянула его на пол и открыла. Чемодан был пустой, но в целлюлоидном окошечке на ручке была карточка с надписью: "Б.Б.Бернард, "Джей-Кей филмз", Голливуд, США".

Б.Б.Бернард? Джиггер, наморщив лобик, задумалась. Если он приехал сюда из Голливуда, США, то она его, скорее всего, знает. Про киностудию "Джей-Кей филмз" она, конечно же, знает все, но вот про Б.Б.Бернарда? Г-м-м...

Поглощенная размышлениями, Джиггер не сразу заметила, что "балбес" очнулся и теперь лежит на спине, слегка приподняв голову и моргая. У него были голубые глаза, которыми он беспомощно обводил комнату, по-видимому, стараясь понять, где находится, что без очков было довольно затруднительно.

Ладно, потом все вспомню, подумала Джиггер, усаживаясь на кровать.

— О'кей, приятель! — хрипловатым голосом проговорила она. — Рассказывай быстро.

Тот, близоруко щурясь, сел и огляделся по сторонам.

— Мои очки...

— Вон, на полу, — показала Джиггер. — Одно стекло треснуло.

"Балбес" принялся шарить по полу, но очков так и не нашел. Потеряв терпение, Джиггер встала, подошла к нему и, подобрав их, вложила ему в левую руку. "Бал-

бес" торопливо нацепил их на нос, вздрогнул, увидев перед своим левым глазом зубренные осколки стекла, а затем мрачно зыркнул на нее правым и возмущенно спросил:

— Что вы здесь делаете?

— Переснимаю записную книжку Б.Б. Бернарда, — язвительно ответила она, затем примирительно улыбнулась: — Не дергайтесь, я вас не выдам. Во всяком случае — пока.

"Балбес" перестал вертеть головой, вновь посмотрел на нее и наконец взял себя в руки.

— Между прочим, это и не ваша комната, — проворчал он. — У вас у самой рыльце в пушку.

— Элементарно, дорогой Ватсон. Я думала, что здесь туалет, вошла, увидела, как вы тайком делаете какие-то фотографии и закричала.

В открытом глазу незнакомца появилось обеспокоенное выражение, а второй закрылся снова.

— Вы кричали?

— Еще нет.

"Балбесу" потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить, как обстоят дела, а потом он заявил:

— Почему бы не наоборот? Я тоже могу закричать. Получится ваше слово против моего.

— А я предложу обыскать нас обоих, — усмехнулась Джиггер. — Все, что найдут у меня — это я сама, но у вас... — Она указала на кучку "шпионского снаряжения" на полу.

Глянув на нее, "балбес" захлопал себя по карманам и разолился.

— Вы шарили у меня в карманах!

— Все здесь, ничего не пропало. Я хотела знать, как к вам обращаться. Довольно странные вещи вы с собой таскаете, мистер Келли Брэм Николас Четвертый. Вы что, мастер-телевизионщик?

— Да, — с раздраженным видом буркнул он, по-прежнему сидя на полу и рассылая свое барахло по карманам. — Именно так.

— Ну конечно, — насмешливо кивнула Джиггер. — Вы можете быстро назвать хоть одну причину, по которой мне не стоит подойти к двери и закричать?

Судя по всему, таковых у него не было. Глядя на нее одним глазом, отчего его лицо перекосилось, он только произнес:

— Э-э-э...

— Так я и подумала, — кивнула Джиггер, вставая с кровати.

Она была уже на полпути к двери, когда он сказал:

— Я репортер.

Джиггер обернулась.

— Кто?

— Репортер, — повторил он, на сей раз более уверенно. — Ищу, понимаете ли, сенсацию.

— Так я и поверила, — бросила Джиггер, вновь направляясь к двери.

— Подождите! — В этом возгласе прозвучало такое неподдельное отчаяние, что она остановилась и, повернувшись к нему, увидела, что он сорвал очки и, щурясь, смотрит в ее сторону. Джиггер вновь почувствовала надвигающийся приступ жалости, но тут же строго-настрого приказала себе не расслабляться.

— Ну? Что еще?

— Я не могу думать, — пробормотал он с таким видом, словно неспособность думать одновременно и вызывала у него ярость, и ужасала. — Не могу думать без очков.

— У вас осталась одна целая линза.

— Так еще хуже... я продолжаю открывать другой глаз и... не могу... ничего не получается!

Он и в самом деле выглядел ошеломленным. Джиггер подошла к нему и, наклонившись, машинально погладила по щеке.

— Полегче, тигр, полегче. Успокойся немного.

Сначала он отпрянул, но затем замер, позволяя ей трогать себя. Кожа была жесткой, совсем как автомобильная покрывалка, только гораздо теплее.

— У меня есть запасные очки на яхте.

— Хотите, чтобы я вам помогла? Отвезла на яхту?

— Да.

— Ради Бога. Как только вы мне скажете, к чему все эти ваши шпионские штуки.

— Шпионские? — Он недоуменно заморгал.

— Брось прикидываться, приятель. Фотографии. С чего это вдруг тебе понадобилось переснимать записную книжку Б.Б.Бернарда?

Он покачал головой, крепко стиснув зубы. Джиггер почувствовала, как напряглись мышцы его щеки.

Тогда она встала и, подбоченившись, посмотрела на него сверху вниз.

— Ты попался, Чарли. Все равно рано или поздно придется все рассказать. Вопрос только в том, кому — мне или Б.Б.Бернарду?

— Нечего тут рассказывать, — угрюмо насупившись, проворчал "балбес".

— Ах, так? Ну тогда приготовься — сейчас я так завизжу...

Не успела она повернуться к двери, как он быстро сказал:

— В этом деле замешаны другие люди. Я не могу взять на себя такую ответственность. Не могу сказать ни слова.

Джиггер пристально посмотрела на него.

— Какие еще другие?

— Те, что будут на яхте, — сказал он, слепо пялясь на нее. — Отвезите меня туда. Если они дадут добро, я расскажу все подчистую.

Джиггер прикинула, как ей поступить. Было яснее ясного, что этот Келли Брэм Николас Четвертый не представляет собой ни малейшей опасности. А уж если на такое задание послали его, то что же тогда за слабаки остались на яхте? Вдобавок ей становилось все более любопытно. Что здесь происходит? И не может ли это оказаться полезным для нее?

— О'кей, умник, — кивнула она. — Вставай. Так и быть, отвезу тебя на твою яхту.

Глава 7

— Его здесь нет, — удивленно сказал Фрэнк. Они с Робби шагали по причалу к яхте, но свет на ней не горел.

— Может, спит? — предположил тот.

— Келли? Сейчас?

— Да, это вряд ли.

Сначала они ждали его в доме, отвергнув сделанное майором предложение их подвезти, но Келли так и не появился. Когда вечеринка закончилась и в доме остались лишь несколько заснувших пьяных гостей и слуги, они сдались, взя-

ли такси и вернулись на яхту, которая в настоящий момент была погружена в темноту.

Или?.. Оба одновременно заметили, как в иллюминаторе едва заметно мелькнул огонек, скользнул из стороны в сторону и тут же снова исчез.

— Фонарик, — прошептал Робби.

— Что-то неладно, — тоже шепотом отозвался Фрэнк.

Пригибаясь, они на цыпочках начали подкрадываться к яхте. Время от времени под ногами поскрипывали доски причала, но по обе стороны от них на яхтах скрипели мачты и прочие снасти, так что их шаги тонули на этом фоне.

"Осмотрительная" была пришвартована к причалу бортом, сходни вели на носовую палубу. Осторожно их преодолев и затаив дыхание, Фрэнк и Робби спустились в кают-компанию.

Теперь фонарик горел прямо перед ними, в носовой рубке прямо под тем участком палубы, по которому они только что прошли. Там, где был УМНИК. Дюйм за дюймом Фрэнк и Робби двинулись к открытой двери.

Осторожно заглянув внутрь, Фрэнк увидел рыжеволосую девушку в блестящем пластиковом топе, блестящей желтой мини-юбке и блестящих белых пластиковых туфлях, которая, склонившись над УМНИКом, изучала его с помощью блестящего хромированного фонарика-карандаша.

Выключатель находился прямо за дверью. Фрэнк хлопнул по нему ладонью, вспыхнул свет, девушка подпрыгнула, и ее фонарик, скатившись по рабочей панели УМНИКа, упал на пол.

— О'кей, — сказал Фрэнк, заходя в рубку, и девушка тут же стукнула его по голове крошечной блестящей пластиковой сумочкой. От неожиданности Фрэнк врезался в переборку, а девушка, выскочив из рубки, угодила прямо в объятия Робби.

Спотыкаясь, Фрэнк влетел в кают-компанию и, промчавшись мимо Робби и девушки, которая дергалась в его руках, словно заводная игрушка, выдвинул ящик стеллажа с инструментами и достал пистолет. Пистолет не был заряжен — при похищении людей это совершенно ни к чему, — но она-то этого не знала! Фрэнк повернулся и, вскинув пистолет, гаркнул:

— Замри! Ни с места!

Девушка тяжело дышала и гневно сверкала глазами, а Робби плюхнулся на диван и с облегчением пропыхтел:

— Фу-у-у...

— Ну-с, — промолвил Фрэнк, включая свет в кают-компанию и продолжая держать девушку на мушке, — а сейчас мы выясним, что за чертовщина здесь происходит.

— Мечтать не вредно! — издевательски бросила девушка, вытирая пот со лба.

— Возьми у нее сумочку, — попросил Фрэнк Робби.

У пленницы не было ни малейшего желания расставаться с сумочкой, но когда Фрэнк выразительно помахал пистолетом, она была вынуждена подчиниться и, сердито фыркнув, бросила ее Робби.

— Надеюсь, вы не будете возражать, — тем же издевательским тоном сказала она, — если я присяду.

— Сделайте одолжение, — улыбнулся Фрэнк.

Девушка села, скрестив руки на груди и положив ногу на ногу, и с недовольным видом принялась наблюдать, как Робби копается в ее сумочке.

— Г-м-м... — пробормотал тот, протягивая Фрэнку открытую сумочку, чтобы тот мог видеть ее содержимое. — Очки Келли.

Фрэнк посмотрел на очки, затем вновь перевел взгляд на девушку.

— Одна линза разбита, — добавил Робби.

Фрэнк, сверкнув глазами точь-в-точь, как до этого она, грозно спросил:

— Что ты сделала с Келли?

— Предлагаю обмен.

— Обмен? Какой обмен? — поинтересовался Робби.

— Я готова вернуть вам вашего дружка. Вы скажете, что вы затеяли, а я скажу, где он.

— Сначала ты все скажешь, — голосом злодея из вестерна произнес Фрэнк, — если хочешь остаться...

— Ой, не смешите! — перебила она. — Да блоха и то поопаснее любого из вас будет!

— Может, тебе хочется побеседовать с полицией? — насмешливо прищурился Робби.

— Может быть, вам не захочется. Я застала вашего дружка, когда он переснимал чужую записную книжку в доме сэра Альберта Фицроя. Ну так как, вы и впрямь хотите, чтобы я побеседовала с полицией?

Фрэнк и Робби переглянулись.

— И что теперь? — спросил Робби.

— Не знаю, — пожал плечами Фрэнк и тут послышался глухой удар.

— Что это было? — встревоженно прошептал Робби.

Удар повторился, и в ту же секунду девушка стрелой метнулась к лестнице. Робби перехватил ее в прыжке. Фрэнк обежал вокруг них, словно судья на борцовском матче, и в этот момент удар повторился в третий раз.

Утихомирить пленницу удалось только через несколько минут. Усадив ее на стул, с которого она так внезапно сорвалась, Фрэнк встал перед ней, сунул ей под нос пистолет и, тяжело дыша, сказал:

— Робби, это в туалете. Посмотри.

Робби подошел к двери и распахнул ее. На унитазе сидел связанный по рукам и ногам Келли с кляпом во рту.

— Это Келли! — крикнул Робби.

Фрэнк издевательски улыбнулся девушке.

— Так на что теперь будем меняться?

Та сложила руки на груди и уставилась в противоположную стену.

Робби вошел в туалет и вытащил кляп у Келли изо рта, который тут же зататорил:

— Там девица... там... берегитесь ее... там девица, она все знает, она была...

— Мы ее взяли, — успокоил его Робби, развязывая ему запястья.

— Взяли? Точно?

— Точно, — кивнул Робби, принимаясь за веревки на лодыжках. — Идти сможешь?

— Кажется, да. — Держась за руку Робби, Келли вывалился из туалета в кают-компанию. — Очки. В шкафчике под УМНИКом.

— Сейчас принесу, — сказал Робби, торопливо направляясь в носовую рубку.

— УМНИК? — переспросила девушка. — Это еще что такое?

— Она связана? — вертя головой во все стороны, торопливо спросил Келли. — Ее ни в коем случае нельзя отпускать.

— Не волнуйся, — усмехнулся Фрэнк. — Никуда она не денется.

Вернулся Робби с очками и водрузил их Келли на нос. Тот, несколько раз моргнув, огляделся и, удовлетворенно кивнув, сказал:

— Отлично.

- Что случилось? — спросил Робби.
— Сейчас некогда рассказывать. Надо срочно ввести в УМНИКа новые данные.
— А как быть с ней?
— Заприте ее. Она слишком много знает.
— Ты хочешь сказать, — удивился Робби, — что нам придется держать здесь их обоих?
— Ничего не поделаешь, — быстро сказал Келли. — Если ее отпустить, она все испортит.
— Минутку! — перебила его девушка. — Вы же не можете...
— Заприте ее на корме, — повторил Келли. — А потом — за работу. — Он деловито потер руки и направился к УМНИКу.
— Но это же самый настоящий киднэппинг! — завопила девушка.
Фрэнк улыбнулся.
— Неужто? Робби, ты только подумай, мы — киднэпперы.
— Самому не верится, — улыбнулся тот в ответ.

Глава 8

- Но это же слишком рано! — пожаловался Робби.
— УМНИК говорит — сегодня утром, — возразил Келли, — а операцией руководит он.
— Что ж, послушаем, что говорит УМНИК, — предложил Фрэнк.
Трое компаньонов сидели за столом в кают-компании, заканчивая завтрак — бекон с яйцами, тосты и кофе. Они не ложились всю ночь, скармливая ненасытной машине новые данные и получая указания, но были слишком возбуждены, чтобы почувствовать усталость.
Снаружи светало. Солнце вставало над горизонтом, словно огромный сверкающий воздушный шар, Монтего-Бэй вылезал из постелей и начинал готовиться к новому дню.
— Все-таки мне кажется, что это слишком рано, — не унимался Робби. — Может, сначала стоит понаблюдать за ней еще?
— УМНИК считает, что мы знаем о ней все, что надо знать, — сказал Келли. — Если сидеть и ждать у моря погоды, вся картина может измениться. А вдруг она уже завтра возьмет да уедет с фестиваля и вернется в Голливуд? Вдруг фестиваль возьмет да закроется? Вдруг за ней начнет повсюду таскаться какой-нибудь безумный поклонник и еще больше усложнит нам задачу? Может случиться все что угодно.
— Наверное, ты прав, — пожал плечами Робби, — но все-таки... Как-то уж больно неожиданно. — Он вздохнул, допил кофе и закончил: — Я же не против, просто не думал, что это случится так скоро.
Келли посмотрел на часы.
— Пора.
— Мне надо надеть форму. — Робби встал, подошел к двери кормовой каюты, взялся за ручку и удивленно произнес: — Заперто.
Все трое одновременно вспомнили события вчерашнего вечера и уставились друг на друга.
— Я совсем забыл про девчонку, — признался Фрэнк.
— Тьфу ты! — нахмурился Келли. — Ну и ладно, милая с ней. Пусть посидит, пока мы не вернемся.
— Келли, наверное, ее все-таки надо накормить, — заметил Робби.

Келли фыркнул, подошел к двери, отпер ее и, раздраженно глянув на пленницу, сидевшую на кровати, скомандовал:

— Выходи! Завтрак.

Джиггер повернула голову и наградила его полным презрения взглядом.

— Значит, черт со мной, да?

— Не хочешь, как хочешь, — проворчал Келли, не обращая внимания на ее сарказм, и захлопнул дверь.

Но когда Джиггер принялась молотить в дверь кулаками и ногами, ее все же пришлось выпустить и накормить.

С холмов Роуз-холла — нового жилого района, раскинувшегося вдоль побережья к востоку от Монтего-Бэй, и предназначенного для застройки частными виллами и коттеджами, открывался потрясающий вид на Карибское море. Роуз-холл состоял из обширных участков, через которые проходило отличное асфальтированное шоссе. Многие из них уже имели своих хозяев, но лишь несколько коттеджей были завершены полностью — каждый со своим плавательным бассейном, кондиционерами, патио, высокой оградой и аккуратно подстриженной живой изгородью.

— Это где-то здесь, — произнес Келли, разглядывая незастроенные участки с переднего сиденья голубого “форда-кортины” — английской машины, взятой напрокат в агентстве “Авис”. — Гараж с темно-лиловыми воротами. В разговорах, записанных вчера на магнитофон в главной гостиной, промелькнула фраза, что в течение сегодняшнего дня один из домов будет пустовать, поскольку его хозяин собирался в Кингстон.

— А что, если он сболтнул это спьяну? — предположил Фрэнк, развалившись на заднем сиденье.

— Трезвенников я там как-то не заметил, — поддержал его сидевший за рулем Робби.

— Над ним из-за этого долго подшучивали, — ответил Келли. — Нет, он говорил серьезно. Ты же сам слышал пленку. Гараж с темно-лиловыми воротами.

— Вон он! — крикнул Робби.

Дом, на который он указывал, выглядел весьма недурно, если не считать того, что ворота гаража и в самом деле были темно-лиловыми. Несколько экстравагантный, с красной черепичной крышей и покрытыми белой штукатуркой стенами, он стоял на сваях вдоль склона холма, круто спускавшегося к морю.

— А если хозяин решил никуда не ехать? — спросил Робби.

— Он говорил, что сегодня должен быть в Кингстоне, чтобы встретить семью, — ответил Келли. — А его приятель обещал заехать за ним к восьми и отвезти в аэропорт. Все было четко оговорено.

— Если они только вчера не перепились, — заметил Фрэнк. — Может, они там до сих пор дрыхнут.

— Сейчас узнаем.

Робби затормозил на шоссе у въезда на территорию участка. Келли вышел из машины и, пройдя по выложенной плиткой узкой дорожке, остановился у входной двери. Позвонил, подождал, постучал в дверь, подождал еще, снова позвонил, снова постучал, крикнул “Эй!”, позвонил в третий раз и, наконец, пожав плечами, вернулся к своим компаньонам.

— Никого. Заезжайте.

— О’кей, — кивнул Робби. Келли направился обратно к двери, а он включил указатель левого поворота, однако вместо этого яростно взревел мотор. — Ч-черт! — Робби выключил указатель поворота, дал задний ход и осторожно свернул на подъездную дорожку. — У этих англичан все не как у людей!

— Ничего-ничего, у тебя отлично получается, — подбодрил его Фрэнк.

— Заткнись! — прорычал Робби. Тем временем Келли извлек из сумки огромное кольцо с несколькими сотнями ключей и принялся подбирать подходящий, по очереди втыкая их в замок.

Робби вновь хлопнул по кнопке указателя поворота, снял ногу с педали сцепления, и машина, дернувшись вперед, заглохла.

— Ч-черт! Пропади ты пропадом!

— Ты представляешь серьезную опасность для окружающих, — сказал ему Фрэнк, открывая дверцу. — Дай мне сначала выйти, а уж потом...

— Посмотрим, как у тебя получится, — огрызнулся Робби. — Ты еще с ней намучаешься.

Келли продолжал возиться с ключами.

— Пришло время для моего первого перевоплощения, — объявил Робби, вылезая из машины и расстегивая брюки.

— Есть! — воскликнул Келли. Дверь ворот гаража медленно поползла вверх, отчего дом сразу стал выглядеть в тысячу раз лучше. Внутри стоял "мерседес-бенц-300" песочного цвета.

Робби открыл заднюю дверцу "кортины", достал с сиденья костюм, и начал переодеваться. Натянув черные брюки, он повязал на воротничок белой рубашки черный галстук-бабочку, втиснулся в тесный черный пиджак и нахлобучил на голову черную шоферскую фуражку.

— Ну? Как я выгляжу?

— Даже не знаю, старина, — отозвался Фрэнк. — Мне и самому может понадобиться машина.

Робби довольно кивнул и, подойдя к Келли, который подбирал ключ к замку зажигания "мерседеса", спросил:

— Как у нас дела?

— Отлично, — не поднимая головы, буркнул тот.

— Эй, ребята, — окликнул их Фрэнк, садясь за руль "кортины". — Я поехал. До скорого.

Робби, облокотившись на крышу "мерседеса", с интересом принялся наблюдать за ним. Фрэнк устроился поудобнее, вставил ключ в замок зажигания, завел мотор и... в тот же миг зажегся указатель левого поворота.

Робби рассмеялся. Было слышно, как Фрэнк кроет английские машины на чем свет стоит. Затем указатель поворота погас, и несколько секунд спустя "картина" задним ходом поползла по подъездной дорожке.

Мотор "мерседеса" мягко заурчал.

— Есть! — крикнул Келли. Заглушив мотор, он снял с кольца подходящий ключ, вылез из машины, и вручил его Робби. — У нас все готово.

— SOS... SOS... SOS... — сосредоточенно отбивала Джиггер каблуком туфли по металлической крышке иллюминатора азбукой Морзе.

— Проклятье! — проворчала она и, сдавшись, плюхнулась на кровать. Ну и как ей теперь выбраться отсюда? Неужели вокруг никого? А как же люди на соседней яхте? Неужели ее никто не слышит?

Люди на соседней яхте, будь они на борту, вполне могли бы услышать ее сигналы, но эти люди — майор Альфред Ффорт-Линтон и мисс Аделаида Рашби — в данный момент отсутствовали.

Точно так же, как его братья-близнецы по всему побережью Ямайки, отель "Махо-Бэй" состоял из нескольких выкрашенных в пастельные тона коттеджей, беспоря-

дочно разбросанных вокруг главного корпуса — двухэтажного строения, вестибюль которого занимали стойка портье, бар и сувенирная лавка. Кабинеты администрации, конференц-зал и кинозал находились на втором этаже. Сразу за ним, рядом с бассейном, работало кафе на открытом воздухе, откуда было рукой подать до уютного хилыми пальмами пляжа.

Фрэнк подошел к стойке:

— Привет. Я из оргкомитета фестиваля. Где тут у вас кинозал?

Портье, молодая девушка, на лице которой читалось глубокое безразличие ко всему на свете, медленно моргнула и лениво произнесла:

— Прошу прощения, сэр?

— Где тут у вас показывают кино?

— Вы имеете в виду фильмы?

— Я имею в виду то место в отеле, где Сэсси Манун будет просматривать кинофильмы через... — он взглянул на часы, — сорок пять минут.

— Здесь, в отеле?

— Насколько я понимаю, вы не хозяйка этого отеля, не так ли?

— Что?

— Я имею в виду, вы ведь работаете на кого-то еще, так?

Девушка медленно и с сомнением кивнула.

— Очень хорошо. Могу я поговорить с ним или с ней?

— С кем?

— С вашим хозяином.

— Вам нужен управляющий?

— Да, прошу вас! — взмолился Фрэнк. — Ради всего святого.

— Хорошо, — неторопливо кивнула она и скрылась за дверью.

Фрэнк остался ждать, барабанив пальцами по поверхности стойки.

Вскоре портье вернулась с другой молодой девушкой, окинувшей Фрэнка подозрительным взглядом.

— Управляющего сейчас нет на месте. Я могу вам чем-нибудь помочь?

— Трудно сказать, — честно признался Фрэнк. — Я из оргкомитета кинофестиваля. Нельзя ли взглянуть на помещение, где для мисс Сэсси Манун на стене будут показывать волшебные движущиеся картинки?

— Вы имеете в виду кинозал?

— Совершенно верно, — обрадовался Фрэнк. — Кинозал. Именно его я и имею в виду.

— Прямо за углом, — холодно ответила девушка, — вторая дверь слева. Потом вверх по лестнице и направо по коридору. Четвертая дверь по правой стороне... Между прочим, — так же холодно продолжала она, — у нас на Ямайке расистов на дух не переносят.

— Что вы говорите? — протянул Фрэнк. — А я и не знал.

— Постарайтесь это запомнить.

— Постараюсь. Непременно.

Келли указал на висевший на стене персидский ковер размером девять на двенадцать футов.

— Думаю, этот вполне подойдет.

Продавец-индус вежливо улыбнулся и потер мягкие ладошки.

— Замечательный выбор.

— И его можно доставить прямо сейчас?

— Сию же минуту.

— Хорошо. Иначе вам трудно будет найти мой дом. А так ваш грузовичок может ехать прямо за моей машиной.

— Превосходно.

Чековая книжка, которую Келли извлек из кармана, была настоящей, и он не сомневался, что ее владелец и в самом деле имеет на счету в Кингстонском банке всю указанную в ней сумму. Конечно, если бы тот сегодня утром проверил бардачок своей машины, откуда Фрэнк "позаимствовал" ее на стоянке у дома сэра Альберта Фицроя прошлой ночью, и сообщил об ее исчезновении в банк, а продавец позвонил бы туда до того, как Келли вышел из магазина, это могло бы поставить под угрозу благополучный исход операции. Однако судя по количеству выпитого гостями на вчерашней вечеринке, Келли чувствовал себя в безопасности в отношении первых двух "если", а подобострастное поведение продавца вселяло в него такую же уверенность в отношении третьего.

Продавец взял чек, выписанный Келли — на 327 фунтов 6 шиллингов и 5 пенсов — с наивной радостью деревенщины, получающего приз за победу в ярмарочных соревнованиях по бегу в мешках.

— Я прикажу свернуть ковер и погрузить его в наш фургон.

— Я подожду в машине, — ответил Келли. — "Мерседес" у входа.

— Конечно-конечно, — закивал продавец, улыбаясь и кланяясь. — Я видел, как вы подъехали.

Келли был уверен, что так оно и было. "Мерседес" с шофером всегда привлекает внимание, а человек на заднем сиденье поневоле внушает доверие. Он вышел из магазина и неторопливо устроился на заднем сиденье "мерседеса". Робби, изображавший шофера, сидел, положив руки на руль и глядя прямо перед собой. Мотор работал.

— Ты бы его выключил, — посоветовал Келли. — А то у нас такая вид, будто мы в любой момент готовы драпануть без оглядки.

— А кондиционер? Если заглушить мотор, то и он вырубится. С ума сойдем от жары.

— Да, ты прав.

На дорожку между магазином и соседним домом выкатил микроавтобус "фольксваген" бледно-зеленого цвета. На обоих бортах белыми буквами было выведено "КОВРЫ И ОБИВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ", Форт-стрит, Монтего-Бэй".

Келли кивнул сквозь заднее стекло водителю "фольксвагена", тот кивнул в ответ. Всего в микроавтобусе было два человека — оба здоровенные мускулистые негры.

Робби отъехал от магазина, и вскоре они были на восточной окраине города.

"Кортинга" стояла на месте — чуть подалее поворота на подъездную дорожку, однако Фрэнка нигде поблизости не было видно.

— Все идет по плану, — сказал Келли.

Робби подогнал "мерседес" вплотную к лиловым воротам гаража и остановился. А затем они с Келли вышли из машины с пистолетами — незаряженными, но об этом было известно только им, — и решительной походкой зашагали к "фольксвагену", затормозившему за ними. Шофер и грузчик уже вылезли и стояли рядом с микроавтобусом. Келли и Робби направили на них пистолеты, и Келли сказал:

— Руки вверх.

Оба негра неподвижно застыли, ошеломленно уставившись на оружие.

— Hande hoch, — скомандовал Робби. — Elevation les mains. Manitas arriba.* И вообще, на каком языке вы говорите?

* Руки вверх (нем., франц., исп.).

— На английском, — после короткого замешательства отозвался водитель. — В чем дело, ребята? Что происходит?

— Ограбление, — проинформировал его Робби. — Это тоже английский. Надеюсь, все понятно?

Те переглянулись.

— Что, серьезно? — удивленно спросил водитель.

В этот момент лиловая дверь гаража поднялась, и показался Фрэнк — с лицом, затынутым черным чулком и в черных очках. Да еще в черных перчатках и в черном парике.

Водитель и грузчик посмотрели на Фрэнка, и один из них что-то быстро сказал другому на местном диалекте.

— Что он сказал? — спросил Келли у Робби.

— Почему я знаю? — с легким раздражением ответил тот. — Я, если ты не забыл, родом из Бостона.

— А почему ты меня не спросишь? — поинтересовался Фрэнк.

Водитель и грузчик, так и не поднимая рук, по-прежнему топтались у фургона. Келли потихоньку начал злиться.

— Заснули, что ли?! — рявкнул он. — Либо вы сейчас поднимете руки, либо мы вас проучим! Перестреляем как собак!

— А один ковер вас не устроит? — спросил водитель.

— С ума сойти! — простонал Келли.

— Слушайте, ребята, — начал терпеливо объяснять Робби. — Вот что сейчас произойдет. Мы собираемся угнать ваш фургончик. А вы будете...

— Ну уж нет! — тут же перебил его водитель. — Нам еще сегодня работать. Из-за вас у нас будут неприятности с...

— С ума сойти, — повторил Келли.

— У вас не будет никаких неприятностей, — заверил водителя Робби. — Мы вас только свяжем и запрем в гараже. А днем сообщим, где вас найти.

— Свяжете? — переспросил грузчик. — Что значит — свяжете?

— Свяжем — это значит свяжем, — объяснил Робби. — Веревкой. И заткнем рты кляпом. А потом уедем на вашем фургончике.

— И займемся еще более гнусными делами, — добавил Фрэнк.

— Парни, но вы же из Америки. На кой черт вам сдался наш фургончик? У американцев и так денег куры не клюют. Чего вы к нам-то пристали?

— Точно! — поддержал грузчика водитель. — Этот грузовичок — все, что у нас есть, а у вас, ребята, есть и "Эмпайр стэйт билдинг", и авиакомпания "Пан-Американ", и...

— И Нью-Йоркская центральная железная дорога, — подхватил грузчик, — и Уолл-стрит...

Келли взъярился окончательно.

— Вы, двое, быстро подняли руки! — завопил он. — Меня от вас сейчас стошнит! Или вы сию же минуту поднимете руки, или связывать вас уже не понадобится!

— Это хорошо, — обрадовался грузчик. — Терпеть не могу, когда меня связывают.

— Вместо этого тебя пристрелят, — пообещал Келли.

— Это что, шутка? — неуверенно улыбнулся водитель. — Вы же не собираетесь...

Келли побледнел, и его рука с пистолетом задрожала.

— Минутку, — пробормотал водитель, начиная беспокоиться.

— Лучше сразу лапки кверху, братцы. Коли Малыш Парсонс достал свою пушку, его уже никто не остановит, — ухмыльнулся Фрэнк.

— Молодец! — тяжело дыша, похвалил его Келли. — А ну, марш в гараж!
— Ребята, вы можете влипнуть в серьезную историю, — предупредил водитель.
— Он еще пререкается! — возмутился Келли. — Шагай давай!
Водитель пожал плечами.
— Как хотите. Только потом не говорите, что вас не предупреждали. — И он вместе со своим напарником неторопливо зашагал к гаражу.

— Это на втором этаже, — сказал Фрэнк. — От лестницы по коридору.
— А лифта нет? — спросил Робби.
— Да там всего два этажа, на кой тебе лифт?
— Просто я подумал про ковер...
— А что в соседних комнатах? — спросил Келли.
— Следующая дверь — мужской туалет, — пояснил Фрэнк, — единственное помещение до конца коридора. Здесь — конференц-зал, совсем маленький, — круглый стол и полдюжины стульев. А с другой стороны коридора — большой конференц-зал и чуланчик уборщика.

— Насколько вероятно, что в этих комнатах будут люди?
— Ну, про туалет точно сказать невозможно, но в конференц-залах — никого.
— Откуда ты знаешь?
— Запомнил номера комнат — двадцать пятая и двадцать восьмая. Внизу у стойки портье есть доска объявлений, где обычно пишут, где какие совещания и во сколько. Маленький зал будет пустовать весь день, а в большом ничего не запланировано до трех.

— Ладно, — кивнул Келли. — А как насчет киномеханика? Он будет в одной комнате с ней?
— Нет. Там две двери, почти рядом. Даже таблички с номерами — двадцать семь и двадцать семь-“А”. В двадцать седьмой — кинозал, а в двадцать седьмой-“А” — киноаппаратная. Сразу за дверью — высокая ступенька.

— А оттуда никак нельзя попасть в кинозал?
— Нет, только из коридора.
— Комната большая?
— Примерно футов пять на восемь. Клетушка. По обе стороны — стойки с проекторами, а середина свободна. Еще там складной стул и стол с поднимающейся крышкой. Когда крышка опущена, двоим уже не разойтись. Над столом есть окошечко в кинозал, которое закрывается скользящей шторкой.

— А сам кинозал? — спросил Робби. — Большой?
— Размером с обычную комнату. Экран прямо напротив двери — там, где обычно бывает окно. И десять кресел из кинотеатра, по пять с каждой стороны прохода. Стоят в два ряда: в первом — по два, во втором — по три. Темно-синего цвета с пластиковой окантовкой, в левый подлокотник каждого вделана пепельница. Шире, чем в обычных кинотеатрах. И гораздо удобнее. Между последним рядом и стеной киноаппаратной — широкое пространство, покрытое синим ковром.

— Для нас достаточно широкое? — уточнил Робби.
— С гарантией. Еще и место останется.
— Других выходов в коридор нет? Например, боковые двери?
— Нет-нет, все. Дверь только одна.
— У них должна быть пожарная лестница. Нельзя иметь кинотеатр только с одним выходом.
— Но это же не кинотеатр, а всего лишь кинозал. Рассчитанный самое большее на десять зрителей.

— К тому же это не Нью-Йорк, — добавил Келли.

— Ребята, у меня тоже есть вопрос, — сказал Фрэнк. — Что, если она будет не одна?

— А с кем?

— Откуда я знаю? Может, кто-нибудь встретит ее по дороге в отель, например, кто-нибудь из старых знакомых. Или управляющий отеля, которому вдруг захочется оказаться в темной комнате наедине с самой Сэсси Манун.

— Она его отошлет, — уверенно заявил Келли. — Так утверждает УМНИК.

— А что он скажет по поводу незапланированных случайностей? Например, она столкнется с бывшим мужем в вестибюле? Как насчет этого?

— УМНИК говорит, что если вдруг возникнет какая-нибудь непредвиденная проблема, нам следует вернуться на яхту для получения дальнейших указаний или же постараться как-то ее обойти. А уж если и это не получится, то ничего не напишешь — останется только плюнуть на это дело, уплыть с Ямайки и придумать что-нибудь новенькое. Еще он говорит, что поскольку его там не будет, нам придется решать самим — продолжать операцию или сматывать удочки.

— Иногда я немного сомневаюсь в УМНИКе, — заметил Робби.

— Почему? — удивился Келли.

— Слишком уж сложно он рассуждает, вот почему. Мы делаем все в точности так, как он велит. Нам нужно только одно — похитить Сэсси Манун, верно? А что получается? Сначала мы угоняем машину. Потом рассчитываемся за ковер поддельным чеком. Потом похищаем двух человек и угоняем автофургон. Мало того, мы крадем еще и персидский ковер. Если так и дальше пойдет, то нас нельзя будет привлечь к уголовной ответственности, пожалуй, только за плевки на тротуар.

— Да и то еще неизвестно, — усмехнулся Фрэнк.

— УМНИК знает, что делает, — сказал Келли. — Можете на него положиться.

— Что ж, приятно слышать, — вздохнул Робби.

— Это уж точно, — поддакнул Фрэнк.

Глава 9

— Который час? — спросил Келли.

Фрэнк посмотрел на часы.

— Двадцать минут двенадцатого.

Он стоял, привалившись к левому переднему крылу "фольксвагена". Микроавтобус и "кортина" были припаркованы у левой обочины шоссе А-1, неподалеку от Роуз-холла. По другую сторону дороги раскинулось море, синее и спокойное. Келли, Фрэнк и Робби расположились между машинами — Фрэнк опирался на "фольксваген", Робби сидел на багажнике "кортины", а Келли расхаживал между ними. Все трое курили, Келли — с заметной нервозностью, и хотя у него были свои часы, он через каждые пару минут продолжал спрашивать у Фрэнка, который час.

Наконец он отшвырнул сигарету.

— Пора.

— Может, подождать еще пяток минут? — предложил Робби. — Чтобы все сработало наверняка.

— Согласно прогнозу УМНИКа, — сказал Келли, — Сэсси Манун и Б.Б.Бернард должны поругаться в ближайшие десять минут после начала фильма, и Бернард выйдет из отеля с собаками. Если сейчас двадцать минут двенадцатого, то он уже вышел.

— Если они приехали туда вовремя, — вставил Фрэнк.

— УМНИК считает...

— Ну конечно. — Фрэнк оттолкнулся от "фольксвагена". — Так считает УМНИК. Келли с негодованием посмотрел на напарников.

— УМНИК знает все.

— Послушай, Келли, — поморщился Фрэнк, — никто с тобой не спорит.

— Мы едем или нет? — спросил Робби.

— Ладно, все в порядке, — проворчал Келли. — Вы выезжаете через три минуты, так?

— Так, — согласился Фрэнк.

— Да встречи, — буркнул Робби.

Келли, неловко помахов им рукой, подошел к "кортине" и сел за руль.

— Коробка передач слева, — прошептал он сам себе. — Переключать левой рукой. — В зеркало заднего обзора ему были видны его компаньоны, с напряженными улыбками наблюдавшие за ним. —левой...

Он завел мотор, переключил левой, выехал на дорогу и, чувствуя огромное облегчение от того, что все получилось как надо, помчался к отелю "Махо-Бэй". По правой полосе. На левую полосу он свернул лишь после того, как, глянув вперед, увидел автобус — как ему показалось — в милую ширину, который с ревом несся ему навстречу.

— По левой полосе! — поспешно пробормотал он, когда автобус просвистел мимо. — По левой. И переключать левой. И ехать по левой. И переключать левой...

Загоняя "кортину" на стоянку, Келли заметил, как Б.Б.Бернард с нелепым видом бродит за двумя афганскими борзыми, которые с интересом обнюхивали кусты, рассаженные вдоль стены отеля. Хорошо. Пока все шло по плану. Он вылез из машины — с неопишуемым удовольствием — и взял с заднего сиденья секретарскую планшетку. По мнению УМНИКа, человеку с такой планшеткой никогда не задают лишних вопросов, поскольку она уже сама по себе указывает на то, что он — лицо официальное, и обладает некими особыми полномочиями.

Келли вошел в отель, следуя указаниям Фрэнка, поднялся на второй этаж и по коридору добрался до комнаты № 27-"А" — киноаппаратной. Он повернул ручку, но дверь была заперта.

Ну и что теперь, менять план? Он постучал, подождал, постучал еще раз, подождал еще немного и уже собирался постучать в третий раз, как дверь приоткрылась и в коридор выглянула сердитая коричневая физиономия.

— В чем дело? Мы заняты.

Мы? Но ведь киномеханик должен быть один! Впрочем, теперь это было не важно. Келли шагнул вперед со словами:

— Мне надо зайти к вам на минутку. Это не займет много времени.

УМНИК оказался прав. Киномеханик посмотрел на его планшетку и, придя к выводу, что обладатель оной имеет на это полное право, неохотно кивнул.

— Ну что ж, раз надо, заходите.

Он отступил назад, и Келли, перешагнув через ступеньку, закрыл за собой дверь.

Как и говорил Фрэнк, комнатка была маленькой и тесной. Огромный черный кинопроектор справа, похожий на робота, построенного муравьями, тихонько трещал и подвывал, периодически пощелкивая. Рядом с ним стоял точно такой же второй. Крышка стола, крепившаяся к стене в средней части комнаты, была опущена — на ней Келли увидел холодного цыпленка на листе пергаментной бумаги, колodu карт, открывалку и две бутылки пива "Рэд страйп". Однако второго человека в комнате не

было — по-видимому, у киномеханика была привычка говорить о себе во множественном числе.

— Мне через минуту ставить новую катушку, — предупредил он Келли.

— Я подожду.

— Ладно. Пойдите здесь, мне надо мимо вас пройти.

Это оказалось непросто. Келли поднял планшетку над головой, и киномеханик, пыхтя и сопя, с трудом протиснулся к выключенному проектору слева. Рядом с объективом нацеленного в зал проектора в стене был глазок, и киномеханик заглянул в него, положив руку на панель управления.

Над столом располагалось смотровое оконце размером около четырех квадратных дюймов, которое было открыто. Перегнувшись через стол, Келли увидел кинозал и одинокую фигуру, сидевшую в темноте в заднем ряду.

Киномеханик заправил пленку в проектор, протянув ее через настоящий лабиринт зубчатых барабанов и прижимных роликов, закрыл крышку, и повернулся к Келли.

— Готово! У нас есть примерно двадцать пять минут.

— Я уверен, что это не займет много времени, — заверил его Келли. Пристроив свою планшетку на краю стола, он достал ручку и спросил: — Ваше имя?

— Джиллис, — ответил киномеханик. — Клемберт В. Джиллис.

— Что означает "В."?

— Веллингтон, — смутился тот. — Вообще-то я никогда им не пользуюсь.

— Понятно. — Подавшись вперед, Келли заглянул в смотровое оконце. Она все еще была там. — Наши голоса никого не побеспокоят? Может, нам его закрыть?

— Нет, не надо, — сказал Клемберт В. Джиллис. — Она там ничего не слышит. Здесь же звукоизоляция. Видите? — Он показал на стены и потолок, обшитые квадратными белыми пластинами, усеянными круглыми дырочками.

— А как насчет смотрового окошка?

— Она абсолютно ничего не услышит. Даю гарантию.

— Очень хорошо, — кивнул Келли, понимая, что с этой темой пора заканчивать, и вновь нацелил ручку на планшетку. — Так, продолжим. Произнесите вашу фамилию по буквам...

Миновав ворота отеля, Фрэнк объехал главный корпус по асфальтовой дорожке и, завернув за угол, оказался на автостоянке. Б.Б.Бернард с афганскими борзыми находились справа от него — собаки дружно справляли нужду под пальмой.

— Вон та дверь, — показал Фрэнк, — ведет в коридор, который нам и нужен. Лестница на второй этаж — как войдешь, справа.

— Все понял, — кивнул Робби.

— И запомни — если кто-нибудь о чем-нибудь нас спросит, говорить буду я. — Фрэнк перешел на ямайский акцент: — Мне ф-фелели достаф-фить сюда этот коф-фер, а больше нич-чефо не знаю.

— Я смотрю, тебе очень весело, — прищурился Робби.

— В каком смысле? — удивился Фрэнк.

— Что ты можешь изобразить местного лучше меня. Кстати, вид у тебя в этом парике дурацкий.

— Ошибаешься. Я похож на Лоуренса Оливье в "Отелло". Ну ладно, за работу.

Выйдя из "фольксвагена", они обошли машину, открыли задние дверцы и выволокли ковер. Он был обернут вокруг длинного бамбукового шеста, концы которого примерно на фут торчали по обе стороны рулона, образуя удобные рукоятки.

— Тяжелый, — пожаловался Робби.

— Это еще ничего. Подожди, когда мы его назад потащим...
Оставив задние дверцы микроавтобуса открытыми, они понесли ковер к отелю.

Келли в очередной раз заглянул в смотровое оконце. Она все еще была там. Господи, что же ребята так долго копаются? Он повернулся к Клемберту В.Джиллису.

— Стало быть, вы живете в Анчови?

— Совершенно верно.

— Точного адреса нет?

— Нет, просто в Анчови. Да это здесь, в городе.

— Очень хорошо. — Некоторое время Келли сосредоточенно черкал в своей планшетке, придумывая новый вопрос. — И как долго вы работаете на этой должности?

Фрэнк свинтил крышечку с пузырька с хлороформом и осторожно принюхался.

— Фу, — скривился Робби. — Я сам через минуту от этого вырублюсь.

Фрэнк промокнул хлороформом носовой платок и, закрутив крышечку, спрятал пузырек в карман.

— Отличная штука, — сказал он. — Меня это наоборот только бодрит.

— Вот-вот. Ты к ней с этой дрянью и близко не подойдешь. Вонь будет на всю комнату.

— Ты на мой счет не волнуйся. Просто будь готов, когда я вернусь.

— Я-то буду здесь, никуда не денусь.

Фрэнк глубоко вздохнул, медленно выдохнул и сказал:

— Что ж, леди, вот к вам идет Большой сон.

Он открыл дверь и шагнул в кинозал.

Робби остался в пустом коридоре рядом с ковром, нервно поглядывая в сторону лестницы. Не оставалось ничего другого, как ждать.

Свободной рукой Фрэнк осторожно прикрыл за собой дверь. В темноте запах хлороформа казался еще сильнее. Выждав несколько секунд, чтобы глаза привыкли к темноте, он обвел взглядом кинозал и почти сразу заметил темную фигуру единственного зрителя в последнем ряду справа от прохода.

— Сэсси! Мне сказали, что ты здесь! — Фрэнк быстро двинулся вперед, говоря быстро и громко, чтобы жертва, не дай Бог, не заподозрила что-нибудь: — Я прилетел только сегодня утром, собирался вечером на прием, но не мог дожидаться встречи с тобой. Я хотел сказать... — Он наклонился к ней, словно собираясь приветственно чмокнуть ее в щечку, и плотно прижал платок к ее лицу.

Она отчаянно сопротивлялась, но Фрэнк всем своим весом навалился на нее сзади, прижимая к спинке кресла. Постепенно ее рывки начали слабеть, движения стали более скованными, все медленнее, медленнее... пока, наконец, не прекратились совсем. Руки, как плети, повисли по сторонам, и когда Фрэнк отпустил женщину, ее голова безвольно упала на грудь.

Он огляделся. Смотровое оконце в киноаппаратной было открыто. Согласно плану, Келли надлежало его закрыть. Сквозь окно Фрэнку была видна его макушка.

Что ж, если Келли отвлекает внимание киномеханика, это несущественно. Фрэнк подбежал к двери, распахнул ее и, не закрывая, выскочил в коридор.

— Готово! — вполголоса сообщил он Робби.

Они быстро втащили ковер в кинозал, бросили его на пол за креслами, и Фрэнк закрыл дверь.

— Эй! — прошептал Робби. — Открой. Я ничего не вижу!

— А если кто-нибудь войдет? Придется так.

Действуя исключительно на ощупь, они наполовину развернули рулон, подняли с кресла бесчувственное тело и опустили его на ковер.

— Тяжелая, — пропыхтел Робби.

— Вес в состоянии покоя, — пояснил Фрэнк. — Без сознания люди всегда весят больше.

Проворно обмотав ковром свою добычу, они снова обвязали ее веревками.

— С моей стороны все о'кей, — прошептал Фрэнк.

— С моей тоже, — прошептал в ответ Робби.

Подняв рулон и пошатываясь под его тяжестью, они направились к выходу. Дойдя до двери, Фрэнк открыл ее, Робби, выходя, закрыл, а затем они зашагали по коридору бодрой пружинистой походкой честных людей, добросовестно выполнивших свою работу.

— Моему младшему шесть, седьмой пошел.

Келли выглянул в оконце. В зале никого не было. Слава Богу, успели до конца фильма.

— Отлично, — сказал он, придирчиво изучая свои записи. — Спасибо, что уделите мне столько времени.

— Да не за что, — добродушно отозвался киномеханик.

Келли вышел из аппаратной, торопливо прошествовал по коридору и, спустившись по лестнице, направился к автостоянке. Б.Б.Бернард по-прежнему возился с собаками, с мрачным видом поглядывая на часы и дымя сигаретой.

Подходя к своей "картине", Келли заметил, как мимо проехал "фольксваген" с надписью на борту "КОВРЫ И ОБИВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ", Форт-стрит, Монтего-Бэй". На таком расстоянии разобрать выражение лиц сидевших в кабине было довольно трудно, но ему показалось, что оба улыбаются до ушей.

Келли скользнул за руль "картины".

— Передача слева, — прошептал он, — ехать по левой полосе. Переключать левой, и ехать по левой.

Он завел мотор и вывел "картину" со стоянки, а затем покатил к шоссе. Увидев, как "фольксваген" сделал поворот направо, он свернул за ним.

Настроение было хоть куда. УМНИК потрудился на славу. С какой же невероятной точностью он разработал план, учел каждую мелочь, расписал все по минутам! Что ни говори, а с такой задачей могла справиться только машина, наделенная педантизмом, не свойственным людям. И этот педантизм окупился. Еще бы, целых восемьсот пятьдесят тысяч долларов.

Проехав несколько миль по шоссе А-1, вскоре перешедшему в Кент-авеню, они миновали аэропорт, свернули налево на Глочестер-авеню и оказались в районе, застроенном отелями.

Яхт-клуб находился справа. Хотя они припарковали машины рядом, Келли, проходя мимо своих компаньонов, сделал вид, что знает их не знает, и направился к яхт-клубу, а они — к задним дверцам "фольксвагена".

Выйдя на причал, Келли зашагал к "Осмотрительной", по пути отметив, что яхты майора Ффорк-Линтона на обычном месте нет. Наверное, фестиваль оказался для старичка шумноватым. Или, что более вероятно, для его подружки.

Спустившись в кают-компанию, Келли услышал, как кто-то — совсем рядом — выстукивает морзянкой сигнал "SOS". Прошло несколько секунд, прежде чем он вспомнил о девушке и покачал головой.

Наверху послышался топот и возбужденные голоса:

— Заноси, заноси... так... чуть повыше...

— И правее... Фу...

Келли вышел на палубу и чуть не споткнулся о ковер. Фрэнк и Робби, взъерошенные и вспотевшие, отдышали, опираясь на поручни.

— Что вы ее тут бросили у всех на виду?! — накинулся на них Келли. — Хотите, чтобы...

— Тогда помогай.

— Конечно. — Келли подхватил рулон за один конец, Фрэнк и Робби — за другой. — И надо как можно скорее отогнать автобус. Сразу, как только запрем ее вместе с девчонкой. Бросим его где-нибудь в центре. А потом вернемся на такси и...

— Ты давай тащи, — устало выдохнул Фрэнк. — Потом поговорим.

— Ну да, ну да.

Ковер оказался тяжеленным. Вдобавок его приходилось нести аккуратно, а не ворочать как попало, чтобы ненароком не приложить пленницу о какой-нибудь острый угол. Хотя ее и прикрывало несколько слоев ковра, но все-таки... Чудом не уронив свою ношу, они снесли ее по ступенькам в кают-компанию и опустили на пол. Келли задернул занавески всех иллюминаторов, Фрэнк и Робби, перерезав веревки, торопливо развернули ковер и... все трое остолбенели. А мисс Аделаида Рашби, усевшись на полу, окинула их негодующим взглядом и сказала:

— Так-так! Имейте в виду, молодые люди, вы еще об этом пожалеете!

— Вам это так просто с рук не сойдет! — кипит от ярости, выкрикнула Сэсси Манун, гордо встряхнув копной светлых волос.

Майор Форт-Линтон только усмехнулся и подкрутил усы.

Глава 10

— Что-то в нашей операции с каждым днем народу становится все больше, — пробурчал Фрэнк.

— Не в операции, а в этой каюте, — поправил его Робби.

Все собрались в кают-компанию "Осмотрительной". Джиггер и мисс Рашби бок о бок сидели на диване. У обоих был крайне раздраженный вид. Фрэнк стоял, прислонившись к трапу и небрежно поигрывал пистолетом. Робби нервно расхаживал по комнате, куря сигарету и наподобие буксира оставляя за собой шлейф голубоватого дыма.

— Вот что я вам скажу, — холодно произнесла мисс Рашби. — Для вас же лучше будет немедленно нас отпустить — и меня, и эту юную леди, пока вы не впутались в неприятности похуже.

— Вы чертовски правы! — горячо поддержала ее Джиггер.

— Да, конечно, так мы вас и отпустили, — горько усмехнулся Фрэнк, и в этот момент в комнату вошел Келли.

Вид у него был хотя и сердитый, но отнюдь не подавленный.

— УМНИК все просчитал, — с ходу заявил он.

— Это он молодец, — одобрительно кивнул Фрэнк, у которого вид был хоть и подавленный, но отнюдь не сердитый.

— Сэсси похитил майор.

— Что?!

— Не может быть!

— Чушь!

— УМНИК не ошибается, — отрезал Келли.

— А что он еще сказал? — полюбопытствовал Робби.

— Что у нас есть возможность все исправить. Он считает, что еще не все потеряно.

— Молодые люди, — вмешалась мисс Рашби, — вы окончательно сошли с ума. Что за вздорная мысль?!

— “Вздорная мысль” заключается в том, что майор и эта леди вошли в кинозал в ту же секунду, как Б.Б.Бернард вывел собак на прогулку, — возразил Келли. — Майор напелл что-нибудь Сэсси и выманил ее из зала. А вместо нее осталась мисс Рашби, чтобы сбить с толку киномеханика — он-то думал, что это Сэсси. Незадолго до окончания фильма мисс Рашби должна была выйти из зала, и все было бы шито-крыто.

— Молодой человек, у вас на редкость богатая фантазия, — высказала свою точку зрения мисс Рашби.

— Тем временем майор привез Сэсси сюда, — не обращая на нее внимания, продолжал Келли, — посадил на яхту и был таков.

— Стало быть, мы пролетели, — попытожил Фрэнк.

Келли покачал головой.

— Нет. Теперь операция усложняется, но мы все еще в состоянии с ней справиться.

— Дорогая моя, — обратилась мисс Рашби к Джиггер, — вы знаете этих молодых людей?

— Нет. — Джиггер нахмурилась. — Они похитили меня вчера вечером. По-моему, это у них такой пунктик.

— Они плохо кончат, — пообещала мисс Рашби.

— И чем скорее, тем лучше, — добавила Джиггер.

— Келли, как же мы это провернем? — спросил Робби. — У нас нет Сэсси, и мы даже не знаем, где она.

— Зато у нас есть вот кто! — Келли ткнул пальцем в мисс Рашби. — Наверняка они с майором договорились, где сегодня же и встретятся. Но ее там не будет. Рано или поздно он начнет ее искать, ему придется играть в открытую, и вот тогда-то мы и сможем заключить с ним сделку.

— Сделку? — переспросил Робби. — Какую сделку?

— Обмен. — Келли вновь указал на мисс Рашби. — Сэсси на нее.

— Читайте, что вы сделали мне комплимент, — сказала мисс Рашби, — но уверяю вас, молодой человек...

— УМНИК не ошибается, — перебил ее Келли.

— Понятия не имею, кто такой этот ваш Умник...

— Машина Келли, — сказал Фрэнк.

— Компьютер, — поправил Робби. — И Келли прав, мисс Рашби. Этот компьютер никогда не ошибается. Если он утверждает, что майор похитил Сэсси Манун, а вы остались вместо нее, чтобы дать ему время смыться подальше, значит так оно и есть. Отпираться не имеет смысла, потому что мы вам все равно не поверим.

Мисс Рашби медленно окинула взглядом всех своих троих оппонентов.

— И что же, позвольте спросить, вы в таком случае намереваетесь предпринять?

— Держать вас в плену, — сказал Робби. — Пока майор с нами не свяжется.

— Бедный Альфред, — вздохнула она. — Он будет так волноваться. Очень сильно волноваться. И откуда ему знать, как с вами связаться?

— Мы можем сделать так, что волноваться ему почти не придется, — предложил Фрэнк.

Мисс Рашби со скучающим видом повернулась к нему.

— Каким образом, молодой человек?

— Скажите нам, где вы договорились встретиться. Мы отправимся туда и обсудим с ним условия сделки.

— Берегитесь! — предупредила Джиггер мисс Рашби. — Стоит вам хоть что-нибудь им рассказать, так они и вашего майора повяжут.

— Разумеется, дорогая моя, — кивнула мисс Рашби. — Я прекрасно представляю, какая опасность может угрожать майору.

— А что вы скажете по поводу опасности по отношению к собственной персоне, мисс Рашби? — лукаво спросил Робби.

— Ко мне? — Мисс Рашби с приятной улыбкой вновь оглядела всех троих. — Я не верю, что мне всерьез грозит какая-то опасность. Вы не можете вечно держать нас в качестве пленников, и я очень сомневаюсь, что вы нас убьете. Вы не убийцы. Не тот тип.

— Я не мет, — согласился Робби. — Да и Фрэнк не станет никого убивать, тут вы правы. Но вот насчет Келли я вовсе не уверен. Он терпеть не может, когда его выводят из себя. Лично я бы так рисковать не стал.

Мисс Рашби посмотрела на Келли, который ответил ей полным ярости взглядом, и протянула:

— Что ж...

— Мы не жадные, — заметив ее нерешительность, мягко проговорил Робби. — Уверен, что мы сможем договориться с вами и майором. Никто не получит столько, сколько планировал в начале, но тем не менее всем что-нибудь да достанется.

— Они спятили! — заявила Джиггер, обращаясь к мисс Рашби, и нахмурилась, заметив на ее лице задумчивое выражение.

— Сколько вы собирались за нее запросить? — спросил Фрэнк.

Было видно, что мисс Рашби напряженно соображает.

— Какие вы даете гарантии, что мы будем полноправными партнерами? — наконец спросила она.

Джиггер ахнула.

— Что?!

— Вы с майором сами можете о себе позаботиться, — сказал Фрэнк. — Мы позволим майору оставить Эсси, а вас оставим у себя. Когда мы получим выкуп...

— Что происходит? — нервно спросила Джиггер.

— Успокойтесь, деточка! — оборвала ее мисс Рашби и вновь повернулась к Фрэнку. — Да? Продолжайте.

— Мы получаем выкуп, делим его поровну, вы возвращаетесь к майору, а Эсси отправляется домой. Короче, все довольны и счастливы.

— Так значит вы и в самом деле в это замешаны?! — возмутилась Джиггер, гневно глядя на мисс Рашби.

— Тихо, девушка! Молодой человек, я хочу все как следует обдумать.

— Во сколько вы должны встретиться с майором? — спросил Робби.

— Говорю вам, я должна все обдумать.

— Давайте, думайте, — согласился Келли. — Мы можем подождать.

Мисс Рашби откинулась на спинку дивана, закрыла глаза и напряженно застыла, что, по-видимому, должно было изображать мучительные раздумья.

Джиггер оглядела всех присутствующих, чувствуя, как ее потихоньку начинает охватывать паника.

— Да вы все с ума посходили! — завизжала она. — Все! Я единственная нормальная среди вас.

— Тихо! — оборвал ее Фрэнк. — Леди размышляет.

— Разумеется, нам придется обменяться заложниками, — наконец сказала мисс Рашби. — Не только мной. Один из вас должен остаться с Альфредом.

— Запросто, — кивнул Фрэнк. — Это буду я.

— Без оружия.

— Естественно.

Мисс Рашби вздохнула.

— Мы собирались потребовать пятьдесят тысяч.

— Господи! — простонала Джиггер.

— Робби, уведи ее отсюда! — не выдержал Келли. — Уважаемая, пятьдесят тысяч — это сущие гроши.

— Пошли, — скомандовал Робби Джиггер, и та, потрясенная происходящим до глубины души, молча подчинилась.

— А вы сколько собирались запросить? — в свою очередь спросила мисс Рашби.

— Восемьсот пятьдесят тысяч, — ответил Келли.

— Это ее гонорар за одну картину, — добавил Фрэнк.

— Неслыханно, — покачала головой мисс Рашби. — Об этом и речи быть не может. Столько никто не заплатит.

— Уважаемая, вы хоть представляете, какие деньги приносят фильмы с участием Эсси Манун? — снисходительно усмехнулся Келли. — Каждый?

— Вы не можете...

— Келли, сядь, — попросил Фрэнк. — Давайте все обсудим.

И началось...

— Правь, Британия! — распевал майор. — По волнам, там-тарам, там-тарам-пам-пам...

Жизнь была прекрасна. Он стоял за штурвалом "Грозной", которая легко скользила на запад. По левому борту зеленела тропическая растительность Ямайки. "Роллс-ройсовские" моторы яхты мягко урчали, вокруг не было ни одной живой души, все было замечательно, прекрасно и удивительно. Наконец-то эта актриса уgomонилась и перестала пинать ногами дверь носовой каюты, где он ее запер, а скоро, совсем-совсем скоро на борт поднимется Аделаида. Там-тарам-пам-пам...

Все прошло лучше некуда. Эта Манун ни на секунду ничего не заподозрила. Если у Аделаиды все прошло так же гладко, она должна была выйти из кинозала незадолго до окончания этого ужасного, скучнейшего фильма, на стоянке отеля сесть в маленькую машину, взятую ими напрокат, проехать тридцать две мили по шоссе А-1 на запад от Монтего-Бэй и остановиться на участке между Лансес-Бэй и Казинс-Коув, где на пустынном пляже спрятана лодка. Наверное, она уже дожидается его прибытия и как только окажется на "Грозной", они преспокойно отправятся к намеченному убежищу. Там-тарам-пам-пам...

Достигнув западной оконечности острова, майор переложил штурвал, и "Грозная" круто легла на левый борт, поворачивая на юг. В нескольких милях слева находилась Лючеа, справа до самого горизонта простирался Атлантический океан. И место встречи должно быть примерно... да, здесь.

Что это там такое, впереди?

Яхта?

Майор сбавил скорость, и "Грозная" слегка осела, замедлив ход. Да, это была яхта, прямо по курсу, точно между ним и побережьем, именно там, куда он направлялся, чтобы дожидаться лодки Аделаиды. Чем-то знакомая яхта... да, несомненно, знакомая.

— А где Аделаида? На берегу никого. Ему уже была видна узкая асфальтовая полоса шоссе, но и там тоже никого не было. И на пляже. Вообще нигде и никого.

На борту другой яхты появилась фигура, которая начала махать ему. Она была похожа на... на Аделаиду!

Майор тут же узнал яхту — это была та самая, что принадлежала троице молодых бездельников. Но, Господи, что они здесь делают? И почему Аделаида с ними?

Майору стало не до песен. Озабоченно нахмурившись, он повернул к другому судну.

— Выпить не желаете? — с холодной учтивостью спросил майор.

— Нет, спасибо, — ответил Робби.

Келли хмыкнул.

— Да, лучше не стоит. А то еще, глядишь, сыпанете нам какой-нибудь отравы. Давайте-ка лучше к делу.

— Уверю вас... — начал было майор, но не нашелся, что сказать.

Переговоры проходили на борту "Грозной". Сэсси Манун теперь была заперта на корме. Джиггер и мисс Рашби находились в каюте "Осмотрительной" под охраной Фрэнка.

— Мы уполномочены вести переговоры за нашего третьего партнера, — сообщил майору Келли, — а мисс Рашби сказала, что вы можете принимать решения за нее.

— Конечно, — кивнул майор. — Может быть, вы хотя бы сядете? Ножи у этих стульев не подпилены, даю слово.

— Спасибо хоть на этом, — с иронией кивнул Робби.

Когда все расселись по местам, майор не мешкая приступил к расспросам:

— Итак. Честно вам признаюсь, я абсолютно ничего не понимаю. Что на вашей яхте делает мой друг? И что вы все делаете в этом заброшенном месте?

— Вы вмешались в нашу операцию, — спокойно ответил Келли. — Все сработало точно по плану, но у нас в руках оказалась мисс Рашби.

— Прошу прощения. Вы сказали, что я вмешался в вашу операцию?

— Мы тоже нацелились на Сэсси, — пояснил Робби.

— Сэсси? — нахмурился майор. — Я ничего не понимаю.

— Похищение, — терпеливо сказал Робби.

— Похищение? Вы имеете в виду — похищение Сэсси Манун? — Майор устремил на них взгляд, полный праведного негодования. — Надеюсь, вы не предлагаете мне принять участие в каком-либо незаконном...

— Бросьте, майор, — перебил его Келли. — У нас состоялся деловой разговор с вашей партнершей. Вся беда в том, что мы по ошибке похитили из кинозала ее.

— Вы... — Майор удивленно уставился на них и расхохотался. — Так вы тоже это затеяли?

— Именно. В том-то все и дело.

— Хо-хо-хо! — Лицо майора покраснело от смеха, он схватился за бока и начал раскачиваться. — Хо-хо-хо!

Дождавшись, когда он успокоится, Келли подытожил:

— Так вот — вы вмешались в нашу операцию. Я бы даже сказал — встряли.

— Ошибаетесь, молодой человек, — возразил майор, утирая слезы. — Если уж на то пошло, то это вы встряли в мою.

— Сейчас это уже не имеет значения, — пожал плечами Робби. — Получается так, что теперь мы участвуем в этом вместе.

— Не понимаю, на каком основании вы делаете подобные выводы, — усмехнулся майор. — Мисс Манун у меня.

— А мисс Рашби — у нас, — не остался в долгу Келли.

На секунду майор застыл, а затем коротко кивнул.

— Понятно.

— Так что отныне мы работаем вместе, — сказал Келли.

— Если, конечно, вы согласны на равноценный обмен, — добавил Робби. — Если вы не хотите с нами сотрудничать, что ж... мы настаивать не будем.

— И останетесь ни с чем?

— Как ни с чем? — улыбнулся Робби. — А мисс Рашби?

Майор покачал головой.

— В чем заключается ваше второе предложение?

Келли подался вперед.

— Мисс Рашби сказала, что вы собирались запросить пятьдесят тысяч.

Майор вытянул губы трубочкой.

— Я смотрю, вы хорошо с ней поговорили.

— Этого слишком мало, — продолжал Келли. — Она стоит миллионы.

— Которых вы не получите, — немедленно возразил майор.

— Сам знаю. Мы хотим запросить за нее выкуп в размере ее гонорара за одну картину. Восемьсот пятьдесят тысяч долларов.

Ффок-Линтон скорчил гримасу.

— Мой дорогой мальчик, это немыслимо!

— Да, мисс Рашби обвинила УМНИКа в том, что он запросил слишком много, — признал Келли. — Поэтому мы согласны пойти на компромисс. Четыреста тысяч.

— Четыреста...

— Это тоже много, но уж столько-то они заплатят. По сто тысяч каждому из нас, и сто тысяч вам с мисс Рашби.

— Таким образом вы получите вдвое больше, чем первоначально рассчитывали, — сказал Робби.

— И так оно надежнее, — добавил Келли. — Мы гораздо лучше вас продумали, как уйти с выкупом и не попасться. Ваш швейцарский банк тотчас закроет доступ к депозиту, если станет известно, что эти деньги получены в качестве выкупа.

— Но зато вы выбрали куда более надежное убежище, — подхватил Робби. — Мы собирались просто затаиться в какой-нибудь бухточке на западном побережье острова.

— Вы бы и опомниться не успели, как вас бы арестовали, — усмехнулся майор.

— Может быть, вы и правы, — согласился Робби.

— Совсем не обязательно, — возразил Келли. — УМНИК считает, что если мы будем вести себя осторожно, то все пройдет как по маслу. Он говорит, что это самый лучший способ.

Майор понимающе кивнул.

— Насколько я понимаю, вы хотите, чтобы я привел вас в то место, которое приготовил для себя?

— Да, — кивнул Робби. — На остров.

— И поверил, что после того, как мы туда прибудем, я буду по-прежнему считаться полноправным партнером?

— Конечно, нет! — буркнул Келли. — Никто никому не собирается доверять.

Майор холодно улыбнулся.

— Мы оставим у себя мисс Рашби, — сказал Робби, — чтобы быть уверенными, что вы не выкинете никаких фокусов. У вас останется Сэсси, а мы дадим вам Фрэнка.

— Без оружия, — добавил Келли.

— Мы не убийцы, — сказал Робби. — И не думаю, что вы с мисс Рашби тоже. У нас у всех для этого руки коротки. Никто из нас ничего не сможет сделать, чтобы кого-то освободить, пока не завершится операция.

— Слишком много мы знаем друг о друге, — добавил Келли. — Если кто-то из нас попробует жульничать, ему отплатят с процентами.

— Несомненно, — согласился майор. Он вздохнул, побарабанил кончиками пальцев по подлокотникам кресла, вновь вытянул губы трубочкой, посмотрел в иллюминатор на соседнюю яхту, пожал плечами и наконец сказал: — Хорошо. Я способен понять, что в моих интересах, а что — нет.

— Отлично, — улыбнулся Келли.

— Г-м... если уж мы вместе участвуем... во всем сообща, то чего ради нам беспокоиться насчет заложников? Почему бы вам не вернуть мне мисс Рашби и не оставить вашего друга себе?

— Мы сделаем это сразу, как только прибудем на остров, — сказал Робби.

— Если Фрэнк будет у вас, а мисс Рашби у нас, никто не попытается слить, — объяснил Келли.

— Слить? — брезгливо поморщился майор. — Кажется, я вас понимаю. Хорошо. — Он встал. — Похоже, все идет к тому, что нам действительно придется побыть партнерами.

— Вот и славно, — обрадовался Робби, и они с Келли тоже встали.

— И все-таки, — сказал майор, обращаясь к Келли, — вам не кажется, что наше партнерство может держаться на рукопожатиях?

— Нет. И хватит об этом. Мы прямо сейчас пришлем к вам Фрэнка и поплывем за вами на остров.

— Очень хорошо.

Майор прошелся вдоль борта, наблюдая, как они перелезают через поручни, садятся в шлюпку и гребут к "Осмотрительной", с палубы которой за происходящим внимательно следил третий молодой человек.

Этот Кресул прав насчет одного, подумал он. Никто из них не был убийцей. Если бы только он был убийцей, ему бы ничего не стоило выхватить свой "вальтер" и уложить их всех — двоих в шлюпке и одного на борту.

— Черт знает что такое! — весьма недовольный собой, проворчал майор.

Глава 11

Эсси расхаживала по своей крошечной тюрьме, словно разъяренная пантера. Когда ей в конце концов стало ясно, что стучать в дверь бесполезно (как и кричать, колотить по переборкам, расшвыривать подушки и высыпать на пол содержимое ящиков комода), она села на кровать, облизнула распухшие костяшки пальцев и загрузила. Но когда яхта замерла на месте, она, не в силах вынести собственное бездействие, вскочила и принялась снова маршировать по каюте.

Наконец дверь открылась, и в каюту вошел улыбающийся молодой человек.

— Привет, — поздоровался он. Дверь за ним тут же захлопнулась, и Эсси услышала, как в замке повернулся ключ.

— Я уже снималась в одном таком фильме, — заметила она. — Вы здесь, чтобы меня спасти.

— Не совсем, — продолжая улыбаться, ответил тот. — Я один из ваших похитителей. — Подойдя к переборке, молодой человек выглянул в иллюминатор. — Не волнуйтесь, мы пробудем вместе недолго.

Эсси почувствовала, как яхта вновь пришла в движение.

— Один из похитителей? — ошеломленно переспросила она.

— Ну да. Вообще-то, все это довольно сложно объяснить. В данный момент я сам пленник, но когда мы прибудем на остров...

Робби сидел в одном из привинченных к полу кресел на верхней палубе, наблюдая, как яхта майора впереди рассекает синие морские волны, оставляя за кормой разбегающуюся по сторонам бесконечную белую дорожку, по которой за ней следовала "Осмотрительная". Две ослепительно белые яхты под безоблачным голубым небом представляли собой великолепное зрелище, но у Робби не было никакого настроения любоваться морскими красотами. По правде говоря, настроение у него было отвратительное.

Операция оказалась слишком сложной. А то, что в ней было замешано столько людей, во много раз увеличивало их шансы попасть за решетку. Вместо трех похитителей их теперь было пятеро, а вместо одной похищенной — две. Это означало, что каждому достанется меньше денег, больше риска и т.д. и т.п., что Робби абсолютно не устраивало. Но что еще оставалось делать? Обстоятельства словно сговорились против них.

От этих невеселых размышлений его отвлек голос за спиной. Оглянувшись, он увидел поднимающуюся по ступенькам мисс Рашби, выглядевшую здесь совершенно не на своем месте — словно светская леди викторианской эпохи на пиратском судне.

— Можно к вам присоединиться? — спросила она, остановившись на площадке, чтобы перевести дыхание.

Робби указал на соседнее кресло.

— Милости прошу.

— Благодарю. — Устроившись в кресле, она облегченно вздохнула, расправила юбку и покачала головой. — Как хорошо побыть подальше от этой несносной девицы. Вы знаете, она наотрез отказывается верить, что я не собираюсь каким-то образом сбежать вместе с ней.

— Порой трудно сказать, кто на чьей стороне.

— Вы правы. Как она вообще здесь оказалась?

Неожиданно для самого себя Робби с легкостью выложил ей все о событиях вчерашней ночи, — чем они занимались на приеме, как Джиггер наткнулась на Келли, и, наконец, как они взяли ее в плен и освободили своего товарища. Выслушав все до конца, мисс Рашби сочувственно покачала головой.

— Ну и ну. Похоже, вам троим пришлось куда труднее, чем нам с Альфредом.

— Честно говоря, не очень-то похоже, чтобы вы годились для такого, если можно так выразиться, предприятия. Я имею в виду — вы с майором.

— О... — Мисс Рашби печально вздохнула. — Как будто я сама не знаю. Прежде чем на это решиться, мы сто раз все обдумали. Но нам срочно понадобилось раздобыть крупную сумму, и под конец мы пришли к выводу, что это единственный способ.

— Вот так вдруг и понадобилось? — Робби не мог себе этого представить.

— Для нашего мальчика Перси.

— Вашего мальчика?

Мисс Рашби смущенно рассмеялась.

— Мы с майором женаты. В следующем апреле будет вот уже как тридцать семь лет.

— Но...

— Вы имеете в виду мою фамилию? — Мисс Рашби мило улыбнулась и с заговорщицким видом подалась вперед. — Это не настоящая моя фамилия. И майора тоже.

— Но... — Робби не знал, что и сказать. — Я думал, у вас есть знакомые в Англии. Этого Спенса можно было принять за сына ваших старых друзей.

— Да, конечно, — кивнула мисс Рашби. — Нас очень хорошо знают под этими именами. Когда мы с Альфредом тридцать четыре года назад приехали в Соединенные Штаты, мы были уверены в двух вещах. Во-первых, в такое тяжелое время, — а мы уехали из Англии в период Великой депрессии — можно было выжить только за счет собственной хитрости. Это означало, что нам нельзя путешествовать под своими именами. Семья, знаете ли, родственники, доброе имя... короче, вы меня понимаете.

— Да, — подтвердил Робби, слегка ошарашенный.

— А во-вторых, — продолжала мисс Рашби, — мы знали, что у нас больше шансов на успех, если нас обоих будут считать одиночками. И немного пикантными. Экзотичными.

— Значит, вы тридцать четыре года прожили под вымышленными именами?

Мисс Рашби кивнула.

— Совершенно верно. Но все когда-нибудь кончается. После этого приключения мы с Альфредом намереваемся уйти на покой и уехать из Америки. Надеюсь, вы поймете, если я не скажу — куда именно, но после этого мы собираемся вернуть себе наши настоящие имена и объявить, что мы супруги.

Робби посмотрел на яхту майора, а затем вновь перевел взгляд на мисс Рашби.

— Кажется, я догадываюсь, кто вы. Парочка карточных шулеров.

— Должна признаться, что я всегда была равнодушной к американскому сленгу, независимо от того, как называется то, чем занимаемся мы с Альфредом. Но полагаю, вы правы. Как только всеобщее повальное увлечение контракт-бриджем в тридцатых пошло на убыль, нам пришлось расширить сферу деятельности, но уверяю вас, что в подобном предприятии мы участвуем в первый и последний раз.

— Мы тоже. Мы тоже хотим по-быстрому заработать и уйти на покой.

Мисс Рашби удивленно посмотрела на Робби.

— На покой? В вашем-то возрасте? От чего?

— От "крысиных гонок". Никому из нас неохота вкалывать в конторе за гроши, целовать задницу начальству... А почему вашему сыну вдруг так срочно понадобились деньги?

— Бедняжка Перси. — Мисс Рашби покачала головой — ни дать, ни взять, опечаленная мамаша, переживающая за своего непутевого отпрыска. — Он пытался... как бы это сказать... пойти по нашим стопам, но у него никогда не получалось — всегда на чем-нибудь попадался. Слава Богу, без серьезных последствий, одни мелкие неприятности... вплоть до последнего раза. Да, он явно никогда не научится.

— А что с ним такое стряслось?

— Вы когда-нибудь слышали об Ундурве?

Робби отрицательно мотнул головой.

— Это одна из новых африканских стран. Или была одной из них, или хочет такой стать, или отделиться от какой-то еще — точно я никогда не знала. У этих местных представления о самоуправлении не больше, чем... о, простите! — Мисс Рашби смутилась и покраснела.

— Я родился в Бостоне.

— Да, но все-таки...

Робби вздохнул.

— Лучше расскажите мне о Перси и об этой стране... как ее там? .. в общем, африканской.

— Ундурва.

— Вот-вот, она самая.

— Что ж... насколько я понимаю, Перси продал некоторое количество винтовок и патронов одному полковнику в какой-то провинции, кажется, юго-западной... да, точно, в юго-западной.

— А эти винтовки... они что, оказались бракованными?

— Их просто не оказалось. А Перси не успел вовремя уехать из страны. И теперь его не выпускают, а полковник требует деньги назад и дал Перси месяц, чтобы их вернуть.

— А где деньги, которые он получил от полковника?

— Он поручил вывезти их из страны одной молодой леди, с которой познакомился в прошлом году в Мозамбике. Но там, где они договорились встретиться, ее не оказалось.

— О... — понимающе протянул Робби.

— Да, — кивнула мисс Рашби. — Порой Перси излишне доверчив, даже не представляю, от кого из нас он это унаследовал.

— И сколько хочет полковник?

— Двадцать одну тысячу долларов. А остаток выкупа за Сэсси Манун мы рассчитывали использовать в качестве пенсионного фонда. — Мисс Рашби снова вздохнула. — Думаю, теперь вы понимаете, почему мы выбрали этот способ. Мы не могли ограбить банк или совершить нечто подобное, связанное с насилием, мы просто не такие люди. А наши обычные методы, хотя они многие годы позволяли нам довольно безбедно существовать, не годятся для того, чтобы быстро собрать столько наличных. К тому же Перси в определенном смысле слова тоже был похищен и его держат в плену в обмен на выкуп, так что мы решили, что называется, выбить клин клином.

— Жаль, что мы с вами схватились за один и тот же клин, — почувствовал ей Робби. — Долго нам осталось до острова?

Мисс Рашби посмотрела на море.

— Теперь уже нет. Там действительно очень красиво. А в ясный день даже Кубу видно.

— Я спрашиваю об этом потому, что к настоящему моменту об исчезновении Сэсси Манун уже наверняка известно всем и каждому.

— Да, думаю, уже несколько часов.

— Они могут воспользоваться вертолетами.

Мисс Рашби быстро окинула пустое небо тревожным взглядом, засмеялась и сказала:

— Нет-нет. Так быстро вряд ли.

— Почему?

— До сегодняшнего дня на острове Ямайка не было ни одного случая похищения людей. Разве это не интересно? Киднэппинг — почти исключительно американский метод. Разумеется, я говорю о похищении людей ради выкупа. Так что местные власти не готовы к тому, чтобы справиться с делом такого рода. А первые представители иностранной полиции, которых они пригласят на помощь, наверняка будут англичанами, а те разбираются в подобных вещах не намного лучше их. Какое-то время они будут прочесывать окрестности Монтего-Бэй, затем примутся за другие районы острова, и лишь после этого им придет в голову мысль о море.

— Если бы я жил на острове, то о море подумал бы в первую очередь.

— Знаете, сколько населения в Нью-Йорке? Они живут на острове, но о море не думают никогда.

— Это не одно и то же.

— В общем, сегодня о море они не подумают, — довольно улыбнулась мисс Рашиби. — В этом я уверена. Как бы то ни было, мы очень скоро прибудем на остров, и спокойно отсидимся вдали от любопытных глаз.

— Неужели там никто не останавливается?

— Нет, там нет вообще никого. Это частное владение, и местные рыбаки знают, что им запрещено там высаживаться. Совершенно случайно нам стало известно, что его владельцы сейчас в Швейцарии и вернутся не раньше, чем через три месяца. Несколько лет назад мы гостили в их доме. Но сейчас там ни души.

— Это не надолго.

Дверь каюты открылась, и майор, просунув внутрь голову, сообщил:

— Мы прибыли.

— Слава Богу! — обрадовался Фрэнк, которому его первая "тюремная отсидка" уже начала действовать на нервы.

Майор кивнул и ушел, оставив дверь открытой. Фрэнк повернулся к Сэсси Манун, по-турецки сидевшей на кровати и дымившей сигаретой.

— Вы идете?

Она медленно подняла на него глаза.

— Надо полагать, это шутка?

— Что? А, понятно. Пойдемте.

Впервые в жизни оказавшись так близко к секс-символу, заставлявшему трепетать сердца миллионов, Фрэнк с удивлением обнаружил, что это возбуждает не больше, чем укол новокаина. Он сознавал, что она рядом, только руку протяни, знал, что ее присутствие должно на него как-то действовать, но ничего не чувствовал. Абсолютно ничего.

Он размышлял над этим в течение всего времени их молчаливого заточения и, наконец, пришел к выводу, что причина этого кроется в том, что она какая-то... ненастоящая. Нет, разумеется, в обычном смысле слова Сэсси Манун была самой что ни на есть настоящей — красоткой из плоти и крови, — но, как ни странно, Фрэнк воспринимал ее лишь как искусственный, кем-то придуманный образ, оживающий лишь на пленке "техникалор" и широком экране.

Фрэнк протянул руку Сэсси, чтобы вместе с ней следом за майором подняться на палубу, и был поражен, когда она испуганно подалась назад и побледнела.

— В чем дело? — спросил он.

— Что происходит? — чуть слышно прошептала она. — Куда вы меня ведете?

— Мы на острове.

— Но что будет со мной?

Фрэнк не мог поверить, что она боится. Пластмассовые куклы не способны испытывать чувство страха.

— Ничего не будет. Мы вас здесь подержим, пока нам не заплатят выкуп, а потом опустим.

— И все?

Да, ей было страшно. Фрэнк шагнул к ней, желая успокоить, но она, проворно вскочив с кровати, отпрыгнула в дальний угол каюты. Он тут же остановился.

— И все. Честное слово. Никто вас и пальцем не тронет.

Было видно, как к ней на глазах возвращается самообладание. Откуда ему было знать, что впервые оказавшись с ней лицом к лицу, он увидел фальшивую маску вздорной и самоуверенной голливудской красотки, привыкшей к тому, что любой ее каприз мгновенно исполняется? А может быть тогда это и было настоящее, но последовавшее за столь холодным приемом молчаливое путешествие просто-напросто

сбило с нее спесь? Как бы то ни было, но сейчас она уже была отнюдь не пластмасовой куклой в натуральную величину, а просто очень напуганной женщиной. И вина за это лежала отчасти и на нем.

Фрэнку стало не по себе — у него и в мыслях не было ее пугать.

— Послушайте, — сказал он, желая исправить положение, — там будет совсем неплохо. Полежите на пляже, отдохнете пару дней, расслабитесь... Да еще вам составят компанию две других женщины. Вам потом самой уезжать не захочется.

Эсси улыбнулась, и в этой улыбке промелькнула целая гамма эмоций: и облегчение, и ирония, и признательность, и цинизм, — все вместе.

— О'кей, — кивнула она. — Посмотрим, что вы мне приготовили.

— Прошу сюда, — улыбнулся Фрэнк, галантно предлагая ей руку и радуясь, что она хоть немного успокоилась. Эсси вышла из каюты первой и, поднимаясь следом за ней по узкому трапу, он был вынужден признать, что она настоящая. Причем весьма.

— Х-м-м-м, — одобрительно пробормотал он себе под нос.

Часть 2. Люди

Глава 1

Келли закончил обход дома на балконе третьего этажа. Солнце, повисшее над бесконечной бирюзовой гладью океана, садилось за горизонт. Неестественно-голубое небо огромным куполом раскинулось над островом, похожим на крошечную зеленую пуговку на синем жилете Карибского моря.

Остров, и впрямь идеально подходивший для поставленной цели, был почти целиком покрыт джунглями, за исключением расчищенного участка на восточном побережье, где и располагался дом — единственное строение на много миль в округе. Точнее, не дом, а огромная трехэтажная вилла, вмещавшая двадцать три комнаты и семь ванных. Всевозможные крылечки, патио, террасы и балконы делали возможным панорамный обзор во всех направлениях. Большинство комнат было обставлено простой мебелью из бамбука, чего нельзя было сказать о роскошных спальнях; кладовые в подвалах ломились от запасов консервов и отборных вин, а два отлично укомплектованных бара поражали разнообразием ассортимента. На верхнем этаже находилась радиорубка в отличном рабочем состоянии. Берег полукруглой бухточки перед домом представлял собой чудесный пляж, покрытый белым песком. Ничего не скажешь, "убежище".

Чего не хватало, так это причала, поэтому пришлось встать на якорь, а до берега добираться на шлюпках, однако учитывая окружающую обстановку, это можно было рассматривать лишь как мелкое неудобство.

Келли отложил осмотр дома до тех пор, пока не была завершена первая фаза операции. Было необходимо сообщить властям сумму выкупа и координаты, куда он должен быть доставлен, что было незамедлительно сделано после высадки на берег. Пока передатчик прогревался, Келли с майором на найденной в радиорубке старой пишущей машинке сочинили текст сообщения, чтобы ничего не напутать, когда им удастся с кем-нибудь связаться. Затем Келли уселся перед микрофоном и принялся повторять "CQ, CQ, CQ...", пока ему не ответил какой-то аптекарь из Сан-Хуана, по видимому, вышедший в эфир, чтобы скоротать время за типичной для радиолюбителей болтовней — например, какие лампы надежнее и на какой частоте прием лучше. Он долго отказывался поверить, что Келли его не разыгрывает, но в конце концов сдался и спросил:

— Не возражаете, если я запишу ваше сообщение на магнитофон? Я не хочу, чтобы потом были ошибки.

Поскольку коротковолновые радиостанции пользовались заслуженной дурной славой из-за некачественной передачи звука, Келли, с легкой душой дав добро, зачитал подготовленный текст:

— Эсси Манун жива и здорова. Она будет освобождена сразу же по получении выкупа в размере четырехсот тысяч долларов. Эти деньги в непомятых долларах США должны быть помещены в водонепроницаемый контейнер с буйком желтого цвета и сброшены в море в понедельник 4 декабря ровно в 16.00 в точке с координатами 19 градусов 12 минут северной широты и 78 градусов 5 минут западной долготы. В этом районе не должно быть никаких кораблей и самолетов. Если деньги не будут доставлены или будет замечено наблюдение, вы никогда больше не увидите Эсси Манун в живых. Это сообщение будет передано только один раз, поскольку мы не хотим, чтобы нас запеленговали. Мы не слушаем радио и не читаем газет, поэтому единственным подтверждением вашего согласия будет доставка денег в указанное место и в указанное время. Мы не желаем причинять вреда мисс Манун и в случае доставки требуемой суммы обещаем вернуть ее в целости и сохранности.

Когда Келли закончил, аптекарю очень хотелось поболтать еще, но Келли скромно попросил его передать сообщение властям и отключился.

На западном балконе третьего этажа он и наткнулся на Джиггер, которая, облокотившись на перила, с недовольным видом смотрела на закат. И ей, и Эсси была предоставлена полная свобода передвижения по острову. Когда Келли появился на балконе, Джиггер медленно повернула к нему голову и, нахмурившись еще больше, холодно произнесла:

— Опять вы?

— Не обращайтесь на меня внимания. — Келли пожал плечами. — Я не собираюсь вам мешать. — Он подошел к перилам и посмотрел на густые джунгли внизу.

— А все-таки мешаете! — заявила она. — Причем постоянно. Надо было закричать в доме сэра Альберта, пока была такая возможность. Не стоило мне вас жалеть.

— Чего вам точно не стоило делать, так это лезть куда не просят! — возмущенно выпалил Келли. — А полезли вы туда, потому что вам хотелось, чтобы вас тоже взяли в долю. Я сразу все понял! Вам не удалось меня обмануть.

— Да вы рехнулись!

— Ну-ну.

— Начнем с того, что вы обязательно попадетесь.

— Это мы еще посмотрим.

— А даже если и нет, то я все равно смогу вас опознать. И Эсси тоже. Ну и что вы будете делать? Убьете нас обеих?

— Нет. Я просто не собираюсь появляться в таких местах, где бываете вы. Полиция может показать вам целое досье на уголовников, но меня там нет. Вы меня больше никогда не увидите. Как же вы сможете меня опознать?

— Мое время еще придет, — мрачно пообещала Джиггер.

— В каком-то смысле мне даже жаль, что вы меня больше не увидите, — внимательно посмотрев на нее, произнес Келли.

— Вот как? — задиристо ответила она. — А мне — нисколько.

Часы показывали полночь. Майор и мисс Рашби играли в джин. Сдавал майор.

— Я все видела! — неожиданно воскликнула мисс Рашби. — Двойки. Ты сдал себе мою карту.

Майор посмотрел на колоду в своей руке и покачал головой.

— Наверное, я просто устал. Давай доиграем эту партию и пойдем спать.

— Мою карту, Альфред!

Майор придвинул ей карту со своей стороны стола.

— Нет-нет, не эту, — возразила мисс Рашби, отталкивая ее назад, и потянулась к другой. — Вот моя.

Ффок-Линтон схватил ее за руку.

— Но и не эту, и ты прекрасно это знаешь!

— Двойка червей. Готова поклясться, что та карта — бубновая двойка.

— Чепуха, — буркнул майор. — Вот бубновая двойка. — Он похлопал ладонью по третьей карте и, коснувшись четвертой, добавил: — А вот эта — твоя.

— Значит, я тоже устала. — Мисс Рашби вздохнула. — Пожалуй, на сегодня хватит. — Она отодвинулась от стола и потянулась — быстро, изящно, и почти незаметно, как и полагается благовоспитанной леди.

— Весь вопрос в том, как быть с этими молодыми людьми, — сказал майор, собирая колоду.

— Они нам оказались полезны, — пожала плечами мисс Рашби. — Охраняют пленных и так далее. А их задумка относительно выкупа просто блестящая.

— Тем не менее вопрос остается. Как с ними быть потом?

— Мне кажется, они будут следить, как бы чего-нибудь не приключилось с их яхтой. Так что, возможно, вместо этого нам имеет смысл сделать что-нибудь с нашей, а когда придет время, позаимствовать яхту у них. В любом случае, после этого нам так или иначе придется отказаться от "Грозной".

— Следовательно, надо отобрать ключ у молодого Келли, — подытожил майор. — А это не так-то просто.

— Но вполне возможно, — отозвалась мисс Рашби. — Эта Джиггер все еще пребывает в недоумении относительно моего положения, так что если кто-то и украдет ключ у Келли, то это будет она. И я предложу ей этот план — помочь нам сбежать...

— Гениально! В самую точку!

— Я поговорю с ней завтра.

— Отлично. — Майор перетасовал колоду. — Ну что, еще одну партию перед сном?

— Ох, Альфред, — вздохнула мисс Рашби, придвигаясь к столу. — Только на этот раз сдавай без фокусов.

Глава 2

— Как здорово! — взвизгнула Джиггер.

"Осмотрительная" с шумом рассекала волны, удаляясь в открытое море. За штурвалом стоял Келли, единственной пассажиркой была Джиггер.

Свое наступление на Келли она начала во время ланча, предложив сделать ему сэндвич. Он, явно удивленный, согласился.

— Я вам вчера нагубила, — потупившись, сказала она. — А теперь хочу искупить свою вину.

Разумеется, этот лопух ей поверил. Еще бы! Джиггер давным-давно поняла, что главное в этой жизни — уметь вертеть мужчинами, как хочешь, и посвятила все свои силы тому, чтобы развивать свои способности в этом направлении.

Яхта вышла из бухты, и Келли включил автопилот, чтобы она могла продолжать медленно двигаться по прямой. Дождавшись, когда он закончит, Джиггер взяла его за руку и соблазнительно улыбнулась.

— Пойдемте, я приготовлю нам выпить.

Она приготовила коктейли — себе послабее, ему — покрепче, и, усевшись рядом с ним на диване, задумчиво сказала:

— Знаете, Келли, вы уж меня простите, но вы совсем не похожи на похитителя.

— Никакой я не похититель, — несколько раздраженно ответил Келли. — Я что, по-вашему, все время такими вещами занимаюсь?

— Зачем вы вообще за это взялись?

— Зачем? — гневно переспросил он. — Меня заставили!

— Кто же это вас заставил, если не секрет?

Поначалу Джиггер затеяла этот разговор просто так, но теперь ей было по-настоящему интересно, поскольку неожиданно у нее возникло чувство, что этого Келли никому никогда не удалось бы заставить сделать что-нибудь против своей воли.

— Общество! — сердито воскликнул Келли, взмахнув свободной рукой.

— Общество? Что значит — общество?

Сверкнув глазами, он прошипел сквозь стиснутые зубы:

— Это значит, что общество не оставило мне места под солнцем. Поэтому я вынужден отвоевывать его себе сам, и неважно, кто мне попадется по пути!

Джиггер удивленно заморгала. От Келли она не ожидала ничего подобного. До этого она воспринимала его лишь как вздорного и раздражительного болвана, и вот теперь, увидев обратную сторону монеты, обнаружила, что это довольно противоречивая, но чертовски любопытная комбинация — болван с огнем.

К тому же все сказанное им полностью совпадало с ее собственными взглядами, и она поняла, что у них много общего. Ей тоже никто не оставил места под солнцем в этом безжалостном мире, и она тоже была вынуждена пробиваться к нему сама, перешагивая через всех, кто попадает на пути.

— Ах, Келли, как же я вас понимаю, — кивнула она.

— Правда? — с удивленным видом спросил тот.

— Правда-правда! — горячо подтвердила Джиггер. — Если хочешь чего-нибудь получить от жизни, за это приходится бороться.

— Точно! По себе знаете, верно? — Келли сделал большой глоток и со стуком поставил бокал на столик.

— Еще бы мне не знать! В этой жизни ничего не дается даром!

— Верно! — На губах Келли появилась улыбка, большая похожая на оскал. — А знаете, какое единственное оружие для этого подходит?

Джиггер знала.

— Деньги!

— Именно! — Его кулаки были сжаты, лицо пылало. — Деньги — это сила! И свобода!

— Да, да, да, Келли, ты прав! — Теперь Джиггер крепко сжимала его руку. Она уже забыла, что всего несколько минут назад считала Келли болваном и лопухом, забыла все о мисс Рашби и ключе, о Эсси Манун и отличной возможности попасть в мир кино... Не осталось никого, кроме Келли, который ее понимал! Так понимал! — Мы должны добиться этого любым способом! — пылко воскликнула она.

— И тогда нас оставят в покое! — прорычал Келли, сжимая ее руки стальной хваткой.

— Чтобы мы могли жить, как нам хочется! — крикнула она ему в лицо и засмеялась от восторга, от того, что наконец-то встретила близкого по духу человека.

— Да!

— Да!

— ДЖИГГЕР!!

— КЕЛЛИ!!

И не в силах больше сдерживать переполнявшую их страсть, они бросились друг другу в объятия.

Сэсси вышла из воды, сняла купальную шапочку и направилась к расстеленному на белом песке одеялу. Улегшись на живот, она вытянулась и подставила свое тело ласковым солнечным лучам.

Господи, до чего же хорошо! Сколько времени прошло с тех пор, как она в последний раз чувствовала себя так легко и свободно? Всегда что-то мешало, мешало уже много лет подряд. Когда она в последний раз могла проснуться и сказать: "Сегодня мне совершенно нечем заняться"? Лет семь назад, не меньше.

В шкафу в своей комнате она нашла полный ящик купальников, два из которых пришлось ей впору, и купальные шапочки. И всей душой полюбила этот остров. Пицца была простая, но обильная, свободного времени сколько угодно, теплый океан, яркое солнце... Пусть даже переговоры об ее освобождении затянутся хоть на полгода, ей это только на руку.

Кто-то опустил на одеяло рядом с ней. Подозревая, что это опять Куница — так она мысленно называла Джиггер — Сэсси не стала открывать глаз, притворяясь спящей. Куница думала, что снимается в фильме о побеге из тюрьмы. Вчера ночью она прокралась к ней в комнату, разбудила ее и вывалила на нее целую кучу планов, — один похлеще другого. Например, уплыть на шлюпке. "Нас найдут через пару часов. В этом районе полно кораблей". Или ночью запереть всех остальных в их комнатах. Или взломать дверь радиорубки. И еще Бог знает что.

Сэсси попыталась спокойно все ей объяснить. "Дорогая моя, сейчас они обращаются с нами хорошо. Так и надо держаться. Стоит нам выкинуть какую-нибудь глупость, и они запрут нас в угольном чулане".

Но Куница была настырной, и в конце концов Сэсси просто накрылась одеялом с головой, заткнула пальцами уши и лежала так до тех пор, пока та не убралась восвояси.

Неужели она снова явилась? Кто-то сидел справа от нее, совсем рядом. Сэсси продолжала лежать на животе, уткнувшись лицом в стиб руки, поскольку не желала выслушивать очередные бредовые планы нового побега. Никаких подводных туннелей до Ямайки, воздушных шаров из простыней, надписей "НА ПОМОЩЬ" на песке... Нет и еще раз нет.

Однако это оказалась не Куница, поскольку голос Фрэнка произнес:

— Леди, вы отлично загорели с этой стороны. По-моему, вам пора перевернуться.

— Привет, Фрэнк, — не открывая глаз, сказала она. Он был ей симпатичен, примерно в той же степени, что и Кама с Сутрой. Приятная зверушка, несмотря на то, что у нее есть пара дурных привычек.

— На этих островах человек может забыть все. Даже самого себя.

— Хватит, Фрэнк, сколько можно?! — взмолилась Сэсси и, открыв глаза, с негодованием посмотрела на него. Он сидел на одеяле рядом с ней и смущенно пожимал плечами.

— О'кей.

— Как по-вашему, сколько мы еще здесь пробудем? — тихо спросила она, сразу же почувствовав себя неловко из-за этой вспышки. Кроме того, ей и в самом деле хотелось это знать.

— Недолго. Мы рассчитываем получить выкуп завтра. Если все пройдет по плану, мы отчалим отсюда и сообщим властям, где вас найти.

— А если нет?

Фрэнк снова пожал плечами.

— Не знаю. Наверное, тогда придется придумать что-то еще.

По спине Сэсси пробежал легкий холодок.

— Но ведь вы... ничего мне не сделаете?

— Что? — Фрэнк удивленно уставился на нее и рассмеялся. — Конечно, нет. Кто мы, по-вашему? Наверное, отправим еще одно сообщение. Может быть, попросим вас саму сказать им по радице, что вы живы и здоровы.

— Конечно, — с явным облегчением согласилась Сэсси. — Готова повиноваться во всем. — Она поняла, что надеется, что так оно и будет — завтра никакого выкупа, затем — еще одно требование, и так далее. Если повезет, то ей удастся прихватить пару недель отдыха. А что, вполне возможно. Насколько она знала Джошуа Солли, — а уж она-то его знала как облупленного, — он не будет торопиться платить — ни ради нее, ни ради кого бы то ни было другого. — Сколько вы за меня запросили?

— Четыреста тысяч.

— Да я за один фильм получаю вдвое больше! — запальчиво воскликнула она, совсем по-девчачьи чувствуя себя уязвленной тем, что ее оценили так дешево.

— Вы получаете восемьсот пятьдесят, — сказал Фрэнк. — Столько мы и собирались запросить, но потом подумали, что это будет слишком.

— Все равно попробовать стоило.

Фрэнк пожал плечами.

— Мы делимся на четверых.

— Всегда начинайте с крупных сумм, — посоветовала Сэсси. — Потом всегда можно снизить цену. Жаль, что вы не сказали мне об этом раньше.

— Я думал, вам все равно.

Она рассмеялась и села.

— Совершенно идиотский разговор. Скажите хоть, как вас угораздило влезть в это дело?

Фрэнк усмехнулся.

— Какую историю вам бы хотелось услышать? О старой больной матушке, которой нужны деньги на операцию, или о младшем братишке, которому позарез нужно поступить в медицинский колледж?

— О'кей, — кивнула Сэсси, — я сама напросилась.

Это опять смутило Фрэнка.

— Простите, это я веду себя, как мальчишка. Вообще-то, мне просто хотелось зашибить денюжат.

— А что, если вас поймают?

— Лучше бы не поймали.

— Ну а все-таки?

Фрэнк вновь усмехнулся.

— Я бы предпочел об этом не думать.

Поняв, что иного ответа не получит, Сэсси легла на спину и сказала:

— Если вас поймают, я вас не опознаю.

Он удивленно вскинул брови.

— Почему?

— Потому что вы приятный парень. Скорее всего, тюрьма плохо повлияет на ваш характер.

— Что ж, спасибо. Хотя надеюсь, что этот вопрос никогда не встанет.

— Но у меня одно условие.

— Какое?

— Знаете, постарайтесь ничего не портить, хорошо? Не пытайтесь меня поцеловать, закадрить или еще что-нибудь в этом роде. Договорились?

— О, дорогая моя, я бы никогда не позволил себе такого.

Сэсси рассмеялась и закрыла глаза.

— Пожалуйста, не давайте мне спать больше часа.

— Засекаю время.

Джиггер окинула мрачным взглядом свое отражение в зеркале ванной и с негодованием отвернулась.

— Джиггер Джексон, — кипит от злости, сказала она, — ты тупица безмозглая, картинка и набитая дура вместе взятые. Во-первых, этот парень преступник и кончит на виселице. Во-вторых, он чокнутый и в один прекрасный день свихнется окончательно. И в-третьих, из всех, кто здесь есть, Сэсси Манун — единственная, кто способен принести тебе хоть какую-то пользу. — Она гневно покосилась на свое отражение. — Какого же черта, в таком случае, ты втрескалась в этого Келли Брэма Николааса Четвертого?

Отражение промолчало.

Джиггер вновь отвернулась от зеркала и посмотрела на ключ, лежавший у нее на ладони. То, что это был не тот ключ, ничего не меняло. Ну и что теперь? А? Что теперь?

Они с Келли провели на яхте весь день. Келли выключил моторы, и они дрейфовали, мягко покачиваясь на волнах, до самого вечера. Лишь после того, как взошла луна, и "Осмотрительная" двинулась в обратный путь, Джиггер вновь вспомнила о ключе. Один, конечно, сейчас в деле, но, может быть, у Келли есть запасной?

От этой мысли ей стало грустно. Добывать ключ таким способом не хотелось, но другого выхода не было. Лунные дорожки на воде, неожиданный магнетизм Келли, ее собственные чувства — все это не имело значения. Она находилась здесь со вполне конкретной целью и отступать не собиралась. Слишком многое было поставлено на карту, и на сей раз нельзя было позволить яркой луне и глупым эмоциям все испортить. Тем не менее, легче от этого не становилось.

Проклиная себя за излишнюю сентиментальность, Джиггер спустилась в каюту и обшарила карманы брюк Келли, в глубине души надеясь, что не сумеет найти этот треклятый ключ, но не тут-то было.

Когда же она достала его, то сразу поняла, что теперь стоит перед дилеммой — ключ был от йельского замка, и к нему был привязан маленький картонный ярлычок, на котором кто-то аккуратно вывел: "Радиорубка".

Радиорубка. Джиггер спрятала ключ и вышла на палубу.

И вот теперь, час спустя, она наконец оказалась одна в ванной третьего этажа, чувствуя себя жалкой размазней и предательницей.

Ну хорошо. В конце концов она может пойти на компромисс, и все обернется благополучно. Они с Сэсси не сбегут на яхте — они вообще никуда не сбегут, — но результат будет тот же.

Эта мысль совершенно неожиданно возникла у нее еще на яхте, когда она стояла в кают-компании, сжимая в кулаке ключ от радиорубки. Вот что они сделают сегодня ночью — прокрадутся туда и пошлют сигнал о помощи. Потом она подсунет Келли под дверь записку, постучит, и когда убедится, что он проснулся, вместе с двумя другими женщинами спустится вниз и спрячется в подвалах. В доме полным-полно мест, где можно спрятаться — для того, чтобы их найти, понадобится несколько дней. А записка подскажет Келли, что к ним спешат на помощь, что они дали радиogramму и похитителям надо немедленно бежать.

И все будет хорошо. Келли не поймут — по крайней мере, на этот раз, — а Сэсси Манун спасут, причем исключительно благодаря Джиггер. И если она чув-

ствует себя виноватой из-за этого плана, то это только показывает, насколько она глупа. И если она уже сейчас мечтает о том, как Келли через год-два темной ночью прокрадывается в окно ее спальни, берет ее на руки и шепчет, что он все понимает, это говорит лишь об одном — она слишком насмотрелась фильмов.

Джиггер вновь повернулась к зеркалу.

— Что ж, пора, — сказала она, и отражение, плотно сжав губы, одобритительно кивнуло в ответ. Выйдя из ванной, она спустилась к комнате, которую занимали майор с мисс Рашби — еще одна загадка — и тихо постучалась.

Мисс Рашби открыла дверь почти сразу, кивнула, приложила палец к губам и на цыпочках вышла в коридор.

— Я так и подумала, что это вы, — прошептала она. — Он спит. Пойдемте.

Они молча прошли по коридору в гостиную, где мисс Рашби, прежде чем включить свет, плотно закрыла дверь.

— Итак? — нетерпеливо спросила она.

Джиггер довольно кивнула.

— Я раздобыла ключ от радиорубки!

— Что? — переспросила мисс Рашби с застывшей на лице улыбкой. — Что вы раздобыли?

Джиггер торопливо посвятила ее во все подробности своего плана, чувствуя по выражению лица мисс Рашби, что та, мягко говоря, не в восторге от услышанного. Когда она закончила, мисс Рашби коротко кивнула.

— Можно мне взглянуть на ключ?

Джиггер с готовностью протянула ей свою добычу.

Взяв ключ, мисс Рашби сказала:

— Спасибо, милочка. Теперь вы можете отправляться спать.

— Что? А как же...

— Нет, дорогая моя. — Мисс Рашби, печально улыбаясь, покачала головой. — Никаких радиogramм. Я придумаю что-нибудь получше. Спокойной ночи, милочка. — И мисс Рашби вышла из комнаты.

Секунд пять Джиггер стояла с разинутым ртом, пытаясь осмыслить открывшуюся ей истину во всей ее ужасающей сути — мисс Рашби с майором заодно и использует ее, чтобы с ее помощью обмануть Келли, — а затем бросилась наверх, чтобы признать ему в том, какую глупость она совершила.

У себя в комнате Келли не было, и Джиггер охватило отчаяние. Минут пятнадцать она металась по дому, пока не нашла его в библиотеке: утонув в глубоком плетеном кресле, он внимательно слушал сидевшую напротив мисс Рашби.

Джиггер остановилась перед ними.

— Вы отдали ему ключ!

Мисс Рашби улыбнулась своей печальной улыбкой и встала.

— Конечно, дорогая моя. Спокойной ночи, Келли, — кивнула она и неторопливой походкой удалилась.

— Келли... — жалобно произнесла Джиггер.

— Не надо, — ответил тот, разглядывая лежавший на ладони ключ. — Давным-давно я понял одну вещь. А сегодня на некоторое время забыл. Но теперь снова вспомнил. — Он встал и, не глядя на нее, направился к двери.

— Келли, прошу тебя! Позволь мне все объяснить!

Келли молча вышел из комнаты.

Некоторое время Джиггер неподвижно стояла, сгорая от стыда и понимая, что уже не в силах что-либо изменить. Не оставалось ничего другого, как отпра-

виться спать. Лежа в постели, она разрыдалась и лишь спустя час, совершенно обессиленная, провалилась в тяжелый сон, уткнувшись в мокрую от слез подушку.

Глава 3

Стоя на палубе "Осмотрительной", Робби не мог сдержать довольной улыбки. Утро выдалось великолепное — на небе ни облачка, теплый ласковый ветерок, спокойное море лениво поблескивает на солнце... После очередного завтрака на их коммунальной кухне у него возникло легкомысленное отпускное настроение, словно он был где-нибудь на морском курорте в компании близких друзей. Вдобавок ему предстояло совершить прогулку на яхте и вернуться назад с целой охапкой замечательных зеленых бумажек. Разве можно было желать чего-то большего?

На палубе появился Келли, явно просидевший всю ночь с УМНИКом, и Робби, добродушно похлопав его по плечу, осведомился:

— Ну как, ты готов?

— Готов, — угрюмо буркнул Келли. — А что, не похоже?

— Не надо мне сразу голову отрывать. Я только спросил, готов ли ты?

Келли возмущенно фыркнул, поджав губы.

— Готов.

— Я смотрю, ты сегодня не в духе.

— Слушай, тебе-то какое дело?

Робби примирительно улыбнулся.

— Да, в общем, никакого. Просто для человека, которому надо только окунуться в море, чтобы выловить оттуда четыреста тысяч, ты выглядишь не очень счастливым. Ну ладно, я пошел. — Он спустился в кают-компанию, где уже сидел майор с бокалом джина с тоником в одной руке и сигарой в пластмассовом мундштуке — в другой. — Через минуту отчаливаем, — сообщил ему Робби.

Майор посмотрел на часы.

— Превосходно.

Робби подошел к бару и смешал себе коктейль. В иллюминатор ему был виден пляж и Фрэнк с Сэсси Манун в купальных костюмах, расположившиеся на расстеленном на песке одеяле. Интересно, подумал он, не начал ли Фрэнк за ней ухлестывать? Сегодня, когда он на некоторое время останется единственным представителем мужского пола на весь остров, для этого был самый подходящий момент.

Яхта дернулась вперед так резко, что Робби пролил тоник на крышку бара. Вполголоса обругав Келли, он вытер ее губкой и уселся напротив майора, казалось, всецело поглощенного созерцанием плавающих в воздухе колец сигарного дыма.

Сэсси перевернулась на спину, потянулась, открыла глаза и спросила:

— Знаете что?

Фрэнк, сидевший рядом с ней с сигаретой в зубах, оторвался от созерцания далекого горизонта.

— Нет. А что?

— Деньги. Все упирается только в деньги.

Он усмехнулся.

— Ясное дело.

— Нет, я серьезно. — Сэсси села. — Можно мне сигаретку?

— Конечно. — Фрэнк прикурил вторую сигарету от своей и протянул ей. — А вы хотите, чтобы мы вас отпустили просто так?

— Господи, конечно, нет. Наоборот, мне здесь очень нравится.

Фрэнк осторожно улыбнулся.

— Это шутка?

— Братишка, — вздохнула Сэсси, — пожил бы ты с недельку в моей шкуре. Это как айсберг — те десять процентов, что на поверхности — белые и блестящие, а остальные девяносто — холодные, мокрые и неприглядные. Знали бы вы, каково это — триста шестьдесят пять дней в году быть Сэсси Манун.

— Я бы всплакнул на пару с вами, но соленой воды вокруг и так полно.

Она улыбнулась и покачала головой.

— Негодяй! Никакого сочувствия к несчастной сиротке. Как тут себя пожалеешь, когда рядом такой остряк?

— Стараемся.

— Не такой уж вы и плохой. А точнее, вы просто отличный парень.

— Само собой, — кивнул Фрэнк. — Но, знаете, постарайтесь ничего не испортить. Не пытайтесь меня поцеловать, закадрить или что-нибудь еще в этом роде.

Сэсси громко рассмеялась. Неожиданно ей пришло в голову, что еще никогда она не чувствовала себя более счастливой, чем сейчас.

— Фрэнк, — сказала она, — надеюсь, они никогда не заплатят, и вам придется держать меня здесь вечно.

Замок тихо щелкнул, и дверь радиорубки чуть приоткрылась.

Стоя в коридоре с отверткой в руках, Джиггер посмотрела направо, затем — налево. Никого. Сэсси Манун валяется на пляже со своим дружком, а эта старая ведьма Рашби дрыхнет у себя в комнате на втором этаже. Джиггер глубоко вздохнула и шагнула в комнату.

Дверь больше не могла закрываться полностью, но это уже не имело значения. Если Джиггер не повезет и кто-то поднимется на третий этаж, они все равно ее услышат независимо от того, закрыта дверь или нет.

Она включила свет и, увидев целую кучу электронного оборудования, расставленного у противоположной стены, прошептала:

— Черт возьми!

Окно находилось справа от двери. Выглянув наружу, Джиггер увидела Сэсси и Фрэнка, лежавших рядышком на одеяле, но яхты на месте не было.

Однако ей было не до яхты. Она твердо намеревалась связаться по радиции с полицией и была уверена, что после этого у нее еще останется время, чтобы предупредить Келли и остальных и дать им возможность скрыться.

Она подумала об известности, которую приобретет благодаря своему смелому поступку, о контрактах на кино съемку, о возможности стать звездой, и постаралась не обращать внимания на то, как скучно и неинтересно это звучит. Именно к этому она стремилась всю свою сознательную жизнь, и теперь, когда до желанной цели оставалось рукой подать, было бы просто глупо позволить эмоциям взять верх и испортить. Так или иначе, но раз Келли все равно был для нее потерян, оставалось извлечь из сложившейся ситуации хоть какую-то пользу.

Отойдя от окна, Джиггер уселась во вращающееся кресло перед микрофоном. Справа торчал маленький рычажок с надписью "Вкл. — Выкл." Сейчас он стоял на "Выкл.", и Джиггер, недолго думая, передвинула его на "Вкл.". Затем откашлялась, наклонилась поближе к микрофону и сказала:

— Алло! Алло!

Двое "подводных саней" легко скользили сквозь прозрачную толщу воды, словно пара дрессированных акул, одной из которых управлял Келли, а другой — Робби. Экипировка обоих состояла из аквалангов, резиновых перчаток, поясов с балластом и масок.

Они выключили двигатели "Осмотрительной" на изрядном расстоянии от места встречи, но еще с палубы заметили два вертолета — один взял курс на запад и вскоре скрылся из виду, а второй, по-видимому, выполнив свою задачу по доставке контейнера с выкупом, повисел на месте, затем описал круг и ушел на юг.

— Второй наблюдает, — показал майор. — С того места, где его нельзя заметить на фоне солнца.

— Все как мы и предполагали, — кивнул Робби.

— Мы скоро вернемся, — по-прежнему хмуро буркнул Келли. Большую часть путешествия он провел, играя в кала с УМНИКом.

Спустив свои "сани" на воду, они погрузились на глубину восьми-десяти футов и взяли курс на север. Оба с легкостью управлялись с рулями, поскольку на протяжении всей последней недели пребывания в Монтего-Бэй использовали для тренировок каждую свободную минуту. Первоначально предполагалось, что за выкупом поплывут Фрэнк и Робби, однако выяснилось, что у Фрэнка какие-то проблемы с вестибулярным аппаратом — стоило ему взяться за руль, как "сани" начинали камнем идти ко дну. На мелководье это грозило лишь мелкими неприятностями, но на глубине... Поэтому его место был вынужден занять Келли.

Запас воздуха в аквалангах был рассчитан на час. Деньги должны были быть сброшены в море в шести милях от места погружения, и добираться туда пришлось добрых полчаса, зато потом все прошло так, как и было задумано. Пока Келли присматривал за "санями", Робби перерезал парашютные стропы на контейнере и линь, удерживавший буюк, а затем они, привязав контейнер к "саням" Робби, развернулись и пустились в обратный путь.

Когда впереди замигал тонкий лучик привязанного к килю яхты фонарика, служившего маячком, они всплыли на поверхность и поднялись на палубу по веревочной лестнице.

Отвязав контейнер, Келли и Робби перенесли его в кают-компанию, где майор аккуратно разрезал его внушительных размеров складным ножом.

Деньги. Толстые пачки зеленых бумажек в банковской упаковке.

Некоторое время все трое стояли, не в силах оторвать глаз от своей добычи, а затем переглянулись и заулыбались — даже Келли, казалось, напрочь позабывший о своем плохом настроении.

Тишину нарушил майор:

— Джентльмены, нам улыбнулась удача.

— А мы улыбаемся, потому что она улыбнулась нам, — добавил Робби.

— Пора возвращаться, — подвел итог Келли.

Глава 4

Мисс Рашби проверила "уэбли" и, убедившись, что он отлично работает и полностью заряжен, поставила его на предохранитель. Затем посмотрелась в зеркало и, поправив прическу, решительной походкой вышла в коридор.

Она надеялась, что все трое будут на пляже, но, как назло, этой мерзавки Джиггер там не оказалось. Жаль, конечно, но решающего значения это не имело. Беспокоиться в первую очередь следовало о Фрэнке.

Тем не менее мисс Рашби сожалела о том, что ей пришлось так поступить с Джиггер, и она поймала себя на мысли, что ей было бы трудно смотреть девушке в глаза, особенно сейчас, когда следует быть максимально сосредоточенной.

Ее городские туфли увязали в песке, и мисс Рашби шла длинными медленными шагами, словно изображала человека, идущего по пояс в воде. Остановившись у одеяла, на котором сидели Фрэнк и Сэсси, она сказала:

— Добрый день.

Фрэнк обернулся.

— Привет, мисс Рашби.

— Привет, Фрэнк. — Мисс Рашби улыбнулась и достала "уэбли". — Руки вверх.

— Поаккуратнее, — сказал майор. — Еще не хватало, чтобы они упали в море. Нам это совсем ни к чему.

— Спасибо, мы в курсе, — с усмешкой отозвался Робби, через поручни передавая контейнер с деньгами Келли, стоявшему на носу шлюпки. Майор, сидевший на корме, крепко держался за причальный конец, не давая ей отойти от борта "Осмотрительной".

Келли принял контейнер и осторожно опустил его на дно шлюпки, а затем помог своему другу перебраться в нее.

— Я сяду на весла, — сказал Робби.

Никто не стал возражать. Келли опустился на скамью, а майор, ласково улыбаясь своим партнерам, закурил сигару.

Аделаида уже ждала на берегу — знак того, что все было в порядке. Неожиданно майор почувствовал сильное желание широко улыбнуться и помахать ей, но вовремя спохватился — это бы означало забыть о своем достоинстве да и вообще выглядело бы по-детски. Посему он позволил себе лишь слегка ей кивнуть. Впрочем, на таком расстоянии она бы все равно этого не заметила.

Робби греб с легкостью, свидетельствовавшей о солидной практике, и шлюпка мощными рывками шла к берегу. Солнце уже начало клониться к закату, но все еще наполовину торчало из-за крыши, с подозрением заглядывая майору в глаза и заставляя его щуриться.

Робби все отлично рассчитал, сделав последний гребок в тот момент, когда шлюпку мягко подхватила волна и почти на треть корпуса вынесла ее на сухой прибрежный песок.

— Вот и все, — сказал Келли, и Робби опустил весла в шлюпку.

Майор достал из кармана "вальтер" и направил его на Робби.

— Джентльмены, прошу встать.

Ему было видно, что Аделаида держит Келли под прицелом своего "уэбли".

— Что все это значит?! — с негодованием воскликнул тот.

— Это значит, — с улыбкой печального крокодила ответил майор, — что наше партнерство, как это ни прискорбно, подошло к концу.

Увидев пистолеты, Джиггер сначала глазам своим не поверила. Она наблюдала за пляжем из окна радиорубки, надеясь предпринять еще одну попытку объясниться с Келли, как только ей удастся застать его одного, но теперь даже не представляла, как быть. Тем временем майор и мисс Рашби повели Келли и Робби к дому под дулами пистолетов. Фрэнка и Сэсси тоже нигде не было видно, и на минуту ей показалось, что все безнадежно пропало.

И тут она заметила контейнер в шлюпке. Ага! Майор оставил его там, явно надеясь вернуться за ним позже, после того, как они с мисс Рашби посадят под замок

Келли и Робби. А потом они сядут на свою яхту и к тому моменту, когда прибудет полиция, будут уже далеко.

Как бы не так!

Джиггер опрометью выскочила из радиорубки.

В доме было полно лестниц, но она не сомневалась, что такие высокомерные особы, как майор и мисс Рашби, побрезгуют воспользоваться лестницей для слуг в задней части дома. И оказалась права. Незаметно спустившись на первый этаж и никого не встретив по дороге, она в два счета добежала до шлюпки, схватила обернутый целлофаном контейнер и со всей быстротой, на которую была способна, бросилась назад к дому.

Вбежав в пустой вестибюль, Джиггер остановилась, глубоко вздохнула и, задрожав голову, крикнула что было мочи:

— Я вызвала полицию по рации!

У нее была хорошая дикция, она упорно работала над ней еще в Пенсильвании. В какой бы части дома ни находились майор и мисс Рашби, они наверняка должны были ее услышать.

Джиггер постояла, дожидаясь, когда замрет раскатившееся по дому гулкое эхо, а затем довольно кивнула и направилась в подвал.

Едва майор захлопнул дверь за Робби и Келли и повернул ключ в замке (в соседней комнате уже томились Сэсси и Фрэнк), как до него донесся чей-то крик. Он забыл, напряженно прислушиваясь, а затем повернулся к Аделаиде.

— Девчонка?

Как он и предполагал, вид у Аделаиды был ошарашенный.

— Она действительно могла? — наконец вымолвила она.

— Вот это мы и должны выяснить, — прорычал майор.

Разумеется, он был быстрее Аделаиды — она еще только поднималась на третий этаж, а он уже стоял у взломанной двери радиорубки.

— Дорогая, побереги силы. Это правда.

Он нагнал ее на площадке второго этажа. Оба уже начали задыхаться, но остановившись и не думали.

— Как ты думаешь, у нас получится? — стараясь шагать побыстрее, спросила мисс Рашби.

— Надо постараться, дорогая, — пробормотал майор, поддерживая ее под локоть.

— По крайней мере, деньги у нас, — сказала мисс Рашби, когда они, спустившись на первый этаж, шли к выходу.

— Слава Богу, — поддержал ее майор.

Однако у шлюпки их ждало разочарование.

— Подумать только! — сердито воскликнула мисс Рашби. — А я еще жалела эту девчонку!

— Мерзавка! Она здесь только мешала! — Майор остановился и гневно топнул ногой. — Она никогда мне не нравилась, никогда!

Аделаида развела руками.

— Что же нам теперь делать?

Майор обернулся и свирепо уставился на дом. Из окон второго этажа за ними наблюдали лица, но Джиггер среди них не было. Двадцать семь комнат. Три подвала. Да еще непроходимые джунгли за домом.

— Нам ее никогда не найти! — прошипел майор. — Не успеем.

— Значит, придется уезжать без денег?

— Боюсь, что так, дорогая.

Он помог Аделаиде сесть в шлюпку, еще раз оглянулся на дом и чертыхнулся. Нет, все бесполезно. Промочив ботинки и брюки, майор столкнул шлюпку в воду, вскарабкался в нее сам и начал торопливо грести.

— Бедный Перси, — печально промолвила Аделаида.

Глава 5

Келли стоял у окна, наблюдая, как "Грозная" покидает крошечную бухту и исчезает вдаль. Смеркалось. Со стороны моря подул ветер, и "Осмотрительная" закачалась на волнах, словно огромный поплавок. Будущее казалось беспросветным. Майор и мисс Рашби улизнули с деньгами, Джиггер вызвала полицию, короче говоря, все пошло прахом.

Келли услышал, как у него за спиной кто-то выбил дверь, и голос Фрэнка произнес:

— Келли, старина, нам пора отсюда уматывать.

Келли кивнул и, отвернувшись от окна, неторопливо прошелся по комнате.

— Пора, пора.

— В следующий раз... — начал было Робби, но, не зная, что сказать, смущенно улыбнулся и замолчал.

Келли пожал плечами. Разумеется, позже он все обсудит с УМНИКом, и, может быть, они изобретут еще какой-нибудь план, но в настоящий момент в это верилось с трудом. Их внешность могли описать, их настоящие имена известны, запас наличности почти полностью израсходован, полиция висит на хвосте... поди попробуй в таких условиях начать все по новой.

На пороге появилась Сэсси и, окинув их озабоченным взглядом, сказала:

— Ребята, я бы вам не советовала надолго здесь задерживаться.

— Как подумаешь, что деньги достались майору, так просто зло берет! — проворчал Робби.

— Как бы не так, — возразил Фрэнк. — Мы видели, как Джиггер выбежала из дома и схватила пакет, пока вас с Робби сюда конвоировали.

Келли вскинул голову, почувствовав неожиданный прилив надежды.

— Значит, деньги не у них? Они все еще на острове?

— Можешь про них забыть. — Фрэнк устало махнул рукой. — Не успеешь ты их найти, как сюда примчится полиция.

— Но... Джиггер...

Фрэнк с отворачиванием покачал головой.

— Только не Джиггер. По-твоему, она свистнула денежки для нас? Как будто ты сам не знаешь, что у нее на уме?

Этот вопрос мучил Келли уже давно. Вот только найти бы на него ответ!

— Ты ошибаешься, — пробормотал он.

— Контракт с киностудией, — фыркнул Фрэнк. — Она рассчитывает получить его в награду за свои услуги. Разве не так, Сэсси?

— Это тоже сыграет свою роль, — согласилась Сэсси. — Уже одна реклама ей очень поможет, не говоря уже о том, что она помогла сэкономить студии деньги. А если еще и я замолвлю за нее словечко... — Она пожалала плечами.

— Вы? — удивился Фрэнк. — Зачем?

— Я заключу с ней сделку, и она вас не опознает.

— Не слишком ли это будет щедро с вашей стороны? — возразил Фрэнк.

— Мне кажется, нет, — вмешался Робби. — Келли, ты как считаешь?

— Не знаю, — пожал плечами тот. — Нам пора.

— И то верно.

Они вышли из комнаты и направились к лестнице, как вдруг в конце коридора показалась Джиггер. Быстро шагая к ним, она сказала:

— Келли, я хочу с тобой поговорить.

— Привет, милашка, — небрежно бросил Фрэнк.

Джиггер остановилась перед ними, глядя на Келли.

— Келли, так ты меня слушаешь?

У Келли не было ни малейшего желания кого-либо выслушивать. Желание у него было только одно — вернуться на яхту, уплыть куда-нибудь подальше и закончить этот проклятый день несколькими партиями в кала с УМНИКом.

— У нас нет времени, — вяло пробормотал он и шагнул к лестнице.

Джиггер, сложив руки на груди, отступила в сторону, пропуская его.

— Что ж, если ты так считаешь, будь по-твоему.

Все прошли мимо нее, но Келли, спустившись на один пролет, остановился на лестничной площадке и обернулся. Остановились и все остальные, недоуменно глядя на него. Джиггер не двигалась с места. О чем она хотела с ним поговорить?

— Где деньги? — спросил Келли.

— Ты меня слушаешь?

Что она задумала? Какой-нибудь способ самоутвердиться или оправдаться? Он пожал плечами.

— Говори.

— Наедине, — сказала она и кивнула в сторону ближайшей комнаты. — Вон там.

— Келли, у нас мало времени, — напомнил Фрэнк.

Сам Келли не имел ни малейшего понятия, что он хотел услышать от Джиггер — что она вообще могла сказать? — но ему почему-то казалось, что ее следует выслушать.

— Спускайтесь, — сказал он остальным. — Я буду через минуту.

— Келли... — начал было Фрэнк.

— Кончай, Фрэнк, — перебил его Робби и подмигнул Келли. — Постарайся покороче.

— Будь спокоен.

Фрэнк, Робби и Сэсси начали спускаться по лестнице, а Келли следом за Джиггер направился в комнату.

— Где деньги? — спросил он, как только они оказались одни.

— В подвале. Первый лестничный пролет, третья дверь слева.

— Отлично. — Келли вышел из комнаты и, перегнувшись через перила, крикнул: — Фрэнк!

— Что?

— Посмотри в подвале, первый лестничный пролет, третья дверь слева.

— Сейчас.

Он обернулся к двери — Джиггер стояла на пороге.

— Полагаю, я не обязан выслушивать все остальное, верно?

— Не обязан, — согласилась Джиггер.

— Вот и хорошо. — Келли спустился на полпролета, ожидая, что она вот-вот его окликнет, но так и не дождавшись, повернул обратно. — Почему ты сказала мне, где они?

— Потому что ты спросил.

Келли стукнул кулаком по перилам.

— Зачем тебе понадобилось воровать у меня ключ?

— Потому что я была полной дурой. Я хотела вызвать полицию, а потом предупредить тебя, чтобы ты мог бежать до их прибытия. Тогда бы и я смогла получить свой кусок пирога.

— Что это значит?

— Это значит, что мне был нужен и контракт с киностудией, и ты, и я пыталась придумать, как сразу добиться всего.

— Значит, говоришь, я был тебе нужен? — саркастически усмехнулся Келли, пытаясь убедить себя, что эта мерзавка лжет, и вообще плевать он на нее хотел.

— Да. И по-прежнему нужен. Поэтому я и не вызвала полицию.

Снизу донесся возбужденный крик Фрэнка:

— Нашел!!

Келли заморгал, ошарашенно вертя головой.

— Что? Ты не вызывала полицию?

— Келли, ты меня слышишь? — окликнул его Фрэнк.

— Слышу, слышу!

— Не вызывала, — повторила Джиггер. — Когда я сидела в радиорубке, то подумала как следует, что мне нужно больше — ты или кино? — Она пожала плечами. — И я сделала выбор.

— Келли, пора сматываться!

Келли посмотрел в сторону лестницы, потом вновь перевел взгляд на Джиггер.

— Ты спасла нас.

— Конечно.

Он кивнул и робко опустил голову.

На лестнице послышался топот. На нижней площадке появился Робби и, задыхаясь, выпалил:

— Келли! Они здесь! Легавые!

Глава 6

Келли в упор посмотрел на Джиггер.

— Это не я, — побледнев, быстро сказала она. — Келли, клянусь, это не я.

Он продолжал смотреть на нее, затем медленно кивнул.

— Я тебе верю.

Она радостно заулыбалась.

— Спасибо.

— Келли! — окликнул его Робби.

— Иду.

Все бросились вниз. У окна стоял Фрэнк, тыча большим пальцем вверх.

— В небе!

Келли высунулся из окна. Так и есть! В небе висел вертолет, угрожающе жужжа, словно какое-то гигантское инопланетное насекомое из научно-фантастического боевика. Он обернулся к компаньонам.

— Надо что-то делать.

Робби уныло покачал головой.

— От вертолета нам не уйти.

— Да...

— Но он не садится! — удивленно воскликнула Эсси. — Он просто там висит!

— Ждет подкрепления, — сказал Келли. — Наверное, у них полно самолетов, обсыкающих весь район. — Он покачал головой. — Мне надо посоветоваться с

УМНИКом. — Прежде чем кто-то успел сказать хоть слово, он выбежал из дома и бросился по пляжу к шлюпке.

На открытом пространстве ему казалось, что он бежит очень медленно. Вверх он не смотрел, но чувствовал, что вертолет висит прямо у него над головой.

Он быстро подплыл к "Осмотрительной", вскарабкался на борт, сбежал вниз по трапу и ввалился в носовую рубку, где включил свет и контрольную панель УМНИКа.

Ему понадобилось две минуты, чтобы ввести данные в машину, и меньше минуты, чтобы получить ответ. Прочитав его, Келли нахмурился, задал еще один вопрос, прочитал ответ, улыбнулся и, взлетев по трапу на палубу, прыгнул в шлюпку.

Когда он вбежал в вестибюль и остановился, переводя дыхание, к нему тут же подскочили Фрэнк и Робби.

— Ну?! Что сказал УМНИК?

— Есть какая-нибудь надежда?

Келли глубоко вздохнул и откашлялся.

— УМНИК... — пропыхтел он, — УМНИК... велел... вызвать... полицию!

— Ну-с, — улыбнулся Келли усатый детектив, — и каково это — быть героем?

— Да мы, в общем-то, ничего такого не сделали, — скромно потупился Келли. — Когда мы здесь появились, похитители уже скрылись. Прихватили деньги и дали деру.

Они сидели в гостиной: Келли и Джиггер на диване, Фрэнк, Робби и Сэсси — на другом, а трое детективов в штатском — на третьем. В доме было полно полиции — и американской, и ямайской, и, конечно же, британской, на пляже — вертолетов, а в бухте — катеров.

Усатый детектив неторопливо раскурил трубку и сказал:

— Насколько я понимаю, вы вчетвером отправились в увеселительный круиз, так? Вы, эти двое джентльменов и эта юная леди.

— Моя невеста, — гордо поправил его Келли, беря Джиггера за руку.

— Поздравляю. И случайно наткнулись на этот остров. Именно так все и произошло?

— Нам показалось, что здесь будет интересно, — пожал плечами Келли. — Мы думали, что здесь вообще никого нет, пока не высадились в бухте и не встретили мисс Манун.

Детектив улыбнулся, выпустил из трубки густой клуб дыма и посмотрел на Сэсси.

— Представляю, мисс Манун, как вы обрадовались.

— Не то слово! — с готовностью подтвердила Сэсси. — До этого я не была уверена, останусь ли в живых.

— Стало быть, вы считаете, что главарем шайки был человек плотного телосложения, говоривший с немецким акцентом, — задумчиво сказал детектив. — Он вам угрожал?

— Он все время... намекал. — Сэсси поежилась. — Я не знала, что он выкинет в следующую минуту. И все остальные тоже.

— А вы не слышали, чтобы к нему обращались как к Малышу Парсонсу?

Сэсси нахмурилась.

— Малыш Парсонс? Нет. Не представляю, как кого-нибудь из них можно было бы назвать Малышом.

— Г-м. — Детектив сделал очередную затяжку и как бы невзначай спросил: — Вам случайно не попадался на глаза ковер? Знаете, такой, персидский.

— Ковер? Где? Здесь?

— Ковер здесь ни при чем, мисс Манун, — вмешался второй детектив. — Не берите в голову. — Он повернулся к своему коллеге. — Говорят тебе, это совершенно другое дело.

— Тогда почему угнали микроавтобус?! — возмутился тот. — Куда делся ковер? А как насчет человека в киноаппаратной? По описанию он очень похож на Малыша Парсонса.

— Отдельное дело, — упрямо повторил второй детектив. — Совершенно другое, как я уже всем говорил. — Он повернулся к Сэсси. — Тут у нас вышел спор по поводу еще одной шайки, действовавшей в тот же день, когда вас похитили. Есть такие, как, например, мой коллега, которые считают, что две шайки одновременно занимались одной операцией.

— Но тогда что понадобилось тем типам, которые украли ковер?! — воскликнул первый детектив.

Второй снисходительно посмотрел на него.

— Надо полагать, ковер и понадобился.

Тот задумался, пуская густые клубы дыма.

— Вообще-то уже поздно, одиннадцатый час, — осторожно заметил Келли. — Мне надо отвезти невесту домой.

— Между прочим, здесь скоро будут журналисты, — заметил второй детектив. — И фотографы. Не желаете задержаться и поговорить с ними?

— Нет, — сказал Келли и, помедлив секунду, добавил: — Видите ли, мои родители... э... они ничего не знают о моей... э... невесте.

— Ага, — понимающе кивнул детектив.

— И я бы предпочел, чтобы они и дальше о ней не знали. До самой свадьбы.

— Конечно. Вам желательно, чтобы мы умолчали о вашей роли в этой истории.

— Именно.

— Думаю, это можно будет устроить, — кивнул детектив и посмотрел на своих коллег. — Как вы считаете?

Те, поправляя галстуки и причесываясь, заверили, что они не имеют ничего против.

Келли встал, не выпуская руки Джиггер, и она тоже поднялась вслед за ним.

— Ну что ж, — сказал он, — тогда, наверное, мы пойдем. До свидания, мисс Манун. Очень были рады с вами познакомиться.

Сэсси улыбнулась, впрочем, не больше, чем позволяла ситуация.

— Вы и ваши друзья спасли мне жизнь.

Фрэнк и Робби тоже встали.

— Пустяки, мэм, — сказал Фрэнк. — Ничего особенного.

— Я никогда не забуду, что вы для меня сделали.

Все обменялись рукопожатиями, а затем Келли, Джиггер, Фрэнк и Робби вышли из дома и, освещенные лучом прожектора вертолета, сели в шлюпку, поднялись на борт "Осмотрительной" и неторопливо вывели яхту в открытое море.

Сэсси Манун стояла у окна, наблюдая, как огни маленького суденышка исчезают в темноте. Один из детективов встал рядом с ней и, помолчав, сказал:

— Знаете, мисс Манун, вот такие молодые люди вселяют в меня надежду на будущее.

Сэсси Манун загадочно улыбнулась и кивнула.

— В меня тоже.

Перевод с английского **Дмитрия ПАВЛЕНКО.**

СМЕРТЕЛЬНАЯ ИГРУШКА

Окончание. Начало в № 6 — 2004 г.

Глава 6. Вера Муратова

В общем, как всегда, я поддаюсь первому душевному порыву, а потом начинаю думать, зачем мне все это нужно. И на сей раз произошло то же самое. Уже в машине, по дороге к дому Кеши Плачущего, я проанализировала ситуацию и вынесла себе приговор: идиотка! А как говорится в одном всенародно любимом фильме, "если человек идиот, то это надолго". В моем случае — пожизненно.

Перестала казнить, когда поняла, что мне уже нравится сам процесс покаяния. Да и дорога была недолгой: через десять минут моя машина была в нужном месте.

Подошла к двери черного хода, нашла нужную водосточную трубу. Покачала ее из стороны в сторону — вроде держится. Во всяком случае, до второго этажа добраться можно. Было бы хуже, если бы пришлось карабкаться на крышу.

Как всегда, в голову лезла всякая чепуха именно тогда, когда нужно было сосредоточиться на главном. Так, четвертый этаж, дверь справа. Я посветила фонариком, нашла замочную скважину и вставила ключ, который Кеша исхитрился не потерять во время своих безумных приключений. Замок даже не щелкнул. Потянула на себя довольно тяжелую дверь и... чуть не завопила от неожиданности. Посередине кухни стояла пожилая женщина и глядела на меня, как на инопланетянку или на двухголового теленка. Первый раз в жизни своими глазами увидела, как у человека "отваливается челюсть".

Ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы она заорала. Эти старушки, божьи одуванчики, обычно имеют такие голосовые данные, что любая эстрадная певица позеленела бы от зависти... Подскочила к бабе Кате (а кто еще мог быть в этой кухне?) и зашептала:

— Тихо, без паники. Я от Кеши, вот вам записка. Он просит перевезти Петеньку в безопасное место. У нас очень мало времени.

Баба Катя закрыла рот, взяла записку и прочла ее раз восемь, наверное. Потом вопросительно посмотрела на меня.

— Да, да, Вера — это я. Все правильно. А теперь давайте собирать ребенка. Машина внизу. Где он?

Вместо ответа она сделала мне приглашающий жест рукой и пошла из кухни. Похоже, бабушка не любила много разговаривать, предпочитала действовать — редкость среди женщин любого возраста. Мне она определенно начала нравиться.

Мы прошли в комнату. На допотопной кровати с никелированными шарами сладко спал маленький мальчик. Беленький и очень хорошенький — я невольно залюбовалась. Но потом подумала: а что начнет вытворять этот белокурый ангелочек, когда проснется? Крики, капризы, кашки, горшки... Нет, хорошо, что меня дети не волнуют. Не представляю себя в роли Мадонны с младенцем.

— Поди глянь, что у Кеши в комнате творится, — внезапно сказала баба Катя. — А я там Петенькины вещи возьму.

В другой комнате у меня сложилось впечатление, что нахожусь на съемках фильма из жизни революционеров. Нищенская обстановка и следы полуобывска-полупогрома, учиненного царскими жандармами. Разбито и разрезано было практически все: от цветочных горшков до матраса на детской кроватке. Что они искали? Деньги? Драгоценности? Только не бумаги, потому что никому не придет в голову распарывать мягкую игрушку размером с мою ладонь в поисках документов. Там можно спрятать в лучшем случае удостоверение личности.

— Как же вы ничего не услышали? — изумилась я.

— А я, вишь, вместо одной две успокоительных-то пилюли... А может, под дверь чем пшикнули. Сама удивляюсь, ведь от любого шороха вскидываюсь, а тут...

Баба Катя времени даром не теряла. Собирала все необходимое и одновременно знакомила меня с событиями последних суток. Ничего лишнего, никаких эмоций, одни факты. Не свидетельница, а мечта для любого следователя. Жалко, что Пашу нельзя с ней познакомить. Лишний раз убедился бы в том, что не все женщины болтливы и бестолковы. Встречаются приятные исключения. К примеру, эта Катерина Павловна. Или я.

Закончив сборы и одновременно рассказ, баба Катя тем же тоном продолжила:

— Петеньку с тобой одного не отпущу, и не мечтай. Мне тут Кеша не указ, да и мужики не всегда соображают, что и когда делать нужно.

— Но здесь же опасно оставаться!

— И не останусь. Сама с Петенькой к Кеше поеду.

— Вы? Но ведь неизвестно, куда потом нужно будет перебираться. Вам же трудно...

— Не твоя печаль, милка. В молодости такой "курс выживания" прошла — тебе во сне не приснится.

— Какой еще курс выживания? Их тогда не было...

— Ага, не было! Счас ввели за деньги, а тогда полстраны бесплатно проходило. Выжил — живи, не выжил — извини.

— Вы про лагерь?

— Нет, про санаторий с профилакториями. Ну давай, пойдем Петеньку собирать. Отбеседовались. У меня язык не казенный.

Вот тебе и бабулька, божий одуванчик! Похоже, я вляпалась в мини-малину: старуха-рецидивистка и Кеша-начинающий. Приятная семейка, ничего не скажешь. Будет мне от Паши за такое знакомство!

Когда собралась погасить свет в комнате, баба Катя цыкнула на меня неожиданно резко:

— Ошалела? Свет в доме — значит, есть кто-то. И на кухне не вздумай гасить. Я дверь на засов изнутри закрыла, а сейчас трубку с телефона сниму. Пусть стучат, пусть дозваниваются. По крайности решат, что бабка оглохла или заспалась. Может, и не станут дверь выламывать. Обойдется.

То ли бабулька регулярно смотрела по телевизору детективы, то ли в лагере сживала не только в молодости, а достаточно регулярно, действовала, во всяком случае, грамотно. И с собой собрала только самое необходимое, да не в чемодан или сумку, а в заплечный мешок. Очень грамотно: руки свободны, груз распределен равномерно. Все-таки кадры прежняя система готовила отменные.

Я взяла Петеньку на руки — это она доверила мне почему-то. Баба Катя шла за нами — то ли прикрывала отступление, то ли следила, чтобы я не уронила ребенка. А он даже не проснулся: только пробормотал что-то и крепче прижался ко мне. Бедный малыш — мать неизвестно где, отца то ли убьют, то ли посадят. Правда, остается еще баба Катя, но ведь и она, в общем-то, не железная.

— Вы лекарства свои не забыли? — на всякий случай поинтересовалась я. Все женщины старше сорока, с которыми я общалась, имели при себе филиал районной аптеки: сердечное, болеутоляющее, успокоительное, снотворное. Не дай Бог, прихватит где-нибудь...

— Какие лекарства? Малину, что ли, с собой попру? Или горчичники? Простужаться мне сейчас недосуг.

— А сердце у вас здоровое?

— Шут его знает! — хмыкнула Катерина Павловна. — К врачам не хожу, они и здорового залечат. Ну а помру — так сама помру, когда положено. Не бойся, вальерянку взяла. Больше ничего не надо.

Когда спустились вниз, я попыталась отодвинуть щеколду на двери. Но она упорно не поддавалась: то ли заело, то ли Кеша не проверил, и дверь действительно заколотили наглухо. Баба Катя, которая взяла Петеньку на руки, снова передала его мне.

— Держи уж! Мало каши ела, видать. Дай попробую.

Дверь пару раз крякнула — и засов щелкнул. На улице было чуть светлее, чем в подъезде, и я не сразу увидела свою машину. В какой-то момент показалось, что ее нет, и я здорово струхнула. Хотя вряд ли кто польстится на мою ста-

рушку — уж больно она внешне неказиста. Да и тревога оказалась ложной: она стояла на том же месте.

— Подержите ребенка, надо машину отпереть, — сказала я старухе. — Вы рядом со мной сядете?

— Нет, девка, ты все-таки чокнутая. А ежели за тобой кто поедет? Так я и буду всю дорогу башкой крутить?

Нормально. Бабулька мне нравилась все больше и больше. Если вся эта заварушка благополучно кончится, я устрою ее к Паше на полставки. Пусть поучит молодых сотрудников премудростям сыска. И к пенсии добавка будет — на малину с горчичниками.

Баба Катя расположилась на заднем сиденье, а Петеньку положила рядом со мной и надежно примотала ремнями безопасности.

— Ежели в заднее стекло пальнут, его не заденут.

— Да кто стрелять-то будет, Катерина Павловна? — взмолилась я.

— Кому надо, тот и будет. Кто-то не поленился ведь квартиру распротошить. Давай трогай. Очень много говоришь, Вера. Когда только думать успеваешь?

На этот вопрос я была не готова ответить и сочла за лучшее последовать совету и трогать. Сначала ехала тихо: все ждала, что где-нибудь сзади или сбоку вспыхнут фары и раздастся звук включенного мотора. Но ничего подобного не дождаюсь.

Благополучно выехали на еще пустой Ленинский проспект — там я набрала приличную скорость. Могла бы ехать и побыстрее, но не так часто приходилось возить маленьких детей в своей машине. Точнее, это первый случай.

Баба Катя все время молчала. Я покосилась в зеркальце — старуха сидела вполборота ко мне и пристально следила за дорогой. Мне бы такой характер! — Екатерина Павловна! Хотите пожить на даче пару недель?

Она ответила не сразу, видно, решала: продолжать наблюдение или поговорить со мной. Я уже хотела повторить вопрос, когда услышала:

— Мне все едино где, лишь бы Петеньке было хорошо. Твоя дача, что ли?

— Нет, моего родственника. Он пожилой человек, живет там один, а дом большой, места хватит.

— Обрадуется, поди! — В голосе бабульки явно слышалась ирония.

— Не знаю, — честно произнесла я. — Может, и обрадуется. Но уж точно не прогонит. Вот мы и приехали. Ох!

Последнее мое восклицание было таким энергичным, что даже невозмутимая баба Катя вздрогнула:

— Случилось чего?

Я промолчала. Произошло то, чего в принципе не должно было быть: перед моим подъездом стояли Пашины "Жигули". Наверное, мне было бы легче, если бы там стоял джип, битком набитый бандитами. От бандитов можно было бы попробовать отстреляться или удрать...

— Спрашиваю, случилось чего? — дошел до меня голос бабы Кати.

Я махнула рукой.

— Ничего особенного, долго объяснять. Машина вот стоит. Сейчас мне попадет.

— Муж вернулся?

— Не замужем! — буркнула я.

Помогла вылезти старухе, вынула все еще спавшего Петеньку, заперла дверцы. Самым горячим желанием было проснуться и понять, что все это мне приснилось. И не будет укоряющих глаз Паши и его нотаций. Ну да ладно, лучше

ужасный конец, чем бесконечный ужас. Подхватила мальчика и пошла к подъезду. Баба Катя молча следовала сзади.

Позвонила в дверь собственной квартиры. Раздались такие знакомые шаги, и Пал Палыч собственноручно распахнул ее.

— Вот уж не ожидала тебя здесь увидеть! — сказала с вымученной улыбкой вместо приветствия, вложив в эту фразу максимум искреннего удивления, радости и чистосердечности. Но на Пашу почему-то не подействовало.

— Ты отдаешь себе отчет в своих поступках? — поинтересовался он бесцветным голосом. — И что намерена делать дальше? Твоего подопечного ищет вся милиция города. В том числе и я.

Глава 7. Павел Шервуд

Подпитав услышанное от Иннокентия и сведения, почерпнутые мною по телефону, я получил совершенно замечательную картинку. Вооруженный налет на офис одного из небольших коммерческих банков — раз. Труп охранника и тяжелораненный вице-президент банка — два. Известная нашим “экономистам” из прокуратуры связь этого банка с какими-то не совсем ясными финансовыми махинациями — три. Необходимость допросить раненого, как только он придет в сознание, — четыре. Идиотская история, рассказанная мне то ли потерпевшим, то ли одним из преступников, — пять. И Вера в качестве сообщницы возможного преступника — шесть. Для одного следователя, пусть и по особо важным делам, многовато получается. Тем более что мне следовало бы вообще отказаться вести это дело, раз в него вляпалась Вера. Но тогда я не смог бы ей помочь.

Саша Чернов, мой заместитель, безвылазно дежурил в Склифе, карауля, когда к свидетелю-потерпевшему вернется сознание. Другие помощники искали машину — предположительно “БМВ”, замеченную недалеко от места преступления. Все отпечатки пальцев, которые остались в офисе, сняты, и теперь идентифицируются. Охранник был убит из револьвера 38-го калибра, не проходящего по нашей картотеке. И пуля, по предварительным данным эксперта, действительно была выпущена со стороны входа в офис, а никак не от сейфа. Вице-президент получил такую же пулю с той же стороны...

Это несколько облегчало положение Кеша. Но, собственно говоря, и без этого как-то плохо верилось, чтобы некто Кеша мог держать в руках оружие. Любое. Чудеса, конечно, бывают всякие, но...

Конечно, вся история с бегом по ночным улицам, выстрелами, погонями и имитацией похищения собственного ребенка отдавала дешевым американским боевиком. Парень мог схлопотать рану на месте происшествия, а потом сочинить эту байку, не особенно напрягая фантазию, просто вспомнив последний телесериал. Посмотрим, что скажет Вера, когда вернется. Если, конечно, не попала в засаду. Тогда — плохо.

Кеша смотрел на меня глазами раненой газели и пытался что-то пояснить, добавив, дополнить. Я его почти не слушал, меня занимало только одно: как скоро вернется Вера. Двадцать минут на дорогу туда, час, чтобы войти в дом, уговорить бабку, собрать ребенка. Двадцать минут на обратный путь. Итого час сорок. Положим еще двадцать минут на всякие случайности типа спустившего колеса. Итого два часа, а с ее отъезда прошло час десять минут... И в этот момент в дверь позвонили. Верка!

С трудом скрыл радость, когда увидел ее живой-невредимой, с маленьким мальчиком на руках. А вот старуха, которая явилась вместе с ней, была для ме-

ня неожиданностью, причем не очень приятной. Ее-то Верка зачем с собой потащила? Или в квартире Иннокентия действительно что-то произошло? Тогда каким образом они сумели оттуда уехать, да еще так быстро?

Вера на какое-то время исчезла в ванной — снимала свой дурацкий костюм. Появилась в халатике, умытая, свеженькая, будто действительно спала всю ночь, а не моталась черт знает где. На лице — непередаваемое выражение невинности, готовность выслушать любой выговор и лукавство.

— Рассказывай, — велел я, пытаюсь скрыть от нее, что самое для меня страшное — ее отсутствие — уже позади. Нечего баловать!

Вера доложила — именно доложила, а не рассказала свою версию событий, обойдя молчанием то, почему ей не пришло в голову сразу, по телефону, сказать мне правду. В ее "докладе" меня заинтересовала только одна деталь: погром, учиненный в квартире Иннокентия. Мне об этом ничего не было известно. Но дослушать до конца не успел — зазвонил телефон.

— Тебя, — протянула трубку Вера.

— Шеф, — услышал я голос Саши Чернова, — есть новости. Потерпевший дал примерное описание преступника. И еще поступило сообщение от группы, работающей по нападению на офис. Вахтер, у которого банк арендовал помещение...

— У вахтера, что ли, арендовал?

— Нет, у предприятия, конечно. Шеф, не издевайтесь, я письменно связно изложу, а пока этот вахтер, похоже, видел вчера, примерно за полчаса до начала стрельбы, одного человека у офиса. И, кажется, опознал: они с ним рядом часто на какой-то барахолке стояли...

— Кажется или опознал? Знаешь ведь поговорку: "врет, как очевидец". Выясни все, а сейчас скажи, в каком состоянии раненый?

— Скончался, к сожалению, — поскуцнел Саша. — Хорошо еще, что успел кое-что рассказать об убийце... Ну, я поехал в контору. Вы будете?

— Обязательно. Подготовь отчет.

Тут я услышал, как Вера настойчиво повторяет мое имя, да еще тянет при этом за рукав, как ребенок.

— Что тебе? — нелюбезно осведомился я, потому что терпеть не могу назойливости.

— Паша, тут баба Катя хочет тебе что-то сказать. Я ей объяснила, что ты следователь...

— Вера, ну кто тебя тянет за язык! Не могла немного подождать! А если эта самая баба Катя расскажет всем подружкам и кумушкам, что следователи у нас такие — своих приятельниц любой ценой выгораживают? И так голова пухнет, а ты со своими заморочками. Ладно, давай сюда свою бабу Катю. Отчество у нее есть? Или прикажешь мне прямо так к ней и обращаться?

— Катерина Павловна я, — ответила за Веру сама старуха.

Оказывается, она уже была здесь, в кухне. Ну, Верка!

— Очень приятно, почти тезки, значит. А я — Павел Павлович. Так что вы мне сказать хотели?

— Сначала скажи, что Кеша натворил.

Я вкратце изложил. Старуха на несколько минут задумалась, потом вынесла приговор:

— По дурусти вляпался. Жаль, мне не сказал раньше — отговорила бы. Но не стрелял. Этого он не может, да и пистолета отродясь в руках не держал. Ему ударить человека — и то не знает, как размахнуться. А тут...

— По дурусти не по дурусти, а соучастие в вооруженном ограблении...

— Знаю, не маленькая. Заслужил — получит. Только не убивал никого, вот хоть побожиться! Ты мне лучше скажи: зачем они всю квартиру вверх тормашками перевернули?

— И вашу комнату?

— Нет, ко мне не зашли. А у Кеши и на кухне все разнесли. Да тебе Вера рассказала, поди.

— Она-то рассказала, да мне хотелось бы вас послушать.

Старуха четко и толково изложила события минувших полутора суток.

— Да, и потом кто-то приходил, уже почти утром, — закончила она свой рассказ.

— Кто?

— Почему я знаю? Собралась в милицию звонить — тут Вера объявилась. Ты уж не серчай на нее. Девка добрая, только шепутная. Кеше бы такую жену, а не его вертихвостку...

Ага, еще и это! Всю жизнь мечтал, чтобы Вера замуж вышла за такого дурика, да с ребенком. Но что-то надо было делать, чтобы вытащить ее из этой истории.

— Вера! — позвал я. — Времени мало, так что давай про основное. Решила своих подопечных к дяде — вези. Только, разумеется, без Иннокентия, иначе сядем все и надолго. И сразу назад, чтобы тебя около этого дела близко не было. Запомни: всю ночь была дома, спала, никакого Кешу знать не знаешь. Я к тебе приехал потому, что телефон был неисправен, и я забеспокоился, что для меня характерно. Я сейчас на службу. Позвони от дяди. Вернешься — снова позвони. Не застанешь — передай через Сашу, он доложит потом. Только лишнего не болтай, умоляю! И не лезь в авантюры, как человека прошу! — И прошел в комнату поговорить с Иннокентием.

Иннокентий возился с Петенькой, и мне пришлось нарушить их идиллию.

— Кеша, а кто все-таки этот Севка?

— Он говорил о себе "бизнесмен". Про банк свой почти ничего не рассказывал, а спрашивать было как-то неудобно. Только все грозился, что "найдет заначку — они все запляшут". Я сначала думал, деньги, но у него их и так было... Мне за пустяковые работы тысячи отваливал...

— Ну да, и расписки брал. Ох, Кеша! А его компаньоны?

— О них он вроде бы говорил: кредитами занимаются, налаживают связи с зарубежным капиталом... Нет, Пал Палыч, не помню. Для меня что банкир, что брокер... Да и у Севки не понять было: все с усмешкой, все как-то несерьезно. Про "заначку" только всегда говорил вроде бы даже озлобленно. А так — балабон был, им и остался.

— Балабон с пистолетом — это уже не смешно. Где хоть он живет?

— Сейчас — не знаю. Дома у него ни разу не был, телефона не давал. Но говорил, что недавно переехал, а вообще живет на даче...

— Где?

— Не знаю...

— Выходит, ты ничего о нем, нынешнем, не знаешь?

— Почему же? Всеволод Эмильевич Игнатенко, год рождения... то ли шестьдесят третий, то ли шестьдесят пятый... Жену зовут, то есть звали, Аллой... — Кеша замолчал. Похоже, надолго.

— Все? Негусто, однако. Номер машины хотя бы знаешь?

Кеша с убитым видом покачал головой:

- Я и марку-то не знаю толком. Помню только, что темно-синяя.
- Хоть что-то! А какого цвета номерная дощечка?
- Обыкновенного. Как у всех машин.

Я не стал объяснять этому малахольному, что номера бывают как минимум трех цветов. Просто набрал нужный номер телефона и попросил уточнить данные о разыскиваемой "БМВ": темно-синяя, с обычным номером. Скорее всего, московским, но, может быть, и нет. Потом дал отбой и тут же набрал другой номер. Саша сразу снял трубку.

— Саша, запроси сведения о Всеволоде Эмильевиче Игнатенко. Адрес, место работы, ну, сам знаешь. А как только найдешь самого клиента — доставь ко мне немедленно. Новости есть?

— Пока нет, — осевшим голосом доложил мой заместитель.

— Отсутствие новостей — уже хорошие новости, — ободрил я его. — Скоро буду, жди. А пока привет. — И тут я вспомнил, что нужно спросить у Кеша еще кое о чем. — Кеша, а того вахтера, который в "почтовом ящике" работает, ты давно знаешь? Ну, в том, где банк офис арендовал.

— Какого вахтера? Там отдельный вход в офис, с торца здания, — удивленно проговорил Кеша.

Еще загадка! Откуда вахтер взялся? Охранник — да, это из банковской терминологии, а вахтер... Я пожал плечами и решил сделать еще один звонок. Вдруг этот вице-президент перед смертью еще что-то сказал? О том же Севке, например. Или о том, кто стрелял. Не то чтобы я не доверял Саше, наоборот, его работа всегда была безупречной, даже чересчур. Но поскольку дело так или иначе касалось Веры...

Пришлось минут пять подождать, пока в Склифе подозвали к телефону врача, который вел пострадавшего вице-президента Алексея Алексеевича Водолажского. Наконец в трубке послышалось:

— Доктор Герасимов.

— Следователь Шервуд. Скажите, не говорил ваш больной Водолажский еще что-нибудь перед смертью?

— Еще? Он вообще ничего не говорил. Скончался, не приходя в сознание. У вас что — такой же бардак, как и везде? Вроде тут ваш сотрудник дежурил...

Я молча положил трубку. Кто же тогда, если верить Саше, "рассказал немало"? Дух покойного?

Глава 8. Снова Павел Шервуд

Верина "Волга", наверное, уже проделала полпути к даче Викентия Эдуардовича, а я все сидел в своей машине и думал, пока Кеша дремал на заднем сиденье. Головоломка никак не хотела складываться: каких-то кусочков в ней явно не хватало.

Кешина роль была мне более или менее понятна: ошалевший, затюканный жизнью мужик с маленьким ребенком на руках, без денег... Человек его склада в принципе не способен сказать "нет" — разве что ему открытым текстом предложат зарезать ночного сторожа или ограбить почтальона. Неважно, зачем и почему он оказался около сейфа в момент стрельбы — после этого его можно уже было запугивать и шантажировать чем угодно, а прежде всего, естественно, физической расправой над сыном.

Непонятно только, ради чего затеяна эта кутерьма? И что искали в Кешиной комнате потом? Наверняка что-то гораздо более ценное, чем деньги: за день-

гами полезли бы в "хранилку" самого банка, если б сумели, но уж не в личный сейф президента, который к тому же можно открыть консервным ножом.

Теперь этот таинственный Севка, Всеволод Эмильевич. Вероятность "случайной" встречи на Тишинке ничтожно мала. Скорее всего, кто-то хорошо вычислил Кешу: нужда в деньгах, маленький ребенок, сам — мастер на все руки. Плюс бесхарактерный, чтобы не сказать — мямля. Такие "находки" на дороге не валяются.

Иннокентия придется временно спрятать в спецбольнице МУРа. Там ребята понятливые, толковые, с формальностями проблем не будет, во всяком случае, первые несколько дней. И "подельщики" его не достанут, и Вера будет ни при чем. Петеньку увезли — и ладушки. А его папочка пусть посидит за решеткой из-за собственной глупости.

Когда я, надежно упрятав Кешу в спецпалату-одиночку, вернулся в прокуратуру, Саши не было на месте. Секретарша сказала, что его срочно вызвали в Бутырку: вроде бы кто-то из наших с ним "клиентов" решил дать показания.

Я прошел к себе, сел за стол, достал — пока тонюшенькую! — папку с делом. И тут же обнаружил отсутствие записи показаний раненого, то есть уже покойника. Обычно Саша таких промахов не допускал. Ну, ладно, вахтером занимались другие, они еще могли даже не вернуться с места происшествия. Но Саша-то? Может, отдал Галине перепечатать?

В ответ на мой звонок Галочка тут же возникла в дверях кабинета.

— Галя, Саша не оставлял вам ничего перепечатывать?

— Оставлял какой-то словесный портрет. Уже заканчиваю, Пал Палыч, через десять минут принесу.

— Галя! Солнце мое, сколько там страниц, в этом словесном портрете? Двадцать? Десять? Пятьдесят пять?

Мы оба прекрасно знали, что такие документы занимают одну страницу. Пять минут перепечатки.

Через пятнадцать минут бумага была передо мной. Все чин чинном, описан действительно Кеша. Но так описать его мог бы, например, я, прошедший с ним несколько часов подряд. У покойного были секунды, а он не назвал только цвет глаз. Остальные подробности: худой, темноволосый, с пухлыми губами — все было. Даже одежду успел заметить. Жаль, умер. Феноменальной наблюдательности, видать, был человек.

И человек с такой памятью оставляет записную книжку, предмет первой необходимости делового человека, в конторе? И считает, что его коллега, многоуважаемый Всеволод Эмильевич, находится за пределами Родины? Изумляется этому, идет за записной книжкой, падает с жутким криком, раненный насмерть, и все-таки успевает не только запомнить, кого увидел, но и донести в последнем слове врачу словесный портрет в мельчайших чертах? Или не врачу, а оперативному сотруднику в белом халате? Не знаю, не знаю... Я бы на его месте попросил пить...

Мои мысли прервал телефонный звонок.

— Това... Павел Павлович?

— Да, слушаю вас.

— Доктор Герасимов беспокоит, из Склифосовского. Я тут вашего коллегу подвел, простите великодушно. Если честно, я выходил из палаты, минут двадцать меня не было. А раненый мог очнуться, сказать что-то.

— Вы уверены, что мог очнуться?

— Вообще-то, теоретически не должен бы... Но практически... У нас тут как-то мужик своими ногами пришел, голова у него болела. Так выяснилось, что он

по пьянке на спор себе в голову позволил здоровенный гвоздь заколотить. Первый день думал — с похмелья трещит, второй день анальгин глотал. А на третий пришел сдаваться. Мы ему железо вынули, и он ушел. Так что всякое бывает.

— Значит, если придется подписывать протокол...

— Подпишу, конечно, чего же не подписать. Помогать следствию — обязанность каждого...

Он еще что-то бубнил, но я вежливо закончил разговор.

Решил выпить кофе, но банка была пустой. Пришлось пойти к Саше, у него всегда все есть. Когда открывал стол своего заместителя, зазвонил телефон. Машинально снял трубку, даже не успел сказать обычное: "Шервуд слушает", а оттуда зачастили:

— Сан Саныч, алло! Игнатенко вас беспокоит.

— Это не... Алло, алло! Игнатенко? Всеволод Эмильевич?

— Ну да, Сан Саныч, какой же еще? Значит, так, все сделал, как договорились, никакой самодеятельности. Вахтер не подведет, так что никуда наш дурачок не денется. И щенка его найдем.

— Откуда вы звоните?

Это была чудовищная, непростительная ошибка с моей стороны. Я ведь не знал, на "ты" или на "вы" нужно было обращаться. Не знал — и все испортил. В трубке повисло тяжелое молчание, потом что-то звякнуло, будто стекло ударило о край телефонной трубки, и в ней раздались противные гудки отбоя. Я осторожно положил трубку на стол и пулей вылетел из кабинета. Надо срочно узнать, откуда только что звонили по тому телефону.

Пришлось подождать, пока дежурные проделывали все необходимые манипуляции. Потом один из них перезвонил мне.

— Товарищ майор, установить номер полностью не удалось.

— То есть как не удалось? Из автомата звонить не могли, я сам снимал трубку, знаю.

— Ну, бывает, что вообще нельзя установить. А тут только первые три цифры поймали. Эта АТС вообще кошмар!

— Да говорите наконец, какая АТС!

— Звонили из Видного. Или из Расторгуева.

Или из Домодедова, хотел я продолжить перечень, да что толку! Звонили из ближнего Подмосковья, где город-спутник Видное плавно перетекает в старинное дачное место Расторгуево, а потом до следующего городка Домодедово идут сплошные дачные поселки. Поди найди! Верин дядя, Викентий Эдуардович, как-то пожаловался, что его дача скоро станет "коттеджем в центре Москвы". Черт побери!

Дядя — в Расторгуеве, этот самый Игнатенко — в тех же краях. Не слишком ли много совпадений — сплошные белые роаяли в кустах.

Опять телефон.

— Павлик, слава Богу добрались нормально. Дядя ворчал, но для порядка. Баба Катя его быстро к рукам прибрала, а от Петеньки он в полном восторге... Ой, да тут вообще та-а-кой роман!..

— Вера, помолчи немного. Скажи своим подопечным, чтобы они носа за калитку не высовывали! Поняла?

— Что ты так кричишь, Павел? С третьего раза даже я понимаю. Не злись, я же не...

— Ты же не, ты же не! Ты вляпалась в такое дело, что впору тебя где-нибудь прятать. Не злюсь, а убить готов твоего Кешу! Из-за одного дурака столько людей на уши встало! Что ты молчишь?

— Ты же сказал — помолчи...

— Вера, сейчас не время выяснять отношения. Все очень серьезно. Возвращайся в Москву, поезжай на работу, если нужно. Не нужно — посиди дома. Все, что могла, ты уже сделала, теперь, умоляю, не мешай!

— Когда это я тебе мешала, Пашенька, господь с тобой. Все поняла, еду, позвоню из дома. Или из офиса.

— Сам тебе позвоню, у меня тут запарка. Жду, когда Саша приедет, может, что-то прояснится. Ну, будь умницей.

— Мухтар постарается, — усмехнулась Вера и дала отбой.

Саша вошел, как всегда, бесшумно, чуть стукнув в дверь костяшками пальцев — для проформы.

— Вам еще сверху не звонили, шеф?

— Пока нет. Ты мне лучше вот что скажи, что с Игнатенко? Ты его нашел?

— Найти-то я его нашел, только не его, а телефон и адрес. А по телефону мне какая-то дама, наверное, супруга, объяснила, что Всеволод Эмильевич два дня назад улетел в командировку за границу, и раньше чем через десять дней она его назад не ждет. А что, он вам очень срочно нужен? На него есть что-нибудь?

Обычно такие вопросы в нашей конторе задавать было не принято. И еще: из какой такой заграницы моему милому Саше звонил господин Игнатенко? Всеволод, замечу, Эмильевич. Двойник?..

Я полез в карман за сигаретами.

Глава 9. Вера Муратова

Не могу сказать, чтобы действия Павла вызвали у меня негодование. Конечно, он обязан был задержать Кешу. Да и никаких доказательств фактической невиновности моего "найденыша" не было. Так, общее впечатление, интуиция...

Когда мы подъехали к воротам дачи дяди Викентия, у него там все было нараспашку — отродясь ничего не запирали.

Дядю я нашла на кухне.

— Верочка? Давненько тебя не видел. Случилось что-нибудь? Или просто мимо ехала? Что не позвонила?

— Дядя Вика, отвечаю на вопросы по порядку. Позвонить было некогда. Ехала специально к вам, потому что действительно случилось, но не со мной. Помогите, если можете.

— Постой-постой, дорогая. Денег у меня нет, ты знаешь...

— Дядя Вика, деньги не нужны. Не могли бы пустить к себе на пару недель пожилую женщину с маленьким ребенком?

— Верочка! Я не умею общаться с детьми, да и от женщин отвык. В том числе и пожилых, хотя у нас с тобой разные представления о возрасте. Уволь!

— Дядя Вика, я их привезла с собой. Если они останутся в Москве, их могут убить.

— Что-то не замечал за тобой склонности к фантазиям. Убить? Ребенка? Ты сошла с ума или заразилась подозрительностью от своего Павла.

Набрав побольше воздуха, я изложила дяде ситуацию. Реакция, в общем, как я и ожидала: покрутил пальцем у виска, вздохнул и пошел встречать непрошенных гостей. Золотой старик!

Екатерина Павловна сидела в машине. Распахнула дверцу.

— Прошу, мой дядя рад вас видеть. Я же говорила...

Баба Катя меня не слушала, она смотрела на дядю Викентия так, будто пыталась вспомнить что-то очень важное. И вдруг тихо охнула:

— Книжник.

— Что-что?

— Книжник, Дурдыч...

Я ошарашенно посмотрела на дядю. А он на секунду прикрыл глаза и решительно шагнул вперед:

— Здравствуй, Катюша! Надо же, свиделись, а ты мне тогда говорила: "Прощайте" да "прощайте"... Я-то сказал: "До свидания". И кто был прав? Тесен мир, однако, ох, тесен. Внук твой?

— Дядя... — попыталась я объяснить, но он не захотел слушать.

— Успокойся, Верочка, все в порядке. Когда был в ссылке, заведовал там клубом в поселке. Ну меня и прозвали книжником, читать-то всегда любил. А "Дурдыч" — это так меня тамошний контингент называл. "Эдуардович" с их проносом было мудрено выговорить.

Викентий, Иннокентий... В голове у меня забрезжила смутная догадка. Похоже, во времена оные имел место роман. Голову даю на отсечение — платонический. А может быть, и нет — сколько лет дядя холостяком живет... Ну да нет худа без добра. Теперь он примет непрошенных гостей по высшему разряду. Старая любовь, как известно, не ржавеет.

Поэтому я не стала отнимать время у "сладкой парочки" и объяснять дяде, что к чему. Катюша ему растолкует, времени у них будет вполне достаточно. И потом с лагерной закалкой да вдвоем — не пропадут.

Пошла звонить Паше с докладом и нарвалась на такой крик, что поняла, дело плохо. Оставила дяде на всякий случай немного денег и обещала регулярно звонить, а через пару дней приехать. Хотелось верить, что к этому времени все страхи и волнения будут позади.

Но меня просто кто-то сглазил. Сколько лет за рулем и — тьфу-тьфу! Ни одной мало-мальски серьезной аварии. А у выезда на Каширское шоссе буквально "подрезала" синяя "бэмвэшка". Да так лихо, что моя машина чудом не опрокинулась в кювет, а идущие следом "Жигули" вылетели на встречную полосу. Оттуда же "в обмен" шарахнулся микроавтобус, который угодил прямо хонько в бок "виновнику торжества" — "БМВ". После этого стало удивительно тихо.

Когда вылезла из машины, обнаружила, что практически отделалась легким испугом. "Жигулей" вообще след простыл — не испытывают наши водители желания общаться с гаишниками. У микроавтобуса разбита одна фара и слегка помят радиатор. Водитель же был в полном порядке, если судить о его состоянии по тем фиоритурам, которые он непрерывно выдавал в адрес "фирмачей поганых". А вот из "БМВ" никто выходить не торопился, хотя серьезных повреждений на ней заметно не было. Наконец и там водитель проявил признаки жизни.

Я подошла тогда, когда невысокий упитанный мужчина совал в руки шоферу микроавтобуса пачку денег. Тоненькую пачку, но эффект оказался потрясающим: шофер замолк на полуслове, как выключенное радио, и быстренько ретировался в свой драндулет. Настолько быстро, что я даже номера не успела заметить. Если ГАИ все-таки приедет, порадовать ее мне будет нечем.

— Эй! — окликнула я фирмача. — Меня вы, между прочим, чуть не угроби-ли. Не умеете ездить, не садитесь за руль.

Мужик обернулся ко мне так резко, будто его огрели палкой. Нервный какой! Лет пять назад такого никто к баранке бы близко не подпустил. А сейчас катаются, психи, как хотят. Были бы деньги.

— А ты еще откуда взялась, детка? Стихийное бедствие — баба за рулем.

— Ну вот что, — сказала я тихо. — Насчет бабы за рулем поговорим отдельно, и разговор этот у нас с тобой, охламон с мотором, будет после того, как в милиции официальный протокол составят. Чтобы ты, водило хреновое, сначала научился машину водить, а потом уже на люди вылезал.

Он раскрыл рот и захлопал глазами. Неприветливое, наверное, у меня лицо было. Не светское.

— А если без протокола, милочка? — выдавил он наконец.

— Твои "милочки", голубь поганый, еще на работу не вышли, отсыпаятся после трудов праведных, ночных. Со мною изволь говорить на "вы", хотя бы потому, что я машину водить умею, а ты — нет. И хватит трепаться, поехали в отделение. Тут недалеко, за час управимся... Если машина не краденая, конечно.

— Слушайте, милая барышня, вам поскандалить хочется? Я спешу. Сто долларов устроит?

— Ах ты, морда спекулянтская! — взорвалась я. — Засунь себе свои доллары, знаешь куда? Все, кончилось мое терпение! Или поехали в милицию, или я сейчас ее вызову.

Понятия не имею, как бы я эту самую милицию вызывала, но мужик, похоже, перепугался не на шутку. И с перепугу сделал очень простую вещь: подбежал к моей машине, достал из кармана нож и... проколол колесо. После чего быстренько испарился.

В общем, сама виновата. Пока поменяла колесо, пока доехала до телефона-автомата... Спасибо, Павел на сей раз не орал, а выслушал меня почти спокойно.

— Ты хоть номер запомнила? — вместо слов сочувствия спросил мой бесценный друг после того, как я поведала ему душераздирающую историю о "мафиози с ножом и за рулем". — Честное слово, ты хуже ребенка! Ни свидетелей, ни пострадавших — сплошные эмоции. Ладно, диктуй номер, попробуем попозже разобраться в частном порядке. Только сделай милость, поезжай домой и перестань искать на свою... голову приключения. Я ведь не железный, подруга моя дорогая. Или мне тебя на пару недель в КПЗ посадить? Чтобы не мешала!

Да, похоже, Паша действительно дошел, если делает такие предложения. Посему решила убраться от греха подальше.

Скорее домой! Поспать, поесть, а потом спокойно подумать, что делать дальше.

Пока принимала душ, варила кофе и готовила что-то перекусить на скорую руку, вспомнила, что Паша еще не знает об одной важной детали. Когда была на квартире у Кеши, мне бросилось в глаза, что немногие книги, которые имелись у Иннокентия, валялись на полу с оторванными корешками. Значит, искали чрезвычайно маленькую да к тому же плоскую вещь, которую можно уложить между страницами или засунуть под переплет. Пока не заснула, нужно позвонить и спросить, не пригодится ли Павлу эта деталь. Заодно было бы неплохо поинтересоваться судьбой Кеши.

Павел трубку не брал — то ли вызвали к начальству, то ли поехал куда-то, а меня все сильнее клонило ко сну. Решила, что можно передать сообщение через Сашу Чернова. Как мужчина он мне не особо импонировал — есть в нем что-то скользкое, на мой взгляд. Но работник отменный, никогда ничего не забывает.

Он снял трубку сразу, будто ждал чьего-то звонка. Только не моего — сразу почувствовала. По-видимому, и я его как женщина не вдохновляю.

— Здравствуйте, Саша. Пал Палыч надолго ушел?

— Здравствуйте, Вера Ивановна. Трудно сказать: начальство дернуло. То ли на пять минут, то ли...

— На пять часов, — закончила я. — Пожалуйста, передайте ему: у Иннокентия в комнате все книги были распотрошены. Я об этом забыла сказать.

— У какого Иннокентия? — не понял Саша. — Ах, у Иннокентия! Я все передам, Вера Ивановна, обязательно. Вы уже дома?

— Да, собираюсь поспать. Счастливо, Саша.

Положила трубку и закрыла глаза. В ту же минуту, как мне показалось, раздался телефонный звонок. В комнате уже было темно, значит, несколько часов мне удалось поспать.

— Вера Ивановна, — послышался Сашин голос. — Пал Палыч просил вас поехать со мной туда, где вы были утром. Кажется, есть просвет, но нужно еще чуть-чуть поработать.

— А он сам?

— Приедет попозже. Так договорились?

— Через полчаса, — сказала я. — Около универмага "Добрынинский". До встречи, Саша.

Глава 10. Павел Шервуд

Объяснение происшедшему могло быть такое: Саше звонил однофамилец того Всеволода. Двойник. Иначе все это решительно переставало нравиться и начинало наводить на мысль о том, что связь преступного мира с правоохранительными органами — не фантазия борзописцев. С другой стороны, какой резон моему заместителю, до сих пор абсолютно безупречному, наводить тень на ясный день и скрывать предполагаемого участника преступления? И все же этот неожиданный вопрос: "А у вас есть что-нибудь на него?" Материалы дела Саше известны не хуже меня, да и в прокуратуре не со вчерашнего дня. А вот серьезная вещь его, похоже, не насторожила: преступники вломались не в помещение банка, где по идее должны храниться деньги, а в офис, где солидные банкиры наличных не держат. И еще одна "мелочь": сам банк и его офис находились в разных районах Москвы. С чего бы это?

Схема событий для меня начала постепенно проясняться. Уставный капитал банка был в свое время обозначен в размере ста миллионов рублей, и по сей день, насколько я знаю, его не меняли. На деле там могло оказаться ни копейки или, наоборот, мог быть миллион... долларов. Судя по возне, которая поднялась вокруг этого банка, деньги там были. Хотя... вполне возможно, что в сейфе, который так лихо открыл Кеша, мог лежать компромат на кого-либо. И не обязательно в виде "чемодана с документами" — вполне достаточно микрокассеты. Технический прогресс, так его!

Президент банка находился за границей, в командировке. То есть до сих пор находится и должен вернуться не раньше, чем через три дня. Вице-президент — в морге... Ну и что мы имеем, кроме головной боли? Рассказ Иннокентия? Он мог все сочинить.

В этот момент в мой кабинет ворвался Саша, чем-то страшно довольный.

— Шеф, вахтер "почтового ящика", ну того, где банк офис снимал, он вспомнил, кого видел! Нужно посылать оперативную группу.

— Куда? На место происшествия?

— Нет, на квартиру к подозреваемому. Некто Уваров, Иннокентий Петрович. Я уже получил ордер на обыск. Вы поедете?

— Зачем? Отпечатки пальцев, я думаю, эксперты снимут лучше меня. Саша, скажи мне лучше...

— Да, шеф?

— Нашли машину, которую видели перед офисом?

— Пока нет. Да ведь данных — кот наплакал, сами знаете. Я съезжу?

Я не был уверен в том, что Сашино присутствие там необходимо, но служебное рвение заслуживает поощрения. Пусть его!

Однако судьба, видимо, решила иначе. Зазвонил внутренний телефон: начальство требовало меня "на ковер". Кто-то из нас должен был оставаться на месте.

— Оперативная группа справится без нас с тобой, — отрезал я. — Посиди подежурь, подумай. У меня от этого дела уже голова кругом идет. Ну вот, пожалуйста.

Снова телефон, на этот раз — городской. Я снял трубку, выслушал сбивчивые Верины фразы и рассвирепел окончательно. Только Сашино присутствие меня как-то удерживало от развернутого комментария. Я записал на бумажку номер машины, с водителем которой сцепилась моя дорогая подруга. Еще раз приказал Саше оставаться на месте и поработать головой, а не ногами — и помчался к начальству.

Вернувшись в свой кабинет, решил немного отвлечься и успокоиться. А для этого попробовал выяснить, кому принадлежит машина с номером, продиктованным мне затейницей Верой. Через полчаса держал перед глазами листок, на котором моей рукой были под диктовку записаны фамилия, имя и отчество. И собственным глазам не верил. Получалось, что моя дорогая подруга имела короткую, но содержательную беседу с... Всеволодом Эмильевичем Игнатенко, который, по словам моего заместителя, находился в заграничной поездке. Или, если не быть сверхподозрительным, с человеком, который этой машиной пользовался. В лучшем случае — по доверенности. А в худшем — машина угнана.

Не поленился навести дополнительные справки у коллег из ГАИ. Машина в розыске не числилась, заявления об ее угоне не поступало. Позвонил по домашнему телефону хозяина авто, который числился в картотеке ГАИ: приятный женский голос ответил, что Всеволод Эмильевич находится в командировке, а машина, по всей вероятности, в гараже. Гараж типа "ракушка" моя собеседница, по ее словам, видела в этот момент из окна и уверена, что он цел и невредим.

Чертовщина какая-то получалась. Потратил почти два часа — и практически ничего не добился, кроме твердой уверенности в том, что в очередной раз сцепились пауки в банке, и Веркин "несчастнейший" действительно влип по глупости. Ничего, пусть покантуется в тюремной больнице, вреда не будет. Иначе его добыть при первой удобной возможности, в этих кругах нравы простые...

Хотел еще раз побеседовать с Сашей, но его не было ни в собственном кабинете, ни в моем. Это называется — он остался дежурить на телефоне! Мог, по крайней мере, оставить записку.

Но и ее, черт побери, не было! Вместо нее у меня на столе лежал отчет оперативной группы, в котором подчеркивалось: отпечатки пальцев, найденные на квартире Иннокентия Петровича Уварова, идентичны тем, которые сняты с сейфа. Что, как говорится, и требовалось доказать. Но там, в квартире моего "подопечного", оказывается, были и другие "пальчики". Например, одного нашего старого и доброго знакомого Генки Белова, в просторечии Таракана. По

моим понятиям, он должен был искупать прежние грехи — вооруженный грабеж и плюс два изнасилования — честным трудом в колонии. Таракан же предпочел уйти в бега и числился в розыске. Не исключено — найдем.

Были там и еще отпечатки — неустановленные. Предположительно — это уже не по отчету, а по моим прикидкам — того самого таинственного товарища, то есть господина Игнатенко. И тогда все сходилось: один за рулем, другой гонится за Кешей на своих двоих. Один стреляет, другой ведет машину. Как говорится, все совпадает. Осталось найти Всеволода Эмильевича — и дело можно считать закрытым. Таракан никуда не денется.

Вот так, все нормально. Спрошу-ка, на всякий случай, Веру, как выглядел ее "супостат" на "БМВ".

Но Вера к телефону упорно не подходила. В другой ситуации я бы просто подождал пару часов и перезвонил. Но сейчас что-то не позволяло мне так поступить. Мое "любимое" обостренное чувство опасности. Именно оно заставило меня набрать номер Вериного дяди.

Но и там никто не брал трубку. А вот это мне уже совершенно не нравилось. В подобной ситуации нужно было немедленно ехать туда.

Глава 11. Вера Муратова

Не успела притормозить, а Саша уже открыл дверцу "Волги". Выглядел парень неважно, видно, крепко их с Пашей прижало с этим делом. Даже не поздоровался толком, только сказал:

— Вера Ивановна, времени — минимум. За час обернемся?

— До Расторгуева-то? — удивилась я. — Да за полчаса доеду. Дорога знакомая.

— Дядя ваш, надеюсь, здоров?

— Сегодня утром был вполне здоров. А что, он вам звонил?

— Нет, нужно еще одного человека подхватить. Он нас будет около Онкоцентра ждать. Без него, боюсь, не управимся.

— А что случилось? — неизвестно почему, насторожилась я.

— Вот это вам шеф объяснит. Может быть, он даже раньше нас там окажется. А то брякну что-нибудь, а он потом холку намылит. Сами знаете, было такое. Вон, кстати, мой человек. Тормозните.

"Человечек", правда, был ростом метра два, не меньше, да и в плечах соответственно. Я бы такого не то что в свою машину не посадила — в метро бы не пустила. Но Саше, конечно, виднее — сотрудники у них всякие попадаются.

Детина плюхнулся на заднее сиденье, чтобы отвлечься, стала рассказывать Саше об утреннем происшествии. По-видимому, его это живо заинтересовало: слушал так внимательно, что даже затыгиваться перестал.

— Ну и что, свезли в отделение? — спросил он, когда я сделала небольшую паузу.

— Если бы! Этот бандит испортил колесо и смылся. Хорошо, номер успела запомнить. Пал Палыч обещал разобраться.

— А вы ему об этом рассказали? — отчего-то встревожился Саша.

— Естественно, рассказала. Я же и так задерживалась, а ему теперь везде бандиты мерещатся. Да и мне, откровенно говоря, тоже. Вот, честно, был бы пистолет под рукой, отконвоировала бы в милицию как миленького.

— Ага, и сели бы за незаконное хранение огнестрельного оружия, — остро глянул Саша.

— Ах, Сашенька, был бы пистолет — было бы и разрешение. Я человек законопослушный.

— Вера Ивановна, а ваш дядя не ворчал, что вот, мол, посторонний мужик да маленький ребенок...

— Какой еще мужик? Куда Паша мужика дел, не знаю. Он мне не докладывал. А ребенок — ничего страшного.

Машин на шоссе заметно поубавилось. Лучше всего было то, что никто не пытался нас обогнать — утреннего приключения мне вполне хватило. Где-то впереди маячили красные огни грузовика, да за нами ехала какая-то легковушка. По-моему, от самого Онкоцентра. И на боковую дорогу она за нами свернула, и на дачную улицу. Господи, я полная идиотка! Конечно, это Павел. Он же точно дорогу не знает, а увидел мою "Волгу" и пристроился.

На какое-то время — буквально на пару минут — я вдруг поверила, что все приключения позади, что сейчас мы все уютно сядем в гостиной дяди Викентия, и Павел неторопливо расскажет, как ему удалось вычислить и обезвредить настоящих виновников преступления. Не зря же он отправил меня с Сашей сюда, где так спокойно и в воздухе пахнет дымом от сжогенной листвы — самый мой любимый запах с детства...

Дала несколько гудков, как мы и уславливались. Из калитки выглянул дядя:

— Ты, Верочка? Сейчас открою ворота.

Я заколебалась: стоит ли на несколько часов загонять машину во двор? Хотя, может, у Паши какие-то свои планы. Ладно, разберемся. Ворота закрылись. Дядя уже шел к дому. Вышла, сделала ребятам приглашающий жест рукой и тоже пошла к крыльцу. И... почувствовала, как в спину точно между лопатками уперлось что-то твердое и холодное.

— Что за глупые шутки! — крикнула я. На самом деле — хотела крикнуть. Потому что в следующую минуту рот мне заткнули какой-то отвратительной тряпкой, а потом на голову рухнула крыша дома. Так, во всяком случае, показалось. Первый раз в жизни меня профессионально стукнули по черепу: аккуратно за ухом, чтобы "вырубилась" максимум на пятнадцать минут. Или минимум на десять. Что и произошло.

Когда открыла глаза, то обнаружила, что нахожусь, как и мечтала, в дядиной гостиной в моем любимом тяжелом кресле. Только имел место пикантный нюанс: мои руки были заведены назад и там надежно прикручены к спинке. Изо рта по-прежнему торчала омерзительная на вкус тряпка.

Напротив меня сидел Саша и с интересом наблюдал за тем, как я начинаю осмысливать происшедшее. Когда понял, наверное, что я уже достаточно адекватна, то шевельнул пальцем, и давешний детина вынул тряпку у меня изо рта. Вопрос, который я задала, к сожалению, не был оригинален:

— Что все это значит? Вы с ума сошли?

Саша, по-видимому, отвечать не собирался. Зато из-за моей спины вышел еще один тип. Вот когда стало по-настоящему страшно! На второй стул передо мной сел... тот, кто проткнул ножом колесо "Волги". Мафиози... Это, похоже, уже галлюцинации. И Саша явно не Саша, и, вообще, пора сдаваться психиатрам. Павел был прав — доигралась...

— Друзья встречаются вновь, — ухмыльнулся тип. — Знакомиться не будем, нет времени. Мы уже общались, а остальное — детали. Приступим. Вы рассказываете нам о местонахождении Уварова и его сыночка, после чего расходимся без взаимных претензий. В противном случае придется применять другие аргументы.

— Пытать будете? — с любопытством спросила я.

— Нет, Вера Ивановна. Вас мы пока пытать не собираемся. А вот с дядюшкой вашим поговорим. По-мужски, так сказать.

— Вот ведь идиоты, — все еще беззлобно удивилась я. — Я почти ничего не знаю, а дядя — вообще ничего. Что вы у него выпытаете?

— Не у него, Вера Ивановна, а у вас. Мы будем пытать его, чтобы заговорили вы. Разницу почувствовали?

Паша оказался пророком: я, наконец, влезла в такое дело, которое может стоить головы. Да и не только мне.

Глава 12. Снова Вера Муратова

Когда эти подонки втащили в комнату дядю Вику и начали привязывать к стулу, у старика вид был, прямо скажу, необыкновенный. Он вроде бы как-то помолодел. Можно было подумать, что его все это откровенно забавляет. А у меня внутри все дрожало противной мелкой дрожью, и выплеснуться страху наружу не позволяло только одно — злость. На этих бандитов, на Сашу Чернова, а главное, на себя.

Удивляло еще и отсутствие бабы Кати и Петеньки. Когда, а главное, куда они успели спрятаться? В общем, вопросов накопилось не меньше, чем у "оппонентов". А отвечать придется... кому?

— Прежде чем начать развлекаться, молодые люди, — заявил вдруг дядя Викентий, — хочу предупредить. Меня в свое время допрашивали на Лубянке методами, далекими от гуманности. Ответить, как и сейчас, было нечего. Тогда не знал, в чем должен сознаться, и сейчас не представляю. Тогда промолчал и сейчас, по-видимому, придется делать то же самое...

Детина лениво развернулся и ударил дядю по лицу. Тот дернулся, но, не обращая внимания на разбитую в кровь губу, продолжил:

— Только имейте в виду, что дело было сорок с лишним лет тому назад. Сейчас у меня может примитивно не выдержать сердце, и у вас на руках останется труп с явными следами физического насилия. Вы уже продумали, как избавиться от бранных останков?

Саша передернулся, но смолчал. Тип из "БМВ" был менее сдержанным, что тут же и продемонстрировал:

— Издеваешься, старый хрыч?

— Отнюдь, мой юный друг. Просто интересуюсь. Согласитесь, небезразлично знать, где и как обретешь вечный покой.

— Спалим вместе с хатой — всего и делов, — буркнул детина.

Дядя удовлетворенно кивнул:

— Значит, огненное погребение. Прекрасно. Верочка, тебе не придется тратить на мои похороны, молодые люди все берут на себя.

— Вместе с Верочкой и упокоишься, — снова сорвался бээмвэшник.

— Ох, как резко, как недальновидно! Меня, допустим, никто не хватится. Но Веру-то будут искать. В том числе ее близкий друг. А он, если мне не изменит память, следователь.

— Память тебе не изменяет, — включилась я в разговор, поскольку догадалась, что дядя просто тянет время. Неизвестно, правда, зачем, но почему бы не поддержать игру. — Все как раз продумано. Вот Саша, то есть Александр Александрович, он как раз заместитель Павла. И все ему расскажет, то есть доложит. Так, мол, и так, убили мы Веру с ее дядей, а дачу подожгли, чтобы сле-

ды замести. Или расскажет, что нас кокнули неизвестные бандиты, и пару месяцев сам будет активно их искать. И найдет, не сомневаюсь. Вот, кстати, этих самых двух дурачков найдет и застрелит "при попытке к бегству". — Тут я, естественно, имела в виду моего бэзмвэшного приятеля и верзилу. — Заодно раскроет и дело о налете на офис. На погон — звезду, в приказе — благодарность. Очень разумно.

— Заткнитесь оба, — подал голос Сан Саныч. — Убивать вас никто не собирается. Можно сделать гораздо проще: посадить за пособничество преступнику, то есть за соучастие и сокрытие улик. Вот тогда Пал Пальчу действительно придется беспокоиться, как вас из тюрьмы вытаскивать. Так что давайте похорошему...

— Верочка, — спросил дядя Вика, — ты уверена, что Павел работает в прокуратуре? Почерк его помощника до боли напоминает Лубянку. Там безумно любили договариваться по-хорошему.

— Если выживу, Сан Саныч нигде не будет работать. Или, точнее, будет в зоне, — нагло посулила я, — не пойму только, чего вы все трое от нас хотите? А вас, любезный, надо было еще утром в милицию отвезти. Никаких проблем бы не было.

Саша пропустил все мимо ушей.

— Где Иннокентий Уваров? Это ведь вы, Вера... Ивановна, подобрали его на улице?

— А это вы в него стреляли?

— В него стреляла милиция! А вы помешали ей схватить преступника.

— Похоже, все правильно. В милиции стреляют неважно, промахнулись. А ваш друг из "БМВ" уложил на месте охранника и смертельно ранил еще одного человека...

Сказала наобум, попала, кажется, в десятку. Бэзмвэшник зарычал: "Заткнись!" — и, кажется, выбил мне зуб. Выбил бы и еще парочку, но Саша схватил его за руку. Не из человеколюбия, разумеется, из профессиональных соображений. Но, кажется, я добилась своего: у них разгоралась свара. Старалась не пропустить ни слова, хотя и очень звенело в голове.

— Ты совсем спятил! Еще раз так сделаешь — пристрелю, ты и так в этом деле завяз по самые уши. И на твоих высоких покровителей мне плевать — другие найдутся, — орал Саша.

— А ты не тяни кота за хвост, — орал в ответ бэзмвэшник. — Нам ведь нужен этот придурок и его щенок. А ты рассуждаешь, кто в кого стрелял...

— Не твое дело! Завалил уже все, что мог, да еще как последний идиот вляпался в аварийную ситуацию. Не мог раз в жизни соблюсти правила дорожного движения?

— А ты не мог сразу договориться с врачом о "предсмертных показаниях" пациента? Пришлось ехать подчищать. И платить, между прочим, двойную цену. Думал, что шеф тебя проверять не будет? Фигу! Сейчас никому верить нельзя, даже самому себе.

— Если бы ты мне сказал, что должно лежать в сейфе, задача бы упростилась. Не могу же я искать неизвестно что.

— Тебе деньги платят не за то, чтобы ты искал, а за то, чтобы не нашел. То есть нашел того, кого нужно. Остальное — мои проблемы.

— Ах так! Тогда решай свои проблемы сам.

— Ты тоже в этом деле уже по уши, даже выше. Лучше выйти из него с деньгами. Пусть в дерьме, но богатым. Подумай, Сан Саныч.

Сан Саныч подумал. И снова обратился ко мне:

— Мы отвлеклись. Где вы прячете Уварова?

— Нигде не прячу. — Не нужно было даже изображать искренность, я действительно не знала, куда его дел Павел.

— А его сына?

— Какого сына?

— Сына Иннокентия Уварова!

— А что, он тоже у вас что-нибудь украл? Или вы и в него неудачно стреляли?

— Сан Саныч, да эта девка морочит тебе голову, — взревел тип. — Дай-ка Гена ее поспрашивает, он умеет. У него самые крутые мужики начинают чирикать, как нанятые, а уж баба...

— Только без переломов и выбитых зубов, — согласился Чернов. — Для погибшей на пожаре это неестественно. А старика пока оставьте. Пусть посмотрит, ему приятно будет молодость вспомнить.

— Забыл сказать, — вдруг подал голос дядя Вика. — Секундочку, молодые люди. Вам это может оказаться полезным.

— Ну вот, — обрадовался Саша, — совсем другое дело!

— Верочка, имей в виду, когда допрашивают, нужно признаваться. Не молчи, сознайся. Что бы ты ни сказала, им нужно будет проверить...

Поняла не только я, поняли и еще двое. Саша стремительно бросился к дяде и ударил его в висок. А второй выругался и махнул подручному: мол, начинай...

— Стойте! — заорала я. — Сволочи, что же вы делаете? Если вы его убьете — ничего не скажу, хоть за... стрелитесь.

— Да жив он, просто отключился. Будешь говорить? Или...

— Черт с вами, буду. Вы забыли про то, что у Уварова была соседка. А у нее, между прочим, двоюродная сестра под Рязанью живет. Вот там и ищите, точно-го адреса не знаю. Она с мальчишкой туда уехала...

— А ты, выходит, соскучилась по дядюшке и покатила к нему? За дураков нас считаешь?

— Почему же считаю? Говорю чистую правду: понятия не имею, где сейчас Уваров. Не знаю. Когда утром поехала к дяде, он оставался в моей квартире.

— Ну что ж... возможно. Где ключи от квартиры?

— В кармане плаща, где же еще? Сумочек не ношу, вам, Сан Саныч, это прекрасно известно.

— Гена, найди ключи и поезжай к ней. Найдешь клиента — волоки сюда. А мы тут поищем как следует. Если эта стерва наврала, ей же хуже. С Рязанью завтра разберусь, запрошу адресный стол. Похоже на правду, но — неправда. Искать надо ближе.

Гена обиженно засопел:

— А обещали дать с ней побаловаться... Это когда же все успеть? Гена — туда, Гена — сюда, а сами прохлаждаться...

Саша в бешенстве повернулся к типу с "БМВ":

— У тебя что, другого напарника не нашлось? У него же одно на уме! Может, он с тобой быстренько побалуется и перестанет маяться дурью?

— Надо же было что-то обещать... — буркнул Игнатенко.

— Деньги! Деньги надо обещать! И платить! Это в какой-нибудь конторе можно совмещать приятное с полезным. Гена! Получишь деньги — будешь баловаться, с кем хочешь. А сейчас поезжай быстрее.

— Лучше вы поезжайте, — уперся Гена. — Севка обещет дом, а я...

Ага, моментально отметила я. Гена — это я, кажется, уже слышала, а Сева... Сева... черт, что-то знакомое...

Переговоры явно заходили в тупик. Краем глаза заметила, что дядя вроде бы пришел в себя, хотя голова у него была по-прежнему запрокинута, а тело — обмякшим. Но что-то неуловимое... В общем, морально стало легче. К тому же обнаружила, что связанные руки упираются во что-то твердое и острое. Благослови Бог старинную мебель и ее мастеров! Никогда не понимала дядиного пристрастия к этим тяжеленным креслам с завитушками и шишечками. Хороша бы я была, если бы вместо дубового монстра меня привязали к современному креслу из хрома и пластика!

Стараясь не привлекать к себе лишнего внимания, начала тереть веревку о перекладину кресла. Пока шли препирательства, на меня не обращали внимания, но, похоже, только в детективных фильмах можно таким образом освободиться от пут. В жизни — практически невозможно. Веревки держались намертво. Да и что толку, если перетрутся? Руки онемели так, что как минимум час пальцем шевельнуть будет невозможно.

А время работало против меня. Саша потерял терпение и заорал на Гену:

— Или ты, мразь уголовная, делаешь что велят, или пристрелю тебя сейчас к чертям собачьим! Выбериай! Живой — при бабках или дохлый — на свалке. Считаю до трех, потом стреляю. Ну!

Блефовал Сан Саныч. Уж кто-кто, а он патологически боится покойников и пистолет свой носит в основном для самоуважения. Да и стреляет... как я готовлю: удивляется, если попадает в мишень. Так Павел с сожалением рассказывал. Но Гена-то этого не знал. Поэтому покорно отправился в дальний угол, где на полу валялся мой плащ. Белый. В голову пришла идиотская мысль: интересно, за чей счет будет химчистка? Сейчас — довольно дорогое удовольствие.

В эту самую минуту заметила, что дядя окончательно пришел в себя. Сидели мы с ним на расстоянии пары метров друг от друга, он — лицом к двери, я — спиной. И провалиться мне на этом самом месте, Книжник видел что-то такое, чего я видеть не могла.

Гена нехотя подошел к своим "начальникам", держа на ладони связку ключей. Моих, между прочим. И не только от квартиры, но и от моего собственного офиса. Если он не полный идиот, сможет обчистить и то, и другое и смыться от подельщиков с вполне приличным кушем.

Троица повернулась ко мне, полностью загородив дядю. Саша протянул ключи: хотел, наверное, чтобы я объяснила, какой от чего. Но не успел. Послышался громкий крик дяди: "Падай с креслом!" — и, вспомнив кое-какой каскадерский опыт, я сильно накренила дубовую махину и рухнула вместе с ней. Грохот от падения кресел слился с выстрелом. Невезучий Гена свалился, как сосна на лесоповале. А Саша и бээмвзшник резко повернулись к двери на звук выстрела. Сева достал пистолет первым, но на курок нажал уже мертвец, и пуля ушла в потолок.

А краса и гордость отечественного правосудия, Александр Александрович Чернов, к окну. Успел вскочить на подоконник, но третья пуля достала и его — на правом плече появилось красное пятно, и Саша пробил собой окно...

Дальше уже началось опять что-то вроде галлюцинации. Из коридора в комнату с моим пистолетом в руке вошла баба Катя. Положила пушку на стол, небрежно, как скалку или консервный нож, и присела перед дядей. А в разбитом окне возник... Павел Павлович собственной персоной и тоже с пистолетом

в руке. Своим, что характерно. Наверное, я прилично стукнулась об пол при падении, если мне такое привиделось.

— Пошли вы все к черту! — только и смогла произнести я и отключилась.

Глава 13. Павел Шервуд

Первый и, надеюсь, последний раз в жизни гнал машину так, как это любит Вера. На спидометр даже не смотрел, чтобы зря не расстраиваться и не отвлекаться.

Ворота дачи Вериного дяди были закрыты, калитка — тоже. Все по моим инструкциям, но... Но перед воротами отчетливо виднелись свеженькие следы шин. Здесь было как минимум две машины, причем одна — моей подруги.

В доме было освещено только одно окно. Зато за воротами стояли две машины. Верина "Волга", естественно, и... Не поверил глазам: "БМВ"! Синяя. Чиркнул спичкой и увидел номер, который и до этого знал наизусть, "Я 77-77 ММ". Значит, Игнатенко (или тот, кто ездит на его машине) здесь. И Вера... Дело становилось хуже с каждой минутой. В доме — старик, старуха, маленький ребенок...

Именно поэтому предпочел не идти на крыльцо, а попробовать поискать черный ход или не слишком плотно закрытое окно. В крайнем случае — через чердак. Я пошел вдоль дома, к освещенному окну. И все-таки не успел!

В доме раздался громкий, невнятный крик — мужской! — и сразу же грохот. Как будто упало что-то тяжелое. Вслед за этим раздались выстрелы: один, второй, третий... Я бегом кинулся к окну, и тут же раздался еще один выстрел, и под звон разбитых стекол и треск оконных рам к моим ногам рухнул... Саша Чернов! Ах, сволочи!

Одним прыжком оказался на подоконнике. И не сразу понял, что, собственно говоря, произошло. На полу в неестественных позах двое мужчин. Рядом с ними — привязанная к опрокинутому креслу Вера. Лицо в крови, но глаза открыты — в сознании, значит. А неподалеку — Екатерина Павловна. Наклонилась над вторым опрокинутым креслом и что-то делает. А, отвязывает от него Викентия Эдуардовича. Картину завершает пистолет, лежащий на краю обеденного стола.

Екатерина Павловна обернулась на шум, с которым я ввалился в комнату, и, кажется, не слишком удивилась. Только кивнула:

— Пал Палыч, помогите Веру отвязать. Я тут сама справлюсь.

Если можно сказать "легко отделалась", то с Верой именно так и было. Разбитый рот, синяк под глазом и затекшие, опухшие руки. Слава богу, жива! Когда я перенес ее на диван, она что-то пробормотала, значит, все в порядке. Повернулся к лежащим на полу мужикам. Одного, кажется, опознал, хотя вошедшая в затылок пуля на выходе не пощадила лица. Тем не менее это был тот самый Таракан — Гена Белов. Допрыгался.

Второй был мне не известен. У этого лицо практически не пострадало. Если, конечно, не считать дырки точно посередине переносицы. Стрелял, похоже, снайпер. Совершенно очевидно, что не Саша... Господи, я же оставил его на улице раненым!

— Кто из них ранил Сашу? — спросил я, направляясь к двери.

— Никто. Я стреляла три раза.

— Вы в своем уме? Стрелять в моего помощника...

Баба Катя двинулась к двери, сделав мне приглашающий жест. Мы с ней вдвоем подошли к Саше. Он был без сознания, но жив.

— Давай-ка тащи его в дом, — скомандовала старуха. — Разговор интересный будет. Твой заместитель, говоришь? Большого дерьма не нашел?

Мы перенесли Сашу в дом. Когда баба Катя закончила его перевязывать, он открыл глаза и уставился на меня так, будто увидел привидение. Потом снова потерял сознание.

Тут Вера зашевелилась, попыталась сесть, увидела меня...

— Ох, Паша, слава Богу, ты здесь! Саша-то твой отличился. Никогда бы не подумала, ты ведь в людях разбираешься...

— Вера, что произошло? Извини, но старики меня с ума сведут... Зачем ты вообще сюда приехала?

— По твоему указанию, Пашенька...

— ???

Пока Вера рассказывала, вернулась баба Катя с Петенькой на руках. Малыш, похоже, перенес приключения лучше, чем взрослые, даже не выглядел испуганным. В руках он по-прежнему держал своего смешного маленького Чебурашку. И вдруг я все понял!

Ох, как заверещал Петенька, когда я забрал у него игрушку! Если бы он проделал это полчаса назад, никакого пистолета бы не понадобилось, всех бы контузило звуковой волной. Баба Катя мгновенно побагровела и, похоже, готова была пристрелить за компанию и меня, чтобы не обижал ребенка. Но вмешался Викентий Эдуардович:

— А ну, тихо! Катя, успокойте ребенка! Павел, похоже, вы догадались, за чем охотились эти...

На животе у Чебурашки оказался аккуратный шов. Викентий Эдуардович подал мне старый, остро отточенный нож. Нитки подались, и под горький Петенькин плач я извлек из роковой для многих людей игрушки небольшую черную кассету с микропленкой. Мы тупо уставились на нее.

— Что это? — спросила баба Катя.

Ответил ей... Саша.

— Для вас, бабушка, штука совершенно бесполезная. Да и для остальных, если не считать покойников, тоже. Скорее — опасная. На вашем месте, шеф, я немедленно бы это уничтожил. Даже я точно не знаю, на кого тут компромат. Но за эту пленочку "банкиров" должны были отпустить из страны с деньгами, и немалыми. За нее никого не посадят — ни стариков, ни детей, ни женщин...

— Тьфу на вас всех! — сказала баба Катя и унесла все еще безутешного Петеньку в соседнюю комнату.

— Саша, что все это значит? — безнадежно спросил я.

— Только то, шеф, что на одну зарплату живут идиоты. Вроде вас. Да и надоело для других каштаны из огня таскать. При моих-то возможностях!

— Как же ты мог?

— Только без патетики! Вы нарушили служебный долг, спасая свою подружку, я — по другим причинам. Оба хороши. Если бы не она, кстати, вы бы ничего не заподозрили. А Кеша все равно был обречен, у него ни единого шанса уцелеть не оставалось. И надо же...

Викентий Эдуардович с заметным усилием поднялся и подошел к Саше. Стало очень тихо.

— Молодой человек, вы же обречены и знаете это. Правила таких игр не меняются...

Старик взял Сашин пистолет и попытался вложить ему в руку. Тот отдернул-ся и истерически завопил, что у него "все схвачено", что нас всех посадят. Но ес-

ли мы поможем ему, то и он... Викентий Эдуардович пожал плечами, снова взял пистолет и... нажал на курок... А потом сунул этот пистолет в руку Гены. И все это так, как будто всю жизнь только этим и занимался: инсценировал убийства. А увидев, что я собираюсь заговорить, заметил с той же мягкостью, что и до этого:

— Весь опыт моей жизни, уважаемый Павел, не позволяет мне входить в соглашения с предателями и палачами. С ними нельзя заключать сделок, их надо убивать. Можете сказать правду: я лагеря не боюсь, мне совершенно безразлично, где доживать. А можете... сделать из предателя героя и реабилитировать вашего зама посмертно. Но кассету лично я уничтожил бы. Не глядя. — Он подождал немного. Я молчал. Тогда Викентий Эдуардович вложил в руку Саши Верин пистолет. — Ты себе еще достанешь, деточка, — утешил он племянницу.

А я тяжело вздохнул и пошел к телефону. Вызывать милицию. Местную.

Глава 14. Документальная

Документ первый

РАПОРТ

Генеральному прокурору г. Москвы
от старшего следователя майора Шервуда П. П.
Докладываю о нижеследующем.

24 сентября 199... года мною было получено к расследованию дело о вооруженном налете на офис банка "Кастор" в Юрловском проезде, д. 1, в результате которого был убит охранник и тяжело ранен вице-президент банка (впоследствии скончался в больнице, не приходя в сознание).

Следственной бригадой при активном и непосредственном участии капитана Чернова А. А., моего заместителя, было установлено, что преступников было двое и передвигались они на автомобиле марки "БМВ", синего цвета, номерной знак "Я 77-77 ММ". Основной целью преступления было похищение микропленки с компрометирующими целый ряд высокопоставленных лиц материалами, которые хранились в личном сейфе президента банка "Кастор" Яблонского М. Ю., находившегося в то время за границей. Чисто случайное (забытая на рабочем столе записная книжка) появление в момент похищения пленки вице-президента банка "Кастор" Водолажского А. А. стоило ему жизни. И он, и охранник офиса были застрелены сообщником второго вице-президента банка "Кастор" Игнатенко В. Э. — Беловым Г. П., рецидивистом-уголовником, находящимся в розыске за ранее совершенные преступления. Капитану Чернову А. А. удалось напасть на след преступников и установить за ними слежку.

Президент "Кастора" срочно уехал за границу за три дня до трагических событий, а вице-президент должен был присоединиться к нему после подготовленного уже перевода денег со счетов банка в один из зарубежных банков (к сожалению, неизвестно, какой именно). Однако попытка бывшего второго вице-президента банка "Кастор" Игнатенко В. Э. завладеть компроматом в своих личных целях (шантажировать не только своего начальника и коллегу, но и некоторых известных в России политических деятелей) сорвала намечавшуюся операцию самоликвидации банка.

Игнатенко В. Э., по-видимому, был абсолютно уверен в успехе, так как за две недели до совершения преступления открыл личный счет в одном из швей-

царских банков, а сам, чтобы ввести в заблуждение коллег, имитировал отъезд в зарубежную командировку. Ошибкой с его стороны было привлечение к делу Белова Г. П. — уголовного-убийцы.

Благодаря оперативным и мужественным действиям капитана Чернова А. А. преступников удалось выследить и обезвредить в поселке Расторгуево Московской области, где у Игнатенко В. Э. была дача, и поэтому он мог знать одиноких и престарелых жильцов поселка, чей дом легко было использовать для отсидки. Капитану Чернову А. А. удалось разыскать и микропленку, спрятанную руководством банка внутри мягкой игрушки "Чебурашка". Игрушка находилась на сейфе. К сожалению, открытие этой тайны стоило Чернову А. А. жизни.

Я попал на дачу к гражданину Муратову В. Э., руководствуясь запиской, оставленной мне Черновым А. А. в мое отсутствие. К сожалению, приехал слишком поздно. Через десять минут после моего приезда я лично вызвал оперативную группу местного отделения милиции для составления протокола и осмотра экспертами места происшествия.

Материалы дела о вооруженном нападении на офис банка, а также документы проверки деятельности банка "Кастор" прилагаю. Вещественное доказательство — микропленку (10 кадров) — прилагаю.

29 сентября 199... г.

г. Москва

Документ второй

Совершенно секретно

Прокурору г. Москвы

РАПОРТ-ТЕЛЕФОНОГРАММА

Посольство России в Швейцарии

На Ваш запрос о местонахождении гражданина Яблонского М. Ю., президента частного банка "Кастор", сообщаем, что вчера, 30 сентября 199... г., вышеуказанный гражданин погиб в автомобильной аварии при столкновении его машины с тяжелым грузовым контейнером на автостраде Женева — Цюрих.

ИЗ ГАЗЕТЫ "КУРАНТЫ", 6 октября 199... года

"Вчера при выходе из здания Московской городской прокуратуры был тяжело ранен следователь по особо важным делам подполковник Шервуд П. П. Он был обстрелян из проезжавшего мимо автомобиля. Машина (числящаяся в угоне) и оружие, из которого были произведены выстрелы, найдены в нескольких кварталах от места происшествия. Преступники скрылись. Ведется следствие".

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Пал Палыч выжил, хотя и долго болел. Причины покушения на него он в принципе знает. Дело в том, что к материалам следствия он приобщил отнюдь не всю пленку, а лишь ее часть. По-видимому, о существовании компромата знали не только руководители банка "Кастор", разумеется, ликвидированного, но кое-кто еще. Спасло Пал Палыча от нового покушения только то, что в "верхних эшелонах власти" многое изменилось, и в стремительном развитии дел в этих самых "эшелонах" о слишком осведомленном следователе просто забыли. Хотя, не исключено, вспомнят. А пока подполковник Шервуд продолжает бороться с организованной преступностью, хотя порой и подумывает о переходе в какое-нибудь частное сыскное агентство. В его личной жизни никаких перемен не произошло.

Иннокентия Уварова, разумеется, освободили из спецбольницы на следующий день после перестрелки на даче. Никаких улик против него, кроме "словесного портрета", якобы данного умирающим, не оказалось, да и сам этот документ из следственного дела исчез. Никто его особенно и не искал, а сослуживцы Иннокентия долго переживали рассказ о том, как не слишком поздно вечером, возвращаясь с работы, можно угодить под шальную пулю в бандитских разборках. К тому же с февраля месяца Иннокентий работает инженером по компьютерам в одной иностранной фирме, и его новые сослуживцы вообще ничего не знают о недавних приключениях "Джека". Имя "Иннокентий" коллеги-американцы выговорить не в состоянии.

Петенька почти круглый год живет на даче с бабой Катей и дедом Викой. В марте месяце старики тихо и без особой помпы зарегистрировали свой брак, чем очень порадовали Веру и безмерно изумили соседей по поселку. Но, как известно, "любви все возрасты покорны". К тому же Викентий Эдуардович стал прихварывать и первый раз в жизни испытал необходимость в помощи и уходе.

Катерина Павловна же помолодела лет на двадцать и успевает абсолютно все: и еду приготовить, и постирать, и дом убрать, и огород к весенне-полевым работам подготовить. У нее уже есть куры, коза Машка и собака Рекс — беспородная, но умная. А главное, Петенька находится с нею постоянно, лишь на выходные дни папа Кеша или приезжает в Расторгуево на пару дней, или забирает сына в Москву — покатать на качелях-каруселях в парке Горького. Но вообще Кеша по горло занят: после работы своими руками делает ремонт в наконец-то приватизированной квартире. К вечеру за ним туда частенько заезжает Вера и либо помогает убрать мусор, либо забирает Кешу к себе, чтобы не дышал лаками и красками. Да и просто отдохнуть, вкусно поесть. Но свадьба, о которой мечтают и баба Катя, и Викентий Эдуардович, пока не планируется. Почему — никто вразумительно ответить не может. В том числе и сама Вера.

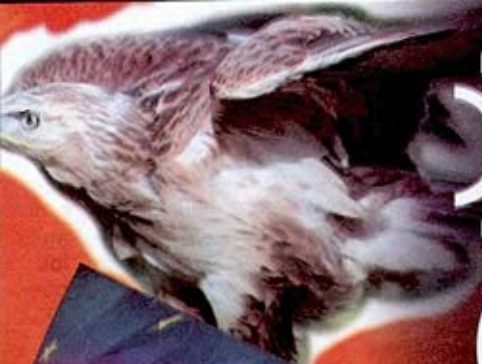
— Видите ли, — несколько даже смущенно сказала она, когда я пристала уже, что называется, "с ножом к горлу". — Кеша вовсе не такой уж беспомощный, каким он мне показался вначале. Тогда, конечно, он был абсолютно одинок, заброшен — ну и все такое прочее. А после того, как я его устроила на нормальную работу с нормальной зарплатой, многое изменилось. У него появились новые знакомые, его зовут в гости... А я далеко не всегда могу пойти с ним: у меня своя работа, своя компания. Кеше она, кстати, не нравится: как-то не сошелся он с моими друзьями. А главное, Ларочка его объявилась. Пока, правда, только пишет или звонит — пробует почву. Но он-то ее всегда любил... А соперничать с кем-то — не мой стиль.

— А Пал Палыч больше вам предложения не делал? — обнаглела вконец я. — Ведь такие любовь и верность только в романах бывают.

Вера посмотрела мне прямо в глаза и предельно искренним тоном сказала:

— Всегда относилась к Паше только как к другу. Вот если совсем свихнусь и решу на старости лет завести своего ребенка, то отца для него лучше Паши, конечно, не найду. Да и искать не буду. Только для него главное — работа. А у меня в конце концов пока есть Петенька. Да и лишена я материнского инстинкта, ну что тут подделаешь?

Сказано было так убедительно, что не поверить просто невозможно. Странно только, что, когда я потом дала Пал Палычу прослушать эту часть записи на диктофоне, у него заметно улучшилось настроение. Почему — не знаю. А допрашивать следователя по особо важным делам... увольте! Боязно все-таки. ■

МОЛТОНИ

бульвар

141-187 стр.

Проект
осуществляется
при поддержке
Министерства
Российской
Федерации
по делам печати,
телерадиовещания
и средств
массовых
коммуникаций

Часть первая. Лирическая

Суббота. Раннее утро. Выхожу из вестибюля станции метро "Бульвар Дмитрия Донского". Оглядываюсь по сторонам в надежде увидеть что-то, чего раньше не видел. Но нет, взгляду абсолютно не за что зацепиться, типичный новый спальный район, всё кругом голое, молодые, неокрепшие ещё деревья безвольно поддаются налетающим порывам ветра, который раскачивает их в разные стороны. Нда, это не Рио-де-Жанейро — это гораздо хуже. Что может меня ожидать здесь? Ведь если верить словам людей бывалых, то до соколиного питомника отсюда рукой подать, буквально минут 20 быстрым шагом.

Впечатления кардинально меняются, стоит лишь выйти за пределы каменных джунглей. Чем дальше идешь, тем тише становится шум дороги. Ещё через пять минут вхожу в небольшой, но очень живописный сосновый лесок, уютно расположившийся на холме, под которым бежит, переполненная тальми водами, речка Битца. И уже слушаю пение птиц, смотрю на струящуюся воду, ярко блестящую под солнечными лучами и с интересом жду, что же откроется дальше?

Лес кончился, дорожка пробежала мимо будки сторожа с очень злобной собакой и устремилась куда-то ещё выше. Поднимаюсь, отсюда видно почти всё Бутово, но

города не слышно, воспринимаешь его исключительно как декорацию.

За деревьями оказался забор, за которым, на некотором отдалении, видны соколы, расположенные на присадах (это такие деревянные столбики, на которых привязанные птички сидят, если грубо — насест). Значит, попал туда, и адресом не ошибся.

Орлята

Часть вторая. Знакомство

Постучал в забор, откликнулся злобным лаем только сторожевой ротвейлер, недобрая морда которого виднелась через прутья. Пришлось покричать, через некоторое время за забором послышалось движение, и вышла Надежда Николаевна Михайлова. Ошибиться

я не мог, ибо она единственный представитель прекрасной половины человечества в коллективе этого центра.

Идём мимо различных строений, где, судя по крикам, живут птицы, причём (учитывая гомон, вызванный нашим появлением) в очень большом количестве. В рубленой избе нас встречает орнитолог Александр Ивано-

учатся

летать

Максим БАШКЕЕВ

вич, веселый и словоохотливый мужчина лет сорока. Мы пришли немного раньше условленного времени. Пришлось подождать, что меня никоим образом не расстроило, ибо я стал свидетелем операции искусственного осеменения самочки сокола. Элемент "порнографии" сопровождался разъяснениями Александра Ивановича: "Это делается в рамках

программы восстановления численности соколов в нашей стране. В США такая программа уже закончена, а у нас, по сути, она только начинается". Операция хоть и нехитрая, но требует точности, и разговор на некоторое время затихает.

Когда всё сделано и "осчастливленная" птица, громко крича, покидает комнату, разговор продолжается.

— А какой это был сокол?

— Один из самых редких соколов в мире — шахин — в России, насколько я знаю, это единственная птица. А что вы хотите, человек в ближайшее время напорется на то, что противопоставит себя всему остальному природному миру. Как и 1000 лет назад человек продолжает зависеть от природы. Только теперь будет кончатся воздух, вода и природные ископаемые, будут вымирать

дикие животные, и что тогда? А тогда любая молниеносная эпидемия не оставит от человечества и следа, да и войны за воду могут скоро начаться. Да что выдумывать, вот продадут все леса, вот будет весело!

Однако после такого монолога весело не стало, наоборот, стало очень грустно от подобных безрадостных перспектив, и хотя все эти проблемы я знал и до того, но они были далеко, где-то там, и явно не у нас. Услышав же всё это непосредственно от человека близкого к природе и непосредственно занимающегося животными, стало как-то не по себе.

Часть третья. Знакомство с местностью

Питомник расположен на одном из крутых речных берегов, покрытых лесом. В долине течёт, разлившись на несколько рукавов, река. Немного правее виднеется небольшое озеро, добрую половину которого занимает частый коряжник.

К моему искреннему удивлению выясняется, что здесь чрезвычайно много лис, и они частенько разоряют гнёзда крякв. Если раньше насчитывалось несколько десятков выводков утят, то сейчас всего 2-3. А ближайшая нора находится всего в трехстах метрах от питомника, и у её хозяйки в прошлом году было 5 лисят.

Внизу, в довольно обширной вольере живут два рыбных филина — птицы интересные и довольно редкие. Информации об этих пернатых очень мало, достоверно известно лишь, что в 1995 году японцам удалось получить в неволе одного птенца. Здесь же вольера построена с использованием природных биотопов, вокруг огромного естественного дупла специально сделана проточка, так что получилось, что филины живут на острове и сами могут ловить рыбу. Директор Хинганского заповедника, который видел, как рыбные филины живут в природе, сказал, что они занимают для гнездования именно такие места, и поэтому подмосковные орнитологи надеются в скором будущем получить от этой пары потомство.

Чуть дальше, в заболоченном ольшанике, живёт серый журавль. Для него также со-

зданы условия обитания, максимально приближенные к природным. Известно, например, что серый журавль гнездится именно в таких местах в Окском государственном заповеднике.

Ещё дальше, около озера, колония цапель и чёрных коршунов. Они и в природе живут рядом, потому как коршун сам гнёзд не строит, а занимает чужие.

Вообще здесь на охраняемой территории очень богатое видовое разнообразие. Причём ничего особенного для этого не делается, просто тут толпами не ходят люди и животных не тревожат. Достаточно лишь создавать такие резервации и заповедники, и природа возьмёт своё. В реке и озере много рыбы, есть даже щука. Откуда её здесь столько — не понятно, так как площадь водоёма всего 1 гектар, причём он довольно мелкий. Водится тут и крупная плотва, до 800 грамм. Здесь живут болотные черепахи, ужи, на удивление много виноградной улитки. На озере располагается большая зимовка кряквы, по берегам живут норка и ондатра, на речке неоднократно были замечены бобровые плотины. В прибрежных кустарниках обитают все виды славки, кроме ястребиной. И всё это в километре от Москвы! Никуда не убегает, не прячется, не боится человека (точнее, не видит в нём врага) и размножается...

Часть четвертая. Гнездовая

Почему за последние 100 лет в Москве и области исчезло столько видов птиц? Элементарно, от отсутствия мест гнездования. И поэтому создание искусственных гнёзд — самый эффективный путь к сохранению и увеличению популяций птиц. Птица не живёт в городе не потому что она его боится, а потому что ей там негде поселиться. Поэтому нужны не только скворечники и синичники, но и

крупные гнёзда. Существуют даже методические указания по изготовлению гнёзд. Для каждого вида строго свои размеры. Если сделать леток (отверстие) диаметром 5 см, то будет гнездиться скворец и воробей, если 3 — то большая синица. Так в Швейцарии с помощью одних только искусственных гнёзд восстановили популяцию клинтуха — дикого голубя, селящегося в дуплах деревьев (вокруг Москвы почти перелеся). Парковое хозяйство подразумевает вырубку дуплистых деревьев, но ведь в этом дупле кто-то мог жить, та же сова. Поэтому взамен утраченных надо выставлять крупные искусственные гнёзда, которые к тому же можно и от хищников защитить.

Во всей Европе за этим тщательно следят. И никого не удивляет, что в Кёльне живут вяхирь, чёрный дрозд, в Лондоне — канадские казарки. И никто не бежит за палкой или за ружьём, чтобы на них поохотить-

ся. У нас же об охране природы любят больше говорить, чем что-то делать.

Часть пятая.

Образовательная

Изменением менталитета людей надо заниматься серьёзно, причём браться за это ещё в детском возрасте. Чтобы не выросли такие индивиды, которые специально сюда приходят по птицам из пистолетов пострелять.

— У нас тут неподалёку цапли живут, зимуют, — рассказывает Александр Иванович. — Так вот идёт ребёнок с папой (насмотрелся “прогулок с динозаврами”), “Папа, папа, это птеродактиль?”, папа отвечает, это аист. То есть ни тот, ни другой ни разу в своей жизни цаплю не видели. Вот на таком уровне происходит общение городского жителя с природой. И ребёнку надо сразу объяснить, что природа так устроена, что одни существа травоядные, а другие хищники. Что если коршун ловит зайца, то не потому, что он такой плохой, а просто потому, что ими питается. Это нужно для того, чтобы у ребёнка не выработалось предвзятого отношения к хищникам, а то ведь вырастет, будет с ружьём по лесу ходить, палить почём зря.

В связи с этим в питомнике планируют сделать экологическую тропу, собираются работать со школьниками. Хотят сами ездить по школам, рассказывать, и что самое интересное, показывать птиц. Со временем собираются открыть в питомнике продажу сувениров. Кому не будет приятно получить орлиное перо в красивом футляре?

Хотя сами смотрят на это с определённым скепсисом, сильно сомневаясь в эффективности какой бы то ни было работы с молодёжью. Однако орнитологи не теряют надежды найти среди местных мальчишек и девчонок именно тех, кому птицы будут действительно интересны.

Часть шестая.

Продолжение знакомства с местностью

От обрыва переходим с Александром Ивановичем в другую часть питомника. Про-

ходим клетку с борзыми, оставляем позади клетку с беснующимися воронами.

И вдруг я вижу... волка. Настоящего серого волка, слава Богу, не на воле. Для него построена отдельная вольера.

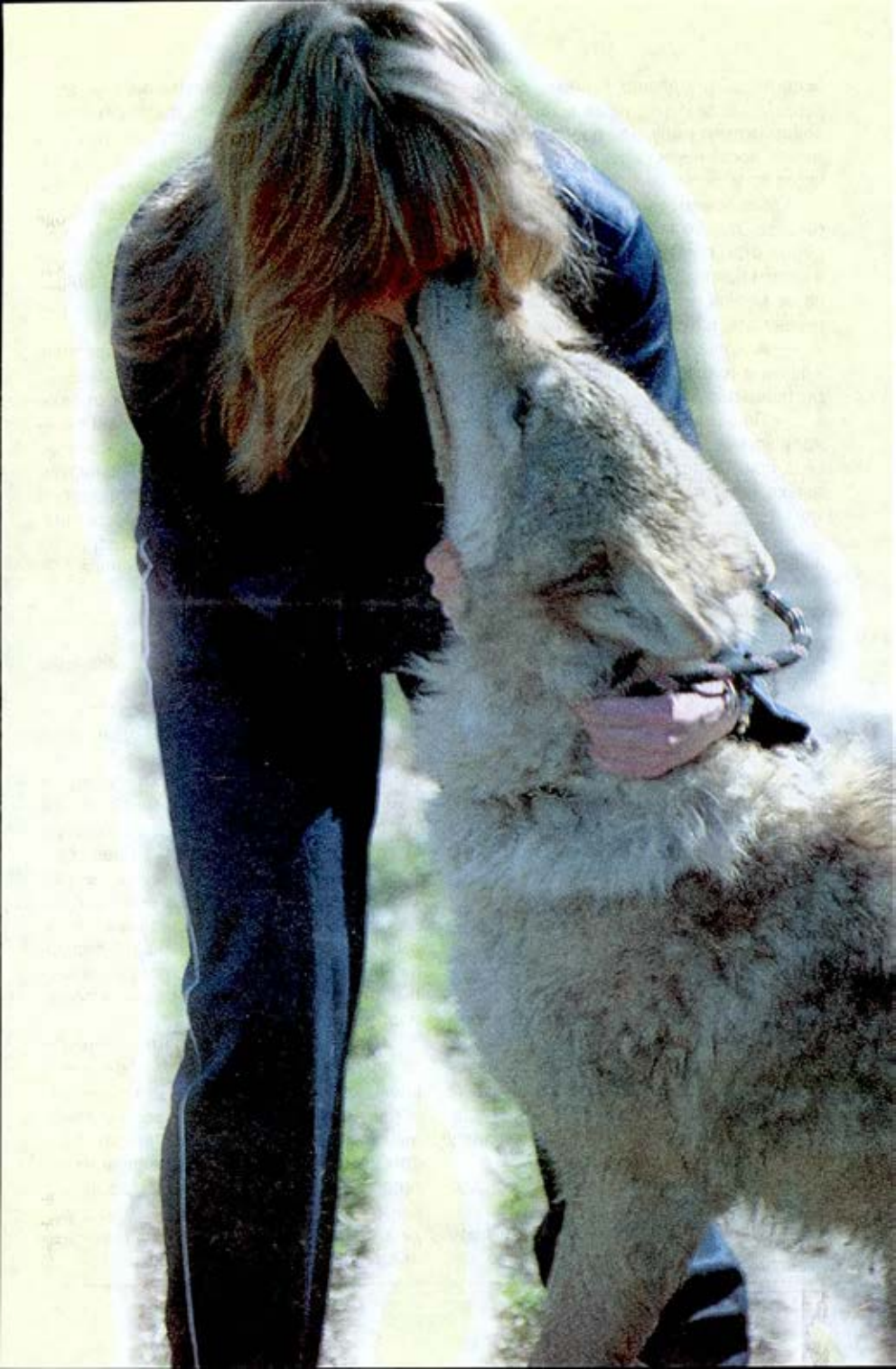
— Как же он попал к вам, вы же вроде по птицам специализируетесь?

— Судьба животных, попавших в город. Привезли охотники пару волчат, хотели продать на птичьем рынке, но никто их не купил. Пошли они в шашлычную, сели своё горе обмывать, да и оставили там волчат. Три недели те жили в ящике, питались остатками шашлыка. Там их и нашла Надежда Николаевна. А волчица и волк замечательные получились. Сейчас волк один, не поёт, а как пели! Волчицу у нас попросил ленинградский зоопарк, там у неё сейчас волчата. А как они пели, когда вместе были. Лето, раннее утро, в долину медленно туман спускается, и они поют...

Волк питает к Надежде Михайловне искренние и горячие чувства. Завидев свою спасительницу, он завертелся и запрыгал от счастья и при первом же удобном моменте облизал ей всё лицо. Вот уж чего я не ожидал от волка, так это проявления горячей любви к человеку. Пожалуй, что и не у каждой собаки встретишь такую преданность.

Рядом с волком живёт маленькая лисичка, ей-богу, чуть больше кошки, я всю жизнь думал, что они всё-таки крупнее. Она лицо людям не лижет, но на природу её выпустить нельзя, она абсолютно не боится человека, и, увидев его, прыгает на него и прячется под мышку. Такие вот ласковые и добрые хищники. Кстати, в черте большого Лондона живёт почти 3000 лис, гораздо больше, чем в Москве.

Идём дальше. Справа вольера с орлами-могильниками, которых у нас на гербах изображают, следующая с орлами-беркутами — это самые крупные орлы для соколиной охоты. Самка беркута — побольше, специально обученная, может поймать молодого волка. А самец обычно ловит и таскает в гнездо зайцев. Чуть дальше белоплечие орланы, которые живут у нас на Дальнем Востоке и на Камчатке. Рыбоядные существа. В два раза больше американского

белоголового орлана. Причём довольно ленивые, если перед ними встанет выбор, ловить живую рыбу, или поест лосося, которого после нереста река обратно в море несёт, то выберут лосося.

Слева остаются вольеры для разведения соколов. Это абсолютно глухие строения, без дырок, отверстия только чтобы еду передать и клетки почистить. Необходимо, чтобы птица не видела человека, тогда она не будет нервничать, и охотней станет спариваться.

— А сколько лет проходит с момента рождения и того времени, когда птица приносит потомство?

— По-разному. Вот беркутов мы содержали восемь лет, прежде чем они дали нам яйца, причём, пока только яйца, птенцы ещё только могут появиться, и необязательно в этом году.

— А как к вам птицы поступают, неужели все свои?

— Конечно, нет. Есть такая вещь, конфискат называется. Это животные, задержанные на границе по различным причинам. Они, конечно же, подлежат обратному отпуску на волю, но судебные разбирательства, порой, так долго тянутся, вот и живут у нас птички по три года. Причём на сам выпуск деньги находят, а вот на содержание нет.

Всего же птиц в питомнике около двухсот, точнее, сто семьдесят, более 20 видов, в основном, редкие, занесённые в Красную книгу. Общая площадь питомника 1,5 га.

Часть последняя.

Финансовая

— А теперь, Александр Иванович, практический вопрос, из каких источников происходит финансирование?

— Несколько лет назад был создан фонд, который занимается поиском средств на закупку кормов для птиц. Но он не решает всех проблем, ведь надо ещё зарплату платить, оборудование закупать.

— А не пробовали титульного спонсора найти, чтобы сразу все проблемы решить?

— Вот чего нет, того нет, согласны, это наша недоработка. И финансирование нам

нужно действительно системное, а не разовые подачки. Вот рыбным филинам повезло, у них есть свой спонсор, он помог в строительстве вольеры, и когда может, находит средства на покупку им живой рыбы. Правда, всё не системно. Но работаем, конечно. Куда деться? Ведь чтобы этим серьёзно заниматься, нужен специальный человек. У нас же, сами видите, дел по горло.

— А каковы общие затраты центра, скажем, за месяц?

— Ну, в месяц только на приобретение кормов для птиц надо до 3000\$. Конечно, затраты колеблются в зависимости от сезона, самые большие траты в весенний период, когда птицы приступают к размножению и когда появляются птенцы. Мы планируем устроить виварий, где у нас будут плодиться мышки и крыски, тогда себестоимость питания резко снизится. Пора и о реконструкции задуматься. Кое-что уже и менять пора.

Вместо эпилога.

— А интересное, забавное наверняка ведь было? Расскажите?

— Видели беркутов у нас? Уже восемь лет живут. Так вот, самку привёз один новый русский. Держал он её на балконе, а она перегрызла кожаные ремешки и улетела. А нам звонят из детского сада, № 12: "К нам тут птица громадная залетела на веранду, как бы она детей не заклевала". Орел, говорят. Спрашиваем, а чем она сейчас занимается? Плюшевого медведя ест — пока. И Надежда поехала. Связи у нас тогда никакой не было, час нет, два нет. Уже ночь... В середине ночи приезжает, на руке громадный чёрный беркут. "А что, — говорит, — в транспорт-то не пускают..."

Незаметно пролетело время в этом удивительном месте. Солнце уже медленно клонилось к закату, даже птицы перестали истошно кричать, занимаясь весьма полезным делом в своих закрытых вольерах. Даже стих ветер, старательно выдувавший из нас тепло целый день. Пора уходить, но нет никакого желания возвращаться в город, уходить от замечательных людей и прекрасных птиц. Надеюсь, мы ещё встретимся... ■

ТРУС УЖИРАЕТ ТЫСЯЧУ РАЗ

«Если ты этого не сделаешь сейчас, то ты никогда не сделаешь...» — сказала девушка молодому человеку, который не решался пригласить ее на танец. А юноша не столько не решался, сколько просто боялся... Почти у всех современных молодых людей есть страхи и комплексы. Это не врожденные или приобретенные дефекты, а психологические преграды, мешающие «легко вздохнуть». Их надо ломать, чтобы преодолевать свою закомплексованность.

Некоторые шаманы считают, что большое влияние на человеческую жизнь оказывают подземные духи. С точки зрения психоанализа, решающую роль в жизни человека играет бессознательное, что схоже с теми же духами. Комплекс, страх или дух мешают свободно достичь какой-то цели. Если шаман опускается в подземный мир, чтобы изгнать духа, то психолог погружается в глубины бессознательного. Визуально различия видны невооруженным взглядом, но, по сути, есть и значительные сходства.

Как говорил Генри Форд: «Если вы думаете, что способны сделать что-либо, или думаете, что не способны: вы правы». Важную роль играет настрой и желание чего-то добиться. В мыслях должно быть какое-либо «утверждение» — четкое стремление двигаться вперед. Не надо придавать боль-

шого значения возникающим сложностям, просто нужно проявлять упорство.

В психологии есть понятие «зоны комфорта». Каждый человек живет в своей зоне. Когда он стремится к чему-то новому и непривычному, то наталкивается на границы этой зоны, которые нужно преодолевать, после чего они расширяются. Скажем и по-другому: преодолевая каждый комплекс, вы расширяете границы своей зоны комфорта. Человек вырастает в своих глазах и

Кирилл ПОДОЛЯК

появляется понимание того, что можно получать удовольствие от преодоления своих страхов. Если все идет не так гладко, то зона комфорта уменьшается. У каждого свой размер зоны: от целого мира до квартиры. Психология также знает случаи, когда зона комфорта ограничивалась границами тела человека...

Комплексы создают фантазии, в которых живет человек. У него постоянно находятся причины своей неспособности что-то сделать как для себя самого, так и для окружающих. Начинается жизнь иллюзиями. В мыслях постоянно проносится: «Если бы не ... то я бы...» Нет никакого желания что-то менять, и человек начинает довольствоваться теми условиями, в которых он уже живет. От таких людей на предложение сделать что-то, изменяющее какой-то аспект их жизни к лучшему, всегда можно услышать: «Меня устраивает».

Каждый молодой человек преодолевает свои комплексы по-разному. Кто-то способен изменить все сам, другой ищет помощи со стороны, ну а кое-кто просто ничего не делает и таким образом замыкается в себе.

Человек с комплексами живет в своем особенном мире и смотрит на реальную жизнь через маленькую щелочку. Но однажды у него появляется желание начать об-

щаться с разными людьми, научиться чему-нибудь и почувствовать, наконец, свободу. А для этого надо разрушить свой собственный мирок, чтобы жить в "общем" мире. Но так жалко расставаться со старыми привычками, сделать усилие и посмотреть на жизнь с другой стороны, чтобы понять — все это нужно для личного же блага.

Я поговорил с тремя молодыми людьми об их комплексах. Ребята интересны тем, что они очень разные, хотя в то же время они — друзья.

АНЯ, 19 лет.

Ее самый главный комплекс зародился еще в детстве. В этом большую роль сыгра-

ла мама, постоянно говорившая дочке, что ее "щеки видны со спины и ее полнота безобразна". Аня начала считать себя не такой, как все, боялась одеваться по своему вкусу, все время казалось, что видна ее полнота.

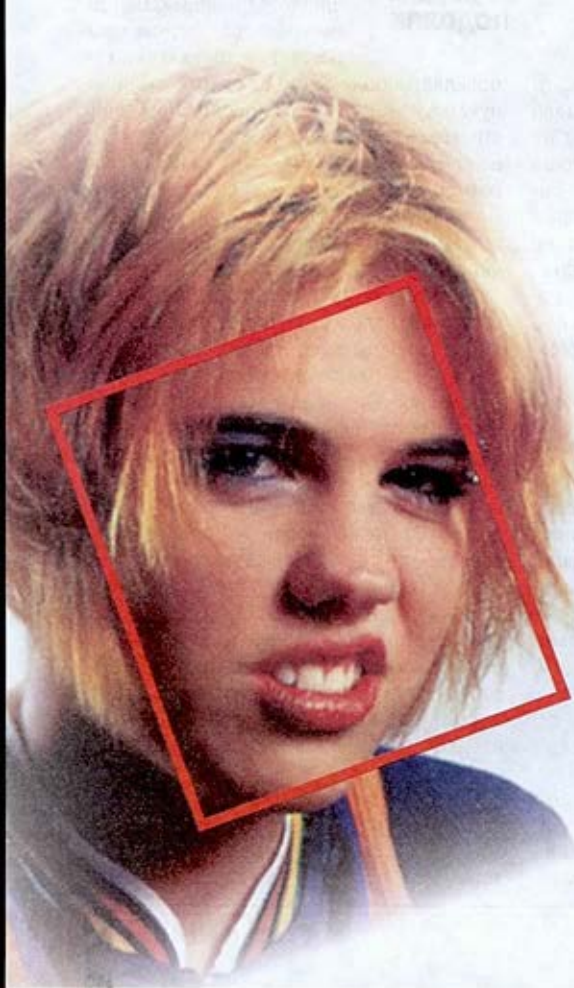
С годами у Ани появились хорошие друзья, которые видели в ней прекрасного человека и стремились во всем ее поддерживать. Большую роль сыграли встречи с молодыми людьми. Она убедилась в том, что ее могут любить такой, какая она есть, что, наконец, ее могут любить по-настоящему.

И вот "комплекс полноты" исчез. Но ничто не исчезает бесследно, а все от того, что многое остается в подсознании. Вся жизнь мама искала в Ане изъяны, и уже став взрослой девушкой, она не может жить без осознания того, что у нее есть недостатки. Девушке все время надо копаться в себе и находить какой-то минус, она просто не привыкла жить по-другому.

И совсем недавно она обнаружила-таки в себе очередной недостаток — "неумение красиво говорить". В этом Аня начала видеть причину всех своих теперешних неудач и бед. Возникла боязнь сказать что-то лишнее. Постоянно появляется мысль: "Я неправильно говорю".

Хотя, с точки зрения друзей, говорит она вполне правильно, на что Аня возражает, что нормально общаться у нее получается с теми, кого уже давно знает. А во время знакомства ощущает себя "пятнадцатилетней, глупой девочкой", "смотрит преданным взглядом" и "открыто подстраивается".

Таким образом, напрашивается некий вывод-совет для тех, кто недавно стал родителем или только собирается стать. Важно помнить, что каждое ваше слово откладывается в подсознании у малыша. И через какое-то время это найдет свое отражение — в положительную или в отрицательную сторону...

ЕГОР, 19 лет.

Комплексы порой бывают странными. Это можно увидеть на примере Егора. Он и шага не мог сделать без бабушки или мамы. Еще в школе ходили легенды, что когда Егор приходил домой, то тут же садился за компьютер, а бабушка его, сидящего, переодевала.

Внешне невозможно сказать, что у Егора есть какие-то комплексы. Нормально со всеми общается, спокойно встречается с девушками. Да, порой, возникают моменты, когда чего-то стесняется, но с кем не бывает.

Егор рос в условиях, когда ему никто не перечил, выполнялся каждый его каприз. Еще в младших классах у него уже появился компьютер, в результате большую часть времени он стал уделять новой "игрушке". Компьютер поглотил его полностью, сидя за персоналкой, он лишился нормального восприятия окружающего мира. Молодой человек не хотел находить общий язык со сверстниками, начал их сторониться и еще больше замкнулся в своем собственном мире, где были он и компьютер.

Одна из проблем Егора заключалась в том, что он на все имел свою собственную точку зрения, но из-за ограниченного мировосприятия часто неправильную, и никогда не хотел принимать другой, особенно если она противоречила его взгляду на жизнь. Это и стало причиной всех конфликтов со сверстниками.

Попытки помочь Егору разобраться во всем были тщетными. Он только глубже заперся в своем маленьком мирке. Его невозможно убедить поменять свой образ жизни, он считает, что ломать себя — это плохо. Обычно комплексы мешают, но только не Егору. Своим образом жизни он очень доволен.

Поэтому компьютер и сильная опека ребенка со стороны родителей никогда к хорошему не приведут. Любому человеку нужно нормальное общение, чтобы научиться ориентироваться в жизни. Когда человек подолгу сидит перед компом, если это, конечно, не работа, то — это болезнь, которую надо лечить, чтобы не получилось, как в песне у одного известного барда:

"Крыша едет у соседа: Как жену зовут, не помнит. Ему компьютер — собеседник, Со-бутылник и любовник".

ЛЕША, 20 лет.

Этот человек может удивить любого. Еще недавно у него было столько комплексов, что, потеряв смысл в жизни, он три раза пытался покончить с собой. Исправить положение помогли работа, общение с девушками и занятия в психологическом центре.

Как и у многих людей, его комплексы зародились в семье. Мама установила особые отношения в доме, став тиранкой. Роль папы ограничивалась только "добычей" денег.

В психологии известно, что мать формирует отношение сына к девушкам. В дан-

ном случае мама "постаралась" так, что Леша стал панически их бояться. Он начал считать себя изгоем, никому не нужным, и самооценка упала до нуля. Молодой человек нашел в себе множество недостатков, которые, по его мнению, были причинами всех бед. Это и послужило причиной попытки уйти из жизни.

С появлением сотового телефона он начал активно знакомиться через службу sms знакомств. Появилась возможность стать кем угодно. Здесь он был таким, каким хотел себя видеть. С каждым разом, набираясь опыта, он постепенно преодолевал свои страхи. Встреча шла за встречей, и постоянно с новой девушкой. Каждая казалась все лучше и лучше, пока, наконец, он не услышал: "Люблю". Комплекс был преодолен.

Во многом причиной возникновения комплексов является семья и круг общения. Знакомых можно поменять и исправить положение, а вот родителей... Но все-таки можно справиться с любой проблемой, страхом или комплексом, важно только помнить: "Нет проблем, которые невозможно решить, — есть только те проблемы, которые трудно решить".

Надо бороться со страхами, ломать себя. Вся жизнь строится на этом. Даже встать рано утром — нелегкая задача. Если не можешь или пасуешь перед трудностями — самая большая ошибка винить в неудачах окружающих, погодные условия, музыку, странный взгляд и тому подобное. Какая бы ни была ситуация, надо помнить: "Если ты не сделаешь первый шаг сейчас, то ты его никогда не сделаешь".

В общении важна инициатива. Она служит основой для всех отношений. А комплекс душит ее, вызывая страх, который зачастую не имеет под собой никакого основания, кроме пережитых в прошлом впечатлений. Чего бояться, ведь все прошло, и ничего уже нет? В итоге, комплекс — просто страх пустоты. Так загляните в эту пустоту, наполните ее светом, наделите смыслом, и она не будет пугать, и вы легко забудете о ней, а в будущем вспомните как глупость. Можно еще долго рассуждать на такие темы, все же — это жизнь. ■

Приходилось ли вам гулять по лесу и набрести на ручей, весело журчащий вдоль тропы? Похоже на музыку, правда? А капли дождя, стучащие по крыше, весенние трели птиц — это разве не музыкальные звуки?

Когда первобытные люди стали наблюдать за происходящим вокруг, они обнаружили, что музыка повсюду. Человек научился петь, выражая самые радостные и самые горестные чувства. Шли века, менялся мир, но музыка, как близкий друг, всегда была рядом. Именно ей доверяли свои самые сокровенные чувства. Слушая ее, люди стали более глубоко понимать окружающий мир во всем его бесконечном многообразии.

Сейчас музыка тоже рядом с нами. Она доносится из окон домов, автомобилей, с эстрадных подмостков, из музыкальных центров с мощными колонками и плееров. Иногда она бывает столь навязчива, оглушительна и бездарна, что начинаешь мечтать о тишине. Или вспоминать, что где-то есть совершенно другая музыка, другие голоса.

Но как открыть для себя великое музыкальное искусство сегодня? Как научиться понимать, слушать, ценить настоящую музыку? За ответом на эти вопросы мы обратились к инициатору создания Клуба друзей Московской консерватории, музыковеду, доктору культурологии Алле Владимировне Богдано-

вой. Автор книг «Оперы и балеты Шостаковича», «Музыка и власть», «Раньше и теперь. Беседы Бориса Покровского», Алла Владимировна руководит научно-аналитическим отделом Московской консерватории.

— Церемония открытия нашего клуба, — рассказывает Алла Владимировна, прошла весной 2003 года в Большом зале консерватории. Она была приурочена к юбилею члена клуба, доктора Леонида Рошаля, которого, после печально известного «Норд-Оста», знает практически весь мир. Наш клуб отличается от остальных тем, что носит исключительно просветительский характер, и ни в коем случае не коммерческий. Никаких взносов со стороны членов клуба не предусмотрено. Основная цель — собрать вокруг консерватории людей, любящих классическую музыку и желающих содействовать процветанию российской культуры.

Мы объединили людей, имеющих авторитет в обществе, — деятелей науки, политики, бизнеса, неравнодушных к истинному музыкальному искусству.

— Как часто проходят организованные вами вечера, кто в них участвует?

— Вечера Клуба проходят нечасто, несколько раз в сезон, потому что у всех его чле-

нов в основном очень насыщенный график работы. Клуб друзей собирается также на концертах, спектаклях Оперного театра, в дальнейшем мы надеемся также устраивать презентации и отмечать юбилеи наших друзей.

Наиболее интересно прошли в нынешнем году два вечера.

В конце прошлого года, — где собрались все члены клуба. Открыли вечер наши самые талантливые студенты, лауреаты российских и международных конкурсов, выступившие с небольшим концертом. Программа состояла из известных классических произведений. Мастерство молодых исполнителей поразило слушателей, привело их в восторг. Во второй половине вечера впервые вышел на сцену консерватории член нашего Клуба, известный режиссер, художественный руководитель театра «У Никитских ворот» Марк Розовский. Он

рассказывал историю своей знаменитой постановки спектакля "История лошади" и пел песни, которые сам для него написал.

Последний концерт состоялся в день

Восьмого марта и имел большой успех. Вечер назывался "Музыкальное приношение". Это первый совместный проект Оперного театра и вокального факультета консерватории. Звучала не только музыка, но и стихи, их читал Василий Лановой. Вечере приняли участие народные артисты Зураб Соткилава, Леонид Болдин, Борис Кудрявцев, Анатолий Лошак. Вел концерт Святослав Бэлза.

— А среди зрителей была молодежь?

— Мы стараемся сделать так, чтобы программа вечеров, участниками или слушателями которых являются члены Клуба

друзей консерватории, была рассчитана не только на знатоков классической музыки, но и на тех, кто пришел на концерт в консерваторию впервые. К тому же на сцене выступает много ровесников тех, кто сидит в зале. Их мастерство завораживает, заставляет молодых слушателей задуматься о том, как многого можно добиться в их возрасте, и как многогранно музыкальное искусство. Я думаю, что молодые люди, идущие в концертный зал с опаской, что будет скучно, покинут его с противоположным чувством.

Дверь небольшой уютной консерваторской комнаты, где мы разговаривали с Аллой Владимировной, приоткрылась, и на пороге появились две очаровательные, совершенно похожие друг на друга, девушки.

— А это наши студентки первого курса, Ангелина и Полина Васины, — представила девушек Алла Владимировна. — Сестры-близнецы. Классический дуэт. У них прекрасные оперные голоса. Они с успехом выступили на первом вечере Клуба друзей консерватории, и мы обязательно будем приглашать их на наши вечера и дальше.

наш мелодичный плач в два голоса. "Ох, как поют, дуэт будет!" — сказала она. Так оно и вышло. И наше сходство нам сейчас только помогает. Когда выходим на сцену, да ещё в одинаковых концертных платьях, зрители замирают.

— Ну, как вы в коляске вместе пели — это件antly, а вот как потом пришли к решению создать дуэт?

А.: Вообще в нашей семье профессионально занимаемся музыкой только мы одни, хотя у мамы шестеро детей и вся семья достаточно музыкальная. Нам с Полиной

Ангелина: Мы поем вместе с самого раннего детства.

Полина: Когда мама возила нас еще в коляске, мы уже тогда "выступали" дуэтом — кричали вместе. Однажды проходила мимо женщина, ее, видимо, привлек

петь хотелось с утра до ночи. Для нас это было огромным удовольствием, выступали в общеобразовательной школе на всех праздниках, просто так концерты устраивали на уроках, в музыкальной школе, дома, на даче. Везде, где бы ни находились, всегда пели. Помню, в доме отдыха, когда нам было года по четыре, а старшей сестре восемь лет, мы устроили показательные выступления для всех отдыхающих. За это нам подарили подарки — кока-колу и апельсинки. После школы поступили в музыкальное училище имени А. Шнитке, поучились там немного и решили, что пора поступать в консерваторию, один из самых лучших музыкальных вузов в мире.

— И какие дисциплины вы здесь проходите?

А.: Естественно, сольное пение. Учимся в классе профессора Кадинской Клары Григорьевны. Много лет она пела в Большом театре. Она — его живая легенда. Нам очень нравится, когда Клара Григорьевна рассказывает о своих выступлениях с Лемешевым, Козловским. Ещё у нас есть такой предмет как ансамбль. Преподаёт его профессор Евгения Михайловна Арефьева. Предмет важен, так как пение вдвоём имеет большое количество нюансов, надо очень много заниматься. В консерватории для певцов предусмотрено большое количество предметов. Например, оперный театр, где мы смотрим мировые оперные постановки известных режиссёров, или история музыки — там рассказывают про композиторов, их стили. Важно знать историю музыки, как она развивалась, какие стили сменяли друг друга в течение веков, уметь по стилю и характеру определить композитора. Вместо физкультуры у нас танец. Тот, кто хорошо танцует, умеет двигаться под музыку, потом органично и на сцене смотрится. Ну и, конечно, стараемся как можно больше выступать.

— А какое из выступлений вам запомнилось больше всего?

П.: Наверное, на балу Дворянского собрания. Там потрясающая атмосфера, напоминающая толстовский салон мадам Шерер. Сначала было немного непривычно, так как всё происходило не на сцене, а в зале, где вокруг ходили люди, а не сидели возле

сцены. Был замечательный вечер, посвящённый Глинке и его современникам в Российском фонде культуры. Запомнился костюмированный бал в доме-музее князей Голицыных на Больших Вязёмах. Там тоже присутствовал салонный стиль. И мы пришли к выводу, что в этом есть определённый смысл. Ты находишься внутри публики и испытываешь особую близость к ней, чувствуешь непосредственный контакт. Очень приятно выступать в усадьбах, атмосфера которых располагает к классическому пению.

— Скажите, а как вы, студентки консерватории, относитесь к такому популярному проекту, как "Фабрика звезд"?

А.: Жалко, что в непрофессионализм вкладываются деньги. Здесь явно видна заслуга не участников, которые пришли туда попробовать стать артистами, популярными исполнителями, а больше профессионализм продюсеров, всех тех, кто из них что-то лепит. Профессиональному музыканту странно наблюдать за подобным действием. Многие плохо поют, и мысли свои выразить не могут, много косноязычных. К счастью, название говорит само за себя. Пение под фонограмму, без особых усилий — не так уж и сложно. Можно и нот не знать. Мы с сестрой занимаемся иным делом. Живое пение — это не фабрика, а ручная работа, эксклюзив, так сказать. То, что делается "здесь и сейчас". А кому что нравится, каждый пусть сам для себя выбирает.

П.: Об этом очень точно Борис Пастернак писал: "Цель творчества — самоотдача, а не шумиха, не успех. Позорно, ничего не знача, быть притчей на устах у всех".

— Да, действительно, лучше не скажешь... А все-таки, кто из поп-исполнителей вам больше нравится?

А.: На сегодняшний день мы мало слушаем отечественную популярную музыку. Нет времени. Безусловно, у нас есть хорошие, талантливые исполнители. В поп-музыке много нюансов, но их гораздо меньше, чем в классической. Всегда видишь затраты композитора и исполнителя. Если человек вложил душу, энергию в своё произведение, пусть даже оно простое, то это сразу видно, сразу чувствуется.

П.: Мы последние три года слушаем больше классическую музыку. Чтобы быть профессионалами, надо добиваться максимума знаний. Хотя дома, в свободное время, всегда слушаем радио, больше с зарубежной попсой. Да и на компьютере всегда плей-лист открыт, где тоже не классику играют.

— Наверное, современную поп-музыку после классической сложно воспринимать?

А.: Это, к сожалению, или, к счастью, так. К тому же, чем выше становится твой профессиональный уровень, тем больше требований к исполнителям. Гораздо чаще замечаешь погрешности в их работе.

— Так что же вы делаете в свободное время, как проводите досуг?

А.: Его у нас практически нет. Помимо учёбы, у нас ещё есть работа. Я, например, преподаю детям вокал во Дворце творчества. А если выпадает свободный день, то еду на дачу дышать свежим воздухом, общаться с природой.

П.: Я всё свободное время провожу с моей четырёхлетней дочкой. Для любой матери, а тем более, молодой, самое обидное — это редко видеть своего ребёнка. Ведь так хочется поиграть, пообщаться, понаблюдать. Тем более дети растут и меняются быстро. А обратно время не вернёшь!

— Да, при вашей профессии растить детей довольно сложно, тем более есть ещё такой вид разлуки, как гастроли?

П.: На гастроли пока не выезжаем, но в перспективе есть и зарубежные поездки. На конкурсы будем ездить.

— А хотелось бы работать за границей?

А.: Поработать можно, а уехать не хотелось бы. Каждый человек должен работать и тем самым прославлять свою страну. Для России это очень важно в наше время. Я надеюсь, что мы с сестрой будем жить и работать здесь. Кстати, в консерватории есть даже специальный проект для выпускников, которые живут за рубежом, называется "Alma Mater". Знаменитые музыканты, живущие за рубежом, не теряют связи с консерваторией, участвуют в благотворительных концертах. Но, к сожалению, они часто приезжают к себе на Родину только по приглашению, работают где-то далеко.

— Полагаю, вы много репетируете дома. Как на это реагируют соседи?

П.: Они нас просто ненавидят, иногда стучат по батарее, но чаще звонят.

— Хотелось бы спеть какую-нибудь партию в опере, например, в "Евгении Онегине"?

П.: Да, очень, но нам пока не разрешают принимать участие в оперных постановках, только в роли мимических персонажей. Но, думаю, скоро эта мечта осуществится, тем более, что в первые два года обучения в консерватории идет активная подготовка к участию в спектаклях на уроках актерского мастерства.

— Наверное, как у всех артистов, у вас есть постоянные поклонники?

А.: Недавно проходил закрытый концерт у нас в Клубе друзей консерватории. Вдруг, в перерыве, к нам подходит пожилой мужчина и спрашивает: "Когда вы будете петь "Черемуху" композитора Бибергана? Мне так нравится, как вы ее исполняете?". Я отвечаю: "Сейчас будем петь, но вас в зал не пустят, так как этот вечер только для членов клуба". И тут он начинает просить, чтобы мы сказали, что он наш дедушка, потому что просто мечтает нас услышать, а до этого он не пропускал ни одного выступления с нашим участием и т.д. Нам, естественно, ничего не оставалось делать, и мы провели его на концерт.

П.: Бывает, зрители просто подходят и выражают свою благодарность, даже восторг. А потом все наши друзья — наши поклонники. Они постоянно ходят на концерты и одновременно поддерживают нас. А нам приятно, находясь на сцене, видеть знакомые лица в зале и петь для них.

— И на прощание традиционный вопрос. Что вы, уже практически состоявшиеся певицы, могли бы пожелать тем, кто еще только мечтает о вашей профессии?

А.: Колоссальной силы воли, упорства, самообладания, выдержки, готовности не только к творческим успехам, но и к неудачам, которые порой случаются.

П.: Музыкальная жизнь похожа чем-то на спортивную: "Покой мне только снится".

А.: Но главное, как сказал Заболоцкий: "Не позволяй душе лениться". Это и мой жизненный девиз.

Беседовала Полина ТЕСЛЕР.

П.: Мы последние три года слушаем больше классическую музыку. Чтобы быть профессионалами, надо добиваться максимума знаний. Хотя дома, в свободное время, всегда слушаем радио, больше с зарубежной попсой. Да и на компьютере всегда плей-лист открыт, где тоже не классику играют.

— Наверное, современную поп-музыку после классической сложно воспринимать?

А.: Это, к сожалению, или, к счастью, так. К тому же, чем выше становится твой профессиональный уровень, тем больше требований к исполнителям. Гораздо чаще замечаешь погрешности в их работе.

— Так что же вы делаете в свободное время, как проводите досуг?

А.: Его у нас практически нет. Помимо учёбы, у нас ещё есть работа. Я, например, преподаю детям вокал во Дворце творчества. А если выпадает свободный день, то еду на дачу дышать свежим воздухом, общаться с природой.

П.: Я всё свободное время провожу с моей четырёхлетней дочкой. Для любой матери, а тем более, молодой, самое обидное — это редко видеть своего ребёнка. Ведь так хочется поиграть, пообщаться, понаблюдать. Тем более дети растут и меняются быстро. А обратно время не вернёшь!

— Да, при вашей профессии растить детей довольно сложно, тем более есть ещё такой вид разлуки, как гастроли?

П.: На гастроли пока не выезжаем, но в перспективе есть и зарубежные поездки. На конкурсы будем ездить.

— А хотелось бы работать за границей?

А.: Поработать можно, а уехать не хотелось бы. Каждый человек должен работать и тем самым прославлять свою страну. Для России это очень важно в наше время. Я надеюсь, что мы с сестрой будем жить и работать здесь. Кстати, в консерватории есть даже специальный проект для выпускников, которые живут за рубежом, называется "Alma Mater". Знаменитые музыканты, живущие за рубежом, не теряют связи с консерваторией, участвуют в благотворительных концертах. Но, к сожалению, они часто приезжают к себе на Родину только по приглашению, работают где-то далеко.

— Полагаю, вы много репетируете дома. Как на это реагируют соседи?

П.: Они нас просто ненавидят, иногда стучат по батарее, но чаще звонят.

— Хотелось бы спеть какую-нибудь партию в опере, например, в "Евгении Онегине"?

П.: Да, очень, но нам пока не разрешают принимать участие в оперных постановках, только в роли мимических персонажей. Но, думаю, скоро эта мечта осуществится, тем более, что в первые два года обучения в консерватории идет активная подготовка к участию в спектаклях на уроках актерского мастерства.

— Наверное, как у всех артистов, у вас есть постоянные поклонники?

А.: Недавно проходил закрытый концерт у нас в Клубе друзей консерватории. Вдруг, в перерыве, к нам подходит пожилой мужчина и спрашивает: "Когда вы будете петь "Черемуху" композитора Бибергана? Мне так нравится, как вы ее исполняете". Я отвечаю: "Сейчас будем петь, но вас в зал не пустят, так как этот вечер только для членов клуба". И тут он начинает просить, чтобы мы сказали, что он наш дедушка, потому что просто мечтает нас услышать, а до этого он не пропускал ни одного выступления с нашим участием и т.д. Нам, естественно, ничего не оставалось делать, и мы провели его на концерт.

П.: Бывает, зрители просто подходят и выражают свою благодарность, даже восторг. А потом все наши друзья — наши поклонники. Они постоянно ходят на концерты и одновременно поддерживают нас. А нам приятно, находясь на сцене, видеть знакомые лица в зале и петь для них.

— И на прощание традиционный вопрос. Что вы, уже практически состоявшиеся певицы, могли бы пожелать тем, кто еще только мечтает о вашей профессии?

А.: Колоссальной силы воли, упорства, самообладания, выдержки, готовности не только к творческим успехам, но и к неудачам, которые порой случаются.

П.: Музыкальная жизнь похожа чем-то на спортивную: "Покой мне только снится".

А.: Но главное, как сказал Заболоцкий: "Не позволяй душе лениться". Это и мой жизненный девиз. ■

Беседовала **Полина ТЕСЛЕР.**

200 100 50... ПОШЁЛ!!!

Для того, чтобы из "дедушки" превратиться в дембеля, никаких особых ритуалов проходить не нужно, надо просто дожидаться, когда в часть придут твои "лысые". А с момента выхода приказа об увольнении в запас данного призыва обычные дембеля становятся "бумажными" дембелями. Эти ребята, строго говоря, уже вообще не военные, и в некоторых частях им даже разрешают ходить без формы.

ПРИКАЗ — не менее сладкое для солдата слово, чем ДЕМБЕЛЬ. Приказа

**Екатерина
ПОСТНИКОВА**

■ Царь Соломон однажды сказал: "И это пройдет". Конечно, он имел в виду совсем не военную службу, но она — как и все в этой жизни — тоже рано или поздно заканчивается. Существует даже солдатская сказочка под названием "Дембель неизбежен". Вот она:

"Дембель неизбежен", — сказал "дух", вытирая слезы половой тряпкой.

"Дембель неизбежен", — сказал "расслабленный", переворачиваясь на другой бок.

"Дембель неизбежен", — сказал "дед", закусывая водку селедкой.

"Дембель неизбежен", — сказал дембель, и двери электрички за ним захлопнулись.

ждут все, и чем он ближе, тем больше человек нервничает: я своими глазами видела, как парень в день своей стодневки плакал от радости.

Приказ выходит всего два раза в год, 27 марта и 27 сентября, а каждого отдельного военнослужащего увольняют по дате поступления на службу, то есть через два-три месяца после общего приказа. Но это не играет особой роли, ведь с момента "Х" ты все равно как бы одной ногой дома. Поэтому широко празднуют только общие даты: 200, 100 и 50 дней до приказа. Но, если специально напрячь какого-то духа, он каждый вечер будет класть под твою подушку сигарету, на которой написано, сколько дней лично тебе осталось до дома. Многие

так и делают. В ход идет все, что может скрасить ожидание свободы.

200 дней до приказа — праздник неофициальный, в отличие от стодневки. Просто круглая дата, которую приятно отметить в календаре. Люди собираются где-нибудь в каптерке, чтобы попить чаю с тортом, посидеть, помечтать о доме. Никакой водки, только сладости. Офицеры ведь тоже не дураки, они все прекрасно знают и в эти дни постоянно остаются дежурными по подразделению, ответственными, поэтому пьянствовать на "двухсотку" ни у кого желания нет, слишком рискованно.

100 дней. Это уже серьезная веха, означающая, что дом по-настоящему близок. Незадолго до стодневки "дедушки" намекают "молодым", что надо бы "намутить" (то есть, достать) немного денег или привезти из увольнения что-нибудь вкусненькое. Обязательно накрывается стол, и чем богаче, тем лучше. Есть традиция на 100 дней до приказа есть "дембельскую кашу": обычное печенье "Юбилейное" толчется в мелкую крошку и перемешивается с вареной сгущенкой. Каши делают очень много, чтобы "деды" и сами наелись, и своих "духов" накормили. В этот день принято дарить подарки. Не обязательно что-то покупать, можно, к примеру, самому изготовить открытку, нарисовать календарь, на котором идет обратный отсчет от ста дней до нуля, с картинками и пожеланиями, самодельный брелок или четки из оргстекла. В подразделениях вешают полупрозрачные стенгазеты со смешными рисунками, и любой человек (даже офицер или контрактник) может написать там несколько теплых слов для ребят, которым скоро домой.

Надо сказать, что солдаты — а дембеля в особенности — обожают всевозможные календарики, от карманных, в которых каждый прожитый день зачеркивается или протыкается иголкой, до больших, настенных, купленных в магазине или нарисованных гуашью на ватмане. Главное, чтобы было где считать дни. Как бы солдату ни нравилось служить, он все равно хочет домой. Многие отмечают даты на офицерском ремне, в котором как раз 24 дырочки (по количеству месяцев). Вокруг каждой дырочки полукру-

гом пишут: декабрь, январь... и так до конца службы.

Стодневка — дата особенная, переломная. С этого дня "деды" перестают есть за завтраком масло и отдают его "молодым". Еще в этот день многие "дедушки" стригутся наголо, чтобы к дембелю иметь нормальную человеческую прическу.

50 дней. Это тоже праздник неофициальный, знаменательный чаще всего тем, что на пятидесятидневку обычно "хлопают" будущим "дедушкам".

Для солдата имеет немалое значение время года, на которое пришелся его призыв. В одном из прошлых номеров я уже рассказывала о "фазанах" и "бакланах", но вкратце повторю: "Фазаны" — военнослужащие весеннего призыва, "бакланы" — осеннего. "Фазаном" быть более престижно. Во-первых, увольняясь в самую лучшую пору года — в конце весны или начале лета, впереди свобода, вокруг тепло, все цветет и зеленеет. Во-вторых, считается, что в весенний призыв попадают более умные ребята, которые уже где-то отучились перед армией, осенние же — это те, кто не смог поступить в вузы и потому загремел в войска. Но такое разделение условно. Все зависит от конкретного человека.

Итак, наступает то самое время года — последнее в армии. К примеру, весна для весеннего призыва. Задача "молодых": достать к 1 марта где угодно много зеленых листьев. Их вырезают из бумаги и раскрашивают. Потом ломают в лесу ветки и приклеивают к ним готовые листики. Это весьма муторное занятие, поэтому можно пойти другим путем: заранее поставить в воду побольше свежих прутьев, чтобы к первому дню весны они зазеленели. Зачем это делается? А затем, чтобы "дедушки", проснувшись под крик дневального "Весна ноль один — подъем!", увидели, что койка каждого из них засыпана зелеными листьями. То же самое и осенью, разве что листья требуются желтые.

Каждый солдат готовится к дембелю загодя, некоторые — с самого начала службы. Например, делают дембельские альбомы. Когда я была маленькой девочкой, папа

(замполит части) как-то показал мне целую выставку подобных творений. В то время (еще в Советской армии) каждый солдат считал делом чести украсить свой альбом как можно лучше. Чего там только не было! Золотые обрезы, обложки из бархата, блестящие латунные уголки, чеканка, даже вышивка! Толстые картонные страницы раскрашивались набрызгом с помощью краски и зубной щетки, украшались блестками, вырезками из глянцевого журнала, тщательно выполненными на кальке рисунками, для каждого фотоснимка делалась фигурным фоторезаком или просто ножницами аккуратная рамочка из цветной бумаги, отдельные странички выделялись для автографов сослуживцев или стихов, в общем — глаз не оторвать! Дембельский альбом по праву можно было считать настоящим произведением армейского искусства.

Сейчас в войсках талантов поубавилось. Альбомы часто берут дешевые, пластиковые, вместо бархата используют синтетический плюш, рисунки сводят под копирку или распечатывают на принтере, стихи по альбому гуляют одни и те же. Но все равно в итоге получается неплохо. Например, на одной странице красивым почерком написано: "Подъем — отбой, подъем — отбой, удар об что-то головой, летит сапог, летит ремень — так "дух" проводит каждый день" или "Чтоб до дембеля дожить, надо с поваром дружить", а рядом — соответствующая картинка. Некоторые военнослужащие до того насобачились в рисовании этих веселых этюдов, что запросто могли бы стать профессиональными карикатуристами. К ним бегают просто толпами, и бедняги целыми днями сидят, не поднимая головы от бумаги.

Кроме альбома, уважающий себя дембель обязан завести себе "дембельский камок" (то есть, камуфляж). Не буду сравнивать с Советской армией, чтобы не расстраивать нынешних военнослужащих, скажу только, что вместе с полушерстяной повседневной формой (фуражка, хитель, брюки, ботинки) наши солдаты многое потеряли. Вид у камуфляжа, даже дорогого, "натовского", далеко не такой торжественный. Просто пятнистая пижама, обвешанная бле-

стящими значками, плюс кирзачи или "берцы". Обязательные атрибуты такой формы: фуражка (кто смог добыть), жесткие погоны с кантиком, обтянутые бархатом (плюшем), золотые пуговицы, петлички (тоже с кантиком), сплетенный из шнура аксельбант цветов российского флага, жесткие шевроны (и эти — с кантиком), побольше значков, фигурно выпиленная и отполированная бляха ремня — и так далее, на что фантазии хватит. Форму готовят долго и тщательно, прячут от офицеров, чтобы не отобрали, дотрагиваются до нее только вымытыми руками, в общем, носятся с ней, как курица с яйцом. Ведь "дембельский камок" — не просто одежда, это символ СВОБОДЫ.

Чем ближе дембель, тем большее психическое напряжение испытывает солдат. Поэтому многие устраивают так называемый "дембельский аккорд". Дни тянутся невыносимо долго, человека не отпускают мысли о доме, он постоянно, через каждые пять минут, смотрит на часы и поневоле, чтобы не свихнуться, придумывает себе занятие: красит окна, батареи, чинит проводку, да что угодно, лишь бы день быстрее пролетал. Кто может, добывает успокоительные таблетки. Но, несмотря на это, большинство солдат в свою последнюю армейскую ночь вообще не смыкают глаз.

И вот — наступает долгожданное утро. Дембель отправляется в столовую на последний завтрак. Стоит ему появиться в зале, все по традиции сразу начинают стучать по столам ложками, кружками, мисками, а счастливцев под этот шум ходит и угощает их сигаретами. Потом он идет на развод, где ему вручают заполненные документы, с этими документами идет к начальнику штаба, чтобы тот поставил ему печати, и все — свободен.

Уже с вещами и документами дембель приходит на КПП, и там собираются все, кто хочет с ним попрощаться. Он угощает каждого дембельской сигаретой, здесь же обнимаются, фотографируются на память. Потом открывают ворота, причем не внутрь, а наружу, из части. Это умудряются сделать даже в том случае, если ворота технически могут открываться ТОЛЬКО внутрь. Дембеля хватают

под руки и выносят наружу, на свободу. Все хлопают, свистят, кричат что-то вроде "Вон отсюда! Проваливай домой!" И дембель, все ускоряя шаги и все реже оглядываясь, покидает свое вынужденное, но, к счастью, временное пристанище.

Конечно, все проходит гладко только на бумаге. Реальность сложнее. Вот одна история, которую вполне можно назвать "Бедный Юрик".

Этот солдат за два года службы стал для своей части настоящей бедой. Несколько

раз его ловили в самоволке, на его счету было несколько серьезных драк с сослуживцами и конфликтов с начальниками, он не признавал никаких авторитетов, хамил, по любому поводу лез в бутылку, всячески косил от работы — словом, с ним было тяжело. В дисбат он не попал лишь из-за врожденной доброты командира, который всячески старался замять его художества. Однако терпение человеческое не безгранично, и в один прекрасный день командир лично пообещал Юрику уволить его самым последним, "под елочку", то есть 31 декабря. Из-за многочисленных отсидок на "губе", которую тогда еще не отменили, срок Юркиной службы действительно здорово растянулся, ведь время, проведенное под арестом, в него не засчитывалось.

Дембель задумался. Утешало его лишь одно: как он сам подсчитал, уволить его должны были все-таки не 31, а 26 декабря. И, решив, что командир просто пугает, он в очередной раз напился. И выпил-то всего ничего, но этого хватило, чтобы "впясть" ему недостающие пять суток. Поэтому с увольнением в запас парня поздравили аккуратно в последний день уходящего года, на утреннем разводе, и велели подойти за документами в строевую часть.

Пулей — ведь до дома ехать еще минимум шесть часов! — Юрка ворвался в штаб, долетел, сшибая всех на пути, до строевой, и обнаружил, что документы не готовы. При чем сделано это было не нарочно, просто куда-то подевалось из сейфа его личное дело. "Сейчас, сейчас! — подбодрила его женщина-сержант. — Найдется, куда денется. Ты пока посиди". Он уселся и стал смотреть, как она выкладывает на стол многочисленные папки, а в голове вертелось одно: рабочий день только до обеда, то есть до 13:00, а на часах уже 10:15!.. Можно, конечно, попробовать представить, что творилось у него на душе, но — только попробовать! Юрка буквально ломал руки, проклиная и свой мерзкий характер, и несчастную судьбу, и проклятую папку с документами, которая все не находилась...

Женщина заметила его состояние: "Да, ладно, не нервничай, пока не найду — не уй-

ду". Однако — время шло, а папка как сквозь землю провалилась. Около полудня всех собрали на торжественное совещание, потом уехал домой начальник штаба, добрая женщина тоже все чаще смотрела на часы и вздыхала при мысли о муже и детях. Папки не было. Отъезд домой откладывался до "после праздников".

Наконец, женщина в последний раз вздохнула, искренне сказала "Прости!" и ушла. Юрка одиноко заплакал в коридоре, сидя на короточках у запертой двери. Все пропало.

И тут появился командир. Усмехаясь, он поманил за собой зарванного солдата, вызвал дежурного по части (а дежурил как раз начальник строевого отделения, добродушный капитан), открыл свой кабинет и достал из шкафа злополучное личное дело. Часы показывали 16:45. На возню с документами ушел еще почти час. Ничего не видя от пережитого шока, ни с кем не простившись, Юрка помчался на автобус — ему было уже не до традиций, домой бы к полуночи успеть...

Увы. Опоздал он лишь на пять минут, встретив Новый год в лифте, медленно ползущем на пятнадцатый этаж. И первое, что парень сделал, войдя в квартиру, это набрал домашний номер командира и взбешенно проорал в трубку: "Гад, убью!!!" Полковник в ответ лишь усмехнулся.

Вывод отсюда только один: если вы попали в армию, не обостряйте с ней отношений, и все будет хорошо. Оставьте характер для гражданки.

Итак, ворота за дембелем закрываются, провожающие, немного потоптавшись и вздыхая от зависти, расходятся. Еще немного, и им предстоит то же самое.

Но — оглянитесь! Кто еще смотрит вслед очередному счастливчику? Что это за люди? Это — наверное, самые интересные и загадочные в армии существа — офицеры. От солдат они отличаются уже тем, что приходят служить добровольно, на долгие годы, и это в корне меняет их психологию.

Офицеры — это целый мир со своими законами, парадоксами и сюрпризами. Откройте следующий номер, и вы многое узнаете о них. ■

Makso-Mak

Игры от вока- вока

Никто до сих пор точно не знает, отчего люди попадают в психушку, но одно можно сказать с уверенностью, появилась еще одна вещь, от которой люди сходят с ума, название ей — игровой автомат.

Наступило новое тысячелетие, а с ним и новый век, век виртуальных наркотиков. Да-да, именно наркотиков, нет другого названия этому безудержному стремлению играть снова и снова, нести игровому автомату деньги (зачастую последние), залезать в умопомрачительные долги, и все это лишь с одной целью — играть! А тех, кто пытается дискутировать на тему "Это спорт? Или болезнь?", можно с полной уверенностью обвинить в популизме. Это для шулера спорт, а для того, кто играет против шулера — огромное несчастье, болезнь (иногда с летальным исходом), зависимость хуже наркотической. Сегодня в роли шулера, бич нашего времени — игровой автомат, а его жертва — все мы.

Глава первая. ЗАЗЫВАЛОВО

Совершенно ясно, откуда пошла эта болезнь. Как и очень многое, игровой бизнес пришел к нам из-за рубежа, но, как часто у нас случается, нововведение отфильтровано не было, и ввиду высокой прибыльности насаждается буквально на каждом месте. В особенное негодование приводит реклама всего этого дела. Такой агрессивной подачи, честно говоря, я не припомню, хотя нет, почти так же нам впаривали различные пирамиды типа MMM. Реклама на каждом шагу, ладно бы только в центре города, но ведь нет, на окраинах, в пригородах, даже в деревнях обязательно найдешь яркую иллюминацию, кричащую, бросающуюся в глаза. Такое впечатление, что перед тобой творение не от мира сего. Откуда в нашем захолустье такая красотища? Надо зайти. И заходят, а внутри такие приветливые люди, и если вы не в курсе, все

объяснят и подскажут, куда поставить, и каков соблазн! Поставить рубль и выиграть миллион! И народ заходит, только не понимает, что обратной дороги, скорее всего, уже не будет, очень немногие способны покинуть игорное заведение без последствий для кошелька и для психики.

Автоматы везде, они без спроса вторгаются в нашу жизнь. Задумайтесь, ведь вы уже привыкли, что в продуктовом магазине, рядом с прилавком с мороженым стоит аппарат типа "Столб 777", куда люди с упованием засовывают свои пятики? А помните ли вы, когда он там появился? И какая теперь к нему выстраивается очередь? Посмотрите, кто стоит там? Бомжеватого типа люди, тетки и мужики, даже бабульки, и, конечно же, вездесущие любопытные дети. Нет, они еще не играют, они пока смотрят, смотрят, как взрослые с легкостью кидают в прорезь деньги и потом получают целую гору пятаков, которые выгребают горстями. От такого зрелища ценность денег теряется, потом они начнут просить у родителей карманные деньги, но потратят их не на себя, а на этот автомат. Кому хочется такого будущего для своих чад? Тогда почему мы смирились с тем, что автоматы (эта "столбовая" система первичного отбора predisposed к игре людей, авангард игорной армии) так близко подобралась к нашим домам, причем безо всякого с нашей стороны сопротивления?

В Европе и в Америке игорные клубы расположены в строго определенных местах, в специализированных кварталах, где, кроме казино, ничего и нет. Сразу становится понятно, что если человек идет играть, то делает он это совершенно осознанно, отдавая себе полный отчет в том, что делает, а не как у нас, когда аппараты стоят везде, где есть ты, и уйти от соблазна и побороть любопытство почти нереально. Если у них после 50 минут непрерывной игры автомат сам предлагает остановиться и отдохнуть минут так 10, то у нас можешь рубиться хоть весь день и всю ночь. Сам был свидетелем, когда на одном автомате молодой человек играл без малого четыре часа.

Дошло до того, что даже в Интернете появилась эта нечисть, — игровые автоматы. Теперь, чтобы спустить свои кровные, даже из дома выходить не надо. Подошел к компьютеру, залез на сайт и сиди себе, поигрывай. Есть тут аппараты бесплатные, так, для ознакомления, а есть и серьезная техника, которая и номер вашей кредитки спросит, и поинтересуется, сколько же у вас web money на счете? Так что никуда теперь не деться, нет спокойной жизни, везде достанут! Я вот удивляюсь, как еще народ не пошел и не начал громить все эти клубы и казино, как французские фермеры "макдональдсы". До массовых выступлений, конечно, далеко, но единичные случаи уже имеют место быть. Правда, главные действующие в них лица, проигравшиеся в пух и прах игроки, которые приходят на следующий день и расстреливают всех сотрудников казино, как было недавно в Питере.

Глава вторая. ПСИХОЛОГИЯ

Но почему же люди так упорно идут играть, почему поток не иссякает, а лишь усиливается, подобно горной реке после ливня? Разве народ не в курсе, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке? Знает, прекрасно знает, но лишь в теории. И пока не убедится на собственном опыте, не поверит ни во что. Тем более, что весть о чем-либо крупном выигрыше распространяется быстро, о проигрышах обычно молчат. К тому же существует возможность выиграть, а за это многие готовы отдать почти все. Времена дикого капитализма в нашей стране явственно показали, что народ быстрее поверит в "пирамидальные" 1000 процентов годовых, чем в то, что завтра ему не на что будет купить хлеба. Да еще существует столько статей с советами и наставлениями, как надуть игровой автомат, как его сломать, чтобы он выдал денег сразу и много. Ведь хочется попробовать, а вдруг получится? Дудки. Последняя независимая проверка показала, что почти все аппараты, работающие в столице, абсолютно защищены от какого бы то ни было вмешательства извне. Не взяли их даже специаль-

ные электронные примочки. Автомат скорее сгорит, чем позволит себя надуть.

Что самое страшное, единожды попав в систему, очень сложно устоять, чтобы не вернуться в нее снова. Привыкание происходит за неделю-две. И если посмотреть на проблему именно с этого ракурса, то получается, что игромания встает в один ряд с такими сильными наркотиками как героин и кокаин. Что касается остальных симптомов, то и здесь полное соответствие: секс, пища, сон — все уходит на второй план. Во время игры человек испытывает кайф, автомат постепенно заполняет все в его душе. А самое обидное — люди идут играть от скуки, они вполне обеспечены, но им патологически нечего делать. Еще одна интересная деталь, несмотря на агрессивность рекламы игорного бизнеса, гораздо больше народа попадает в индустрию через посредство своих друзей и знакомых. Иногда бывает достаточно один раз прийти в клуб с кем-то, чтобы потом стать его завсегдатаем. Так что люди, коль уж вы втянулись сами, не стоит тянуть за собой других, не мстите всем и вся за свою ошибку. Не стоит подбрасывать новые человеческие дрова в адскую топку, она и без того пылает уж слишком жарко.

Остановитесь, одумайтесь! Вы хотите обыграть казино? Простите, но это абсолютно невозможно. Казино всегда в выигрыше, иначе они не плодились бы, как грибы после дождя. Любой игровой автомат запрограммирован на отдачу в виде выигрыша определенной суммы, которую в него уже вложили. Обычно колеблется у отметки в 10 процентов. Так что даже если вы выиграли 1000 рублей, не обольщайтесь, это проиграло не казино, просто кто-то до вас проиграл здесь тысяч 10.

А вот эффективного лечения от этой напасти нет. Если есть хоть какая-то вероятность снять наркомана с иглы, то снять игрока с автомата почти нереально. Правда, недавно психиатрические клиники начали предлагать услугу "кодирование от игровой зависимости", поживем — увидим; может быть, узрим рождение панацеи от электронного наркотика?

Глава третья. СТАТИСТИКА

В США в игровую индустрию затянута более 15 миллионов человек. И общественные, и религиозные организации обратились к Джорджу Бушу с петицией об отмене легализации игорного бизнеса и о запрете игорного бизнеса в Интернете. У нас же ничего подобного еще не было и в ближайшее время, скорее всего, не будет.

На Западе существует даже понятие "патологический игрок", их число постоянно растет. Так в Европе их около 1,5 процентов, у нас же, по разным данным, от 3 до 5 процентов, что эквивалентно 4–7 миллионам человек.

Данные министерства по налогам и сборам РФ: в 1998 году в России насчитывалось 800 игровых залов (12500 автоматов), в 2000-м — 2100 залов (32000 аппаратов), в 2003 году насчитывалось более 60 000 заведений по всей стране, в одной только Москве установлено свыше 25 000 игровых автоматов.

Эпилог. КАПЛЯ ЦИНИЗМА

Владельцы игровых заведений отвергают все обвинения в свою сторону, отвечая на редкость веско, точно и расчетливо: "Игорная индустрия изымает излишки денег у населения и передает их в качестве налогов государству. Только за 2003 год мы перечислили в казну 1 млрд.90 млн. рублей".

Что ж, браво, оказывается, они пополняют бюджет, и, видимо, для этого все средства хороши. Кто-то кричит о баснословных налогах в стране?

Не верьте тем, кто хитрит, в год заплатить чуть больше миллиарда с дела, которое приносит "не скажу сколько" (если подумать, цифра получится внушительная, учитывая, что прибыльность каждого автомата, по неофициальным данным, колеблется от 400 до 900 процентов). Что же выходит? С каждой втянутой в оборот души, высосанной и опустошенной, они заплатили по 200 рублей? Дешево же мы стоим...

Бей пасау, моя

Гульнара УМРЯЕВА

подавай

■ Июнь. Лесопарк "Битца". Идёт дождь. Тишина, только собачники стойко исполняют свой долг, выгуливая питомцев. И вдруг "Бей... подавай... мне пас". Иду на шум. Зрелище, представшее передо мной, поразило. Грязные, мокрые, но безумно довольные мужчины... играют в волейбол.

Подойдя поближе, я увидела соседа по лестничной площадке, своего преподавателя физкультуры и даже папиного друга по гаражу. Что заставило их, абсолютно разных людей, придя с работы, несмотря на усталость, бежать в лес и перекидывать мяч через сетку? Пожалуй, это могут понять не все, но уже на следующий день я с радостью играла с мужчинами в волейбол.

Конечно, удивительно, почему в волейбол предпочитают играть в основном люди старшего поколения? Почему на площадке так редко видишь молодых людей? Просто спорт — это как одежда. Сейчас, например, волейбол так же не моден, как ботинки на высокой платформе.

Многие скажут, что играя в волейбол, не получишь такого адреналина, как занимаясь экстремальными видами спорта. Вот что я отвечаю: адреналин победы ничуть не уступает адреналину опасности. А мода на определённый вид спорта зависит не только от количества вырабатываемого адреналина. Большое значение имеет время, эпоха, в которой мы живём. Прослеживается такая тенденция, что сегодня на любительском уровне всё-таки преобладают индивидуальные виды спорта: теннис, гольф, сноубординг.

Кстати, а вы знаете, откуда произошёл волейбол? Существует много версий происхождения этого вида спорта. По одним данным, еще 4 тысячи лет назад древние египтяне занимались похожей на волейбол игрой. Но изобретателем того волейбола, который мы знаем, считается гражданин американского штата Массачусетс Вильям Морган. Именно ему в 1895 году пришла в голову идея приподнять обычную теннисную сетку на высоту

примерно чуть больше двух метров и перекидывать через нее баскетбольную камеру. Крестным отцом волейбола является соотечественник Моргана доктор Харстед из Спрингфилдского колледжа. Он не долго раздумывал над тем, как назвать новую игру. Поскольку ее суть заключается в перебрасывании мяча через сетку, он дал ей имя — "волейбол" (по-английски — "летающий мяч").

К началу XX века энтузиасты волейбола создали кодекс правил. Скоро "летающий мяч" появился в Японии, Китае, на Филиппинских островах. Первые европейские соревнования состоялись в 1907 году в Чехии.

Олимпийское признание волейбола произошло лишь в 1957 году на сессии Международного Олимпийского Комитета в Болгарии. Прошло еще семь лет, прежде чем волейболисты впервые разыграли высшие награды в спорте.

Наши родители до сих пор с удовольствием играют в волейбол. Как правило, это люди 60-х годов. Волейбол для них своего рода ностальгия по ушедшим временам, по их молодости. С помощью него они могут уйти от обыденности, держать себя в хорошей спортивной форме и, наконец, получать неисчерпаемый запас энергии.

Раньше в СССР детей с 5-го класса учили играть в пионербол ("выкидыш" волейбола). Баскетбол, футбол стояли на втором месте. Именно тогда в нашей стране рождались настоящие мировые звезды волейбола. В 60-80-е годы ни одна Олимпиада не проходила без того, чтобы наша сборная не поднялась на пьедестал. Г. Мондзюлевский, Ю. Старунский, В.Зайцев, К.Рева и многие другие составляли волейбольную элиту мирового спорта.

Георгий Мондзюлевский — связующий волейбольной команды СССР, выигравший Олимпийские турниры 1964 и 1968 годов, двукратный чемпион мира, чемпион Европы, неоднократный чемпион СССР, в своей книге "Щедрость игрока" написал 45 волейбольных заповедей. Вот некоторые из них:

3. Не упрекай партнера за ошибки в игре. Лучше похвали его за удачно сыгранный мяч.

4. Игрок, выходящий на подачу, — первая скрипка в команде. В этот момент все остальные — его помощники.

5. Перед тем как подать мяч, обязательно посмотри на половину площадки противника, чтобы не просто ввести мяч в игру, а направить его в наиболее уязвимую для соперника точку.

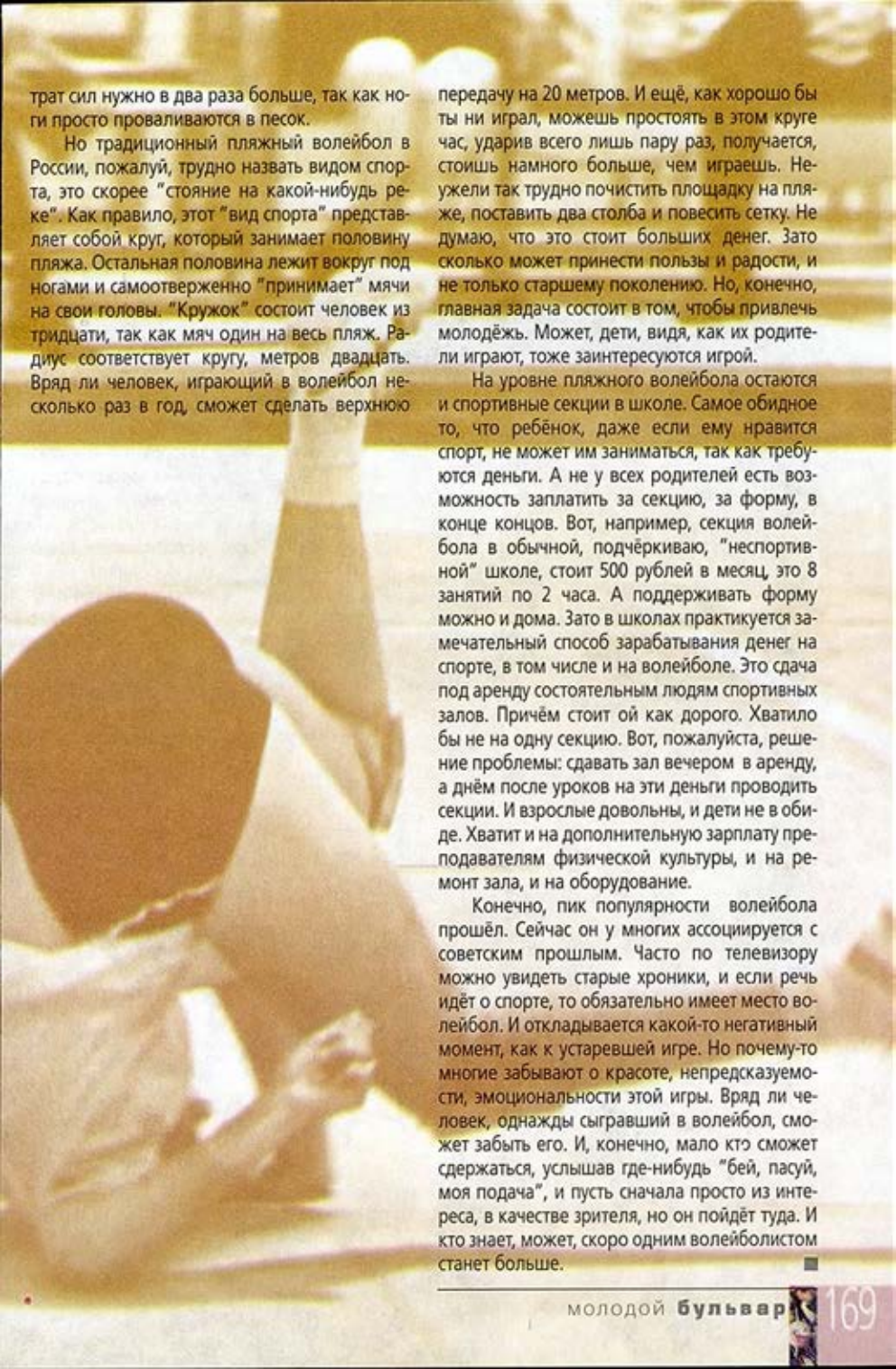
35. Не получился нападающий удар — не спеши винить пасующего, будь самокритичен — ищи свои ошибки.

Из этих правил видно, что главное в волейболе — команда. Также большое значение имеет тонкий математический расчет: когда надо ударить, где у противника слабое звено, кто и когда из соперников будет в каком месте, кто будет ставить блок, куда и с какой силой будет подача. Тренер по волейболу в нашем педагогическом университете, декан факультета физической культуры Виктор Алексеевич Каверин в одном из интервью сказал: "Волейбол — демократичный вид спорта. Здесь компания, эмоции. И играть в основном нужно не руками, не ногами, а головой". И мы много раз убеждались в этом.

Кстати, медициной доказано, что волейбол очень полезен тем, у кого искривленные позвоночники. Также волейбол помогает вытянуться в высоту, особенно у кого проблемы с ростом. Ходит ложное мнение, что этим видом спорта могут заниматься только высокие люди. Уверяю, это не так. Даже будучи 1,5 метра ростом можно выдавать такие пасы, которые никогда не сделает высокий человек. Всё зависит от физических возможностей человека: от стартовой скорости, от высоты прыжка, от техники приёма. Конечно, всему можно научиться, кому-то это дано природой, но в любом случае нужны огромные усилия. Каждый день ходить на тренировки, заниматься своей физической подготовкой, как можно больше проводить время с мячом и с КОМАНДОЙ. Надо ладить не только на площадке, но и в жизни. Если не будет взаимопонимания, не будет игры.

Волейбол существует не только в стандартном виде. Наиболее популярной и, пожалуй, самой трудной его разновидностью является пляжный волейбол. Почему популярной, думаю, не надо объяснять. Каждый хоть раз видел на пляже круг молодых людей, играющих в мяч. Почему трудной? Потому что за-

трат сил нужно в два раза больше, так как ноги просто проваливаются в песок.

Но традиционный пляжный волейбол в России, пожалуй, трудно назвать видом спорта, это скорее "стояние на какой-нибудь реке". Как правило, этот "вид спорта" представляет собой круг, который занимает половину пляжа. Остальная половина лежит вокруг под ногами и самоотверженно "принимает" мячи на свои головы. "Кружок" состоит человек из тридцати, так как мяч один на весь пляж. Радиус соответствует кругу, метров двадцать. Вряд ли человек, играющий в волейбол несколько раз в год, сможет сделать верхнюю

передачу на 20 метров. И ещё, как хорошо бы ты ни играл, можешь простоять в этом круге час, ударив всего лишь пару раз, получается, стоишь намного больше, чем играешь. Неужели так трудно почистить площадку на пляже, поставить два столба и повесить сетку. Не думаю, что это стоит больших денег. Зато сколько может принести пользы и радости, и не только старшему поколению. Но, конечно, главная задача состоит в том, чтобы привлечь молодежь. Может, дети, видя, как их родители играют, тоже заинтересуются игрой.

На уровне пляжного волейбола остаются и спортивные секции в школе. Самое обидное то, что ребёнок, даже если ему нравится спорт, не может им заниматься, так как требуются деньги. А не у всех родителей есть возможность заплатить за секцию, за форму, в конце концов. Вот, например, секция волейбола в обычной, подчёркиваю, "неспортивной" школе, стоит 500 рублей в месяц, это 8 занятий по 2 часа. А поддерживать форму можно и дома. Зато в школах практикуется замечательный способ зарабатывания денег на спорте, в том числе и на волейболе. Это сдача под аренду состоятельным людям спортивных залов. Причём стоит ой как дорого. Хватило бы не на одну секцию. Вот, пожалуйста, решение проблемы: сдавать зал вечером в аренду, а днём после уроков на эти деньги проводить секции. И взрослые довольны, и дети не в обиде. Хватит и на дополнительную зарплату преподавателям физической культуры, и на ремонт зала, и на оборудование.

Конечно, пик популярности волейбола прошёл. Сейчас он у многих ассоциируется с советским прошлым. Часто по телевизору можно увидеть старые хроники, и если речь идёт о спорте, то обязательно имеет место волейбол. И откладывается какой-то негативный момент, как к устаревшей игре. Но почему-то многие забывают о красоте, непредсказуемости, эмоциональности этой игры. Вряд ли человек, однажды сыгравший в волейбол, сможет забыть его. И, конечно, мало кто сможет сдержаться, услышав где-нибудь "бей, пасуй, моя подача", и пусть сначала просто из интереса, в качестве зрителя, но он пойдёт туда. И кто знает, может, скоро одним волейболистом станет больше. ■

■ Электронный проект "Спирали" был создан Ромой-"Диваном" (сценический псевдоним) холодной депрессивной осенью 1996 года после посещения концерта швейцарской группы "The Young Gods", что в стиле "индастриал". В группе он занимается написанием слов, музыки, а также ее программированием. Тогда Диван и не подозревал, во что выльются его первые эксперименты в

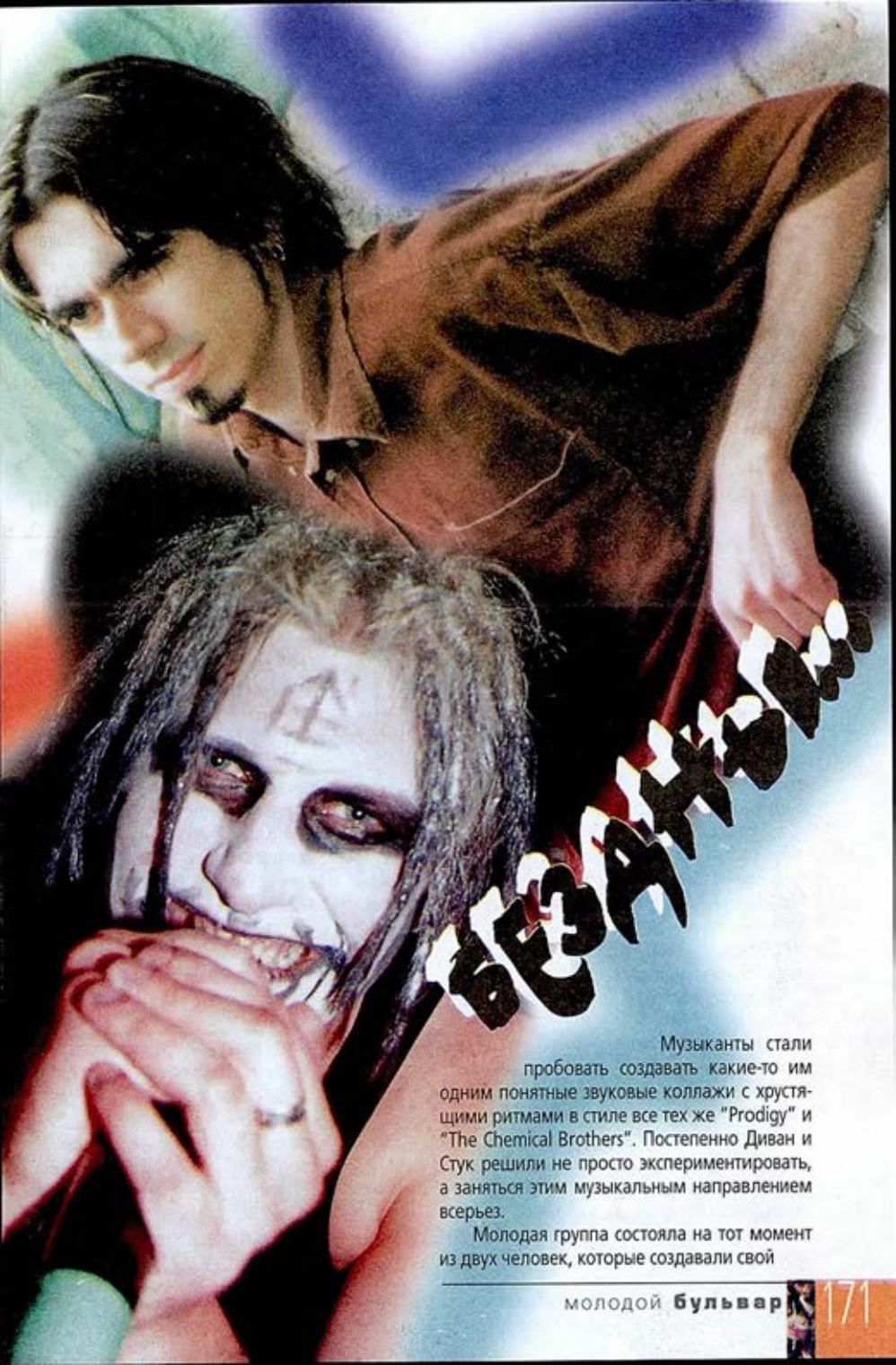
электронной музыке. До этого он играл пять лет на бас-гитаре в тяжелых альтернативных проектах, но склонность к электронно-сэмплированной музыке и стремление к новым формам звука взяли свое — в 1997 году появляется группа "Спирали". Название заимствовали из любимого альбома "The Downward Spiral" команды "Nine Inch Nails".

Первые композиции стилистически представляли собою смесь industrial ambient & melodic trip-hop. Через какое-то время Диван пришел к выводу, что всем синтезаторным звукам нужна хорошая аранжировка и сэмпленные drumloops. Он обратился за помощью к старому знакомому, Владимиру-"Стуку", который в тот момент усердно работал в банковском филиале. Стук с интересом отнесся к предложению Ромы попробовать что-нибудь сделать вместе, так как с детства тоже увлекался музыкой, и ушел из банка.

пространство

БЕЗАНТИ

Музыканты стали пробовать создавать какие-то им одним понятные звуковые коллажи с хрустящими ритмами в стиле все тех же "Prodigy" и "The Chemical Brothers". Постепенно Диван и Стук решили не просто экспериментировать, а заняться этим музыкальным направлением всерьез.

Молодая группа состояла на тот момент из двух человек, которые создавали свой

первый альбом, слушая "The Chemical Brothers" и "Prodigy". Поэтому вполне справедливо, что на своем концерте в Петербурге панки "Prodigy" в качестве support-акта захотели видеть именно их! А когда появилась их видео-работа "Цель" — интерес к группе вырос еще больше.

Всю весну, лето и осень 1997 года ребята провели в своей домашней студии, где под влиянием опять-таки "Prodigy" создавались композиции дебютного альбома "Рыбий жир", вышедшего в начале лета 1998 года на независимой маленькой компании "Street records". Одновременно с этим на музыкальных каналах появляется и первое видео "Спиралей" "Цель", которое снял режиссёр Антон Барматов, позже он снимет клипы для московских альтернативщиков "I.F.K." и "Мумий Троль" ("Владивосток-2000").

В октябре 1998 года после концерта в клубе "Свалка" в составе "Спиралей" появляется Сергей "МС Енот", в прошлом вокалист двух групп, выступающих в альтернативном стиле. Этот музыкант, вдохновленный творчеством коллективов "Korn", "Pantera" и "White Zombie", придал "Спиралам" то, чего им, по их мнению, не хватало: тесного общения с публикой во время выступления и экстремальной энергетики. Он пишет тексты, поет и занимается сценическими постановками, иными словами, устраивает шоу на сцене.

Летом 1999 года "Спиралей" резко изменили состав: группу покинул Стук. В настоящее время он занимается своим проектом "Тр. Эк.". А спустя год в коллектив пришел новый человек — гитарист Евгений Шингарев "S.V. Бэнсон", который до этого также переиграл в составе многих команд.

В таком составе "Спиралей" работают и сейчас.

31 мая 2001 года после практически двухлетнего затишья "Спиралей" возвращаются вместе с новым, долгожданным альбомом "Pro-Test".

В отличие от предыдущего, который был экспериментальным, новый альбом первой российской брейк-бит группы "Спиралей" — сильно концептуальный, наполненный жестким драйвом и обилием брейк-битовых ритмов в сочетании с серьезными текстами.

Большое внимание уделено вокалу и утяжелению звука за счёт гитарной партии, что дает материалу альтернативный оттенок. Каждая композиция является независимой друг от друга.

Альбом состоит из 13-ти треков — 10 из которых — с текстами и гитарным оформлением. "У этих ребят прослеживается тематика футуристического будущего, — сказала Капитолина Деловая, прослушав весь материал, — на "Мегахause" 24 июля 2001 года подобной музыки было немного, и они были одни такие: ярко выраженные альтернативщики".

На данный момент у молодой группы в наличии два альбома и пять клипов: "Цель", "Porno (Если Люди)", "Будет дальше", "Эгоист" и "Хуба Буба Ракс".

— В чем отличие вашего второго альбома от первого, о котором уже, наверно, никто и не вспоминает?

Рома: — Первый (он назывался "Рыбий жир") был экспериментальным, мы только знакомились с этой музыкой. А "Протест" — стопроцентный break beat'овый концептуальный альбом. С текстами, гитарным оформлением. Для его записи мы пригласили и других исполнителей.

— Почему "Протест"?

Р.: — Основная идея — борьба против лицемерия во всех его проявлениях. В одной композиции есть такие слова: "В этом мире все продается: и честь, и совесть, и жизнь, и слава..." То есть буквально все: музыка, политика, тухлое молоко.

— И что вы предлагаете?

Р.: — Предлагаем людям задуматься, насколько они лицемерны.

— Проблема, скажем, ясна, а какое решение вы предлагаете?

Женя: — Мы даем ключ, а у каждого своя дверь и свой замок. Мы тактики, а не стратеги. А если начать кого-то учить — получится наигранно. Ведь редко кому удается действительно с чем-то бороться. Но надо помнить, что это не последний наш альбом. Дальше, может, будет и решение, но завуалированное.

— У вас не возникает желания изменить название группы?

Сергей: — Ни в коем случае! Оно неразрывно связано с нашим творчеством.

— Одно дело назвать группу "Несчастный случай", и всем понятно, о чем идет речь. А "Спираль" — что это? Какой образ должен возникнуть у слушателей?

С.: — Вряд ли это образ, скорее это странство от повседневной жизни до бездны или, наоборот, — в зависимости от мышления человека. Спираль — она постоянна — вся Галлактика крутится по спирали. Так что...

— Рома, я тебя представляла совсем другим, ведь диван — это что-то такое большое и мягкое, а ты такой стройный...

Р.: — Диван — это комок лени. Я должен был приехать на интервью в 12 часов, а сейчас уже полпервого!

— Расскажите о наиболее известном вашем клипе "Цель".

Р.: — Клип был придуман Володей "Стук-ком" (из первого состава бой-бенда), Виктором Мутантом, режиссером Антоном Барматовым и мной. Маска Линды и других известных людей — идея Антона. Он хотел этим сказать, что многие стремятся подражать, быть на кого-то похожим и забывают свое собственное лицо. Мне кажется очень удачным тот момент, когда главный герой эти маски разбирает, а толпа их ловит.

— Я поняла так, что лица обезображены настолько (в духовно-нравственном плане), что люди предпочитают носить маски.

Р.: — Это нормально, каждый может понимать по-своему, прелесть клипа, когда есть над чем подумать!

— Как долго снимался клип?

Р.: — Два дня, но интервал между ними составил полтора месяца! Некоторые герои клипа снимались только один день, а мы, участники группы — оба дня, причем свой день рождения, 17 апреля, я отметил прямо на съемочной площадке. Ко второму дню съемок все успели измениться: отрастить волосы, например. Режиссер был очень доволен. Есть у нас клип на песню "Хуба Буба Ракс". Довольно смешной клип. Но это отдельный сингл, поэтому в альбоме его никогда не будет.

— Я слышала, с вами иногда выступают балерины из "Московского Балета". Как же

совмещаются на одной сцене жесткие ритмы и хрупкие девушки в воздушных пачках?

С.: — Прекрасно совмещаются! И никакой это не стес! Кстати, одна из балерин — моя девушка.

— Она тебя не ревнует?

С.: — Если только к музыке, но это бывает у всех творческих людей.

Ж.: — Когда мы вместе, начинается настоящее шоу! Как-то раз мы возомнили себя Петровым и Васечкиным и устроили беспредел в деревне Наньмово. Надели сомбреро, взяли гитару, синтезатор, издающий народную английскую мелодию "Зеленые рукава", и пошли деньги зарабатывать! Тысячу насобирали. Один человек дал пятьсот рублей! Еще как-то раз, в той же деревне, Енот сизал местным детям, что он инопланетянин. Видимо, ему поверили — стали конфеты носить!

Р.: — А я работал в цирке с карликами, но мне почему-то никто не верит! Смеяться начинают: "А я тогда с планеты Уран!"

Мне было лет шестнадцать. Я играл на бас-гитаре, а мой друг был барабанщиком. Для полного счастья нам не хватало ударной установки, на которую мы никак не могли накопить денег. Вдруг в Одинцово, где я живу, приехал цирк шапито. Им нужны были работницы, и они нас взяли. Что мы только не делали! Строили, носили реквизит, а на представлениях стояли по краям арены, одетые в серые костюмчики. Удивительно, что цирк состоял сплошь из лилипутов, кроме одной девушки. Представляете, акробаты — лилипуты, клоуны — лилипуты, укротители зверей — и те лилипуты!

А когда мы получили долгожданную зарплату, то пошли в магазин за бутылкой "Амаретто". Лилипуты тоже там были — покупали огромные бутылки водки. Сами маленькие, а бутылки полуторалитровые!

— Какие ваши планы теперь, когда вышел долгожданный альбом?

— Будем вести переговоры о совместном пробном сингле с одной известной английской группой, но пока это секрет!

Я не стала говорить, что догадалась, по моему, все ясно и так. Кто еще, если не "Prodiy"... ■

Беседовала **Ольга БЫСТРЫХ.**

Ольга сдала сессию и вздохнула с облегчением: зачеты и экзамены остались позади. Она даже не могла себе представить, что когда-нибудь в жизни наступит момент, когда не надо будет зубрить билеты, просиживать в читальном зале, списывать конспекты у подружек, а затем сидеть перед дверью аудитории, ожидая своей очереди, нервно обсуждая с друзьями-товарищами, кому и какой достался вопрос.

Прошла уже неделя, а Ольга все отсыпалась, тем более что дни в июне стояли дождливые. Но однажды утром, когда неожиданно засветило ласковое солнце, Ольга проснулась очень рано и, лежа в постели, вдруг поняла, что ей совершенно нечего делать. Это ощущение было весьма необычным и, надо сказать, пренеприятнейшим. Тусовки с друзьями не могли заполнить собой все дни, во время учебы в институте тусовки были как отдых после работы, но если "отдых" продолжается с утра и до позднего вечера, изо дня в день, то становится уже не отдыхом, а надоедливым занятием.

Кофе показался ей невкусным, и она, поразившись сама себе, добавила в чашку немного коньяка. Затем налила коньяк в маленькую рюмочку уже просто так, без кофе, и, слегка потягивая прозрачную шоколадную жидкость, подумала: "Наверное, так люди начинают спиваться... От того, что некуда больше спешить... и от того, что некого больше любить..."

Ольга вышла на балкон и вдохнула свежий утренний воздух. В нежных лучах утреннего солнца кружился тополиный пух, будто редкий серебристый снег... С высоты балкона сквозь зеленую листву просматривалась дорога, по которой время от времени проносились машины...

"Еще лет пять назад женщина за рулем была редким явлением, а сейчас машины водят и совсем молоденькие девчонки, и женщины в расцвете лет, и зрелые дамы..." — как бы невзначай пронеслось в голове у Ольги... И вдруг ее осенило: надо пойти учиться в автошколу!

Новые туфли, на которые она копила деньги, подождут. Сейчас лето, можно похо-

Катерина ИЗМАЙЛОВА

автoшкoлa

Ольге было настолько непривычно ощущение того, что не надо никуда идти и можно ничего не делать, что ей стало тоскливо и не захотелось даже вставать с постели. Спешить некуда, да и любить, собственно говоря, тоже некого... Так получилось, что у всех ее подружек были парни, а у нее нет, хотя в метро и на улице Ольга замечала, что мужчины обращают на нее внимание. Но почему-то ни один мужчина до сих пор не заинтересовал ее настолько, чтобы она согласилась просто время от времени с ним встречаться.

Наконец Ольга встала с постели и прошла в кухню: хотя бы кофе надо сварить.

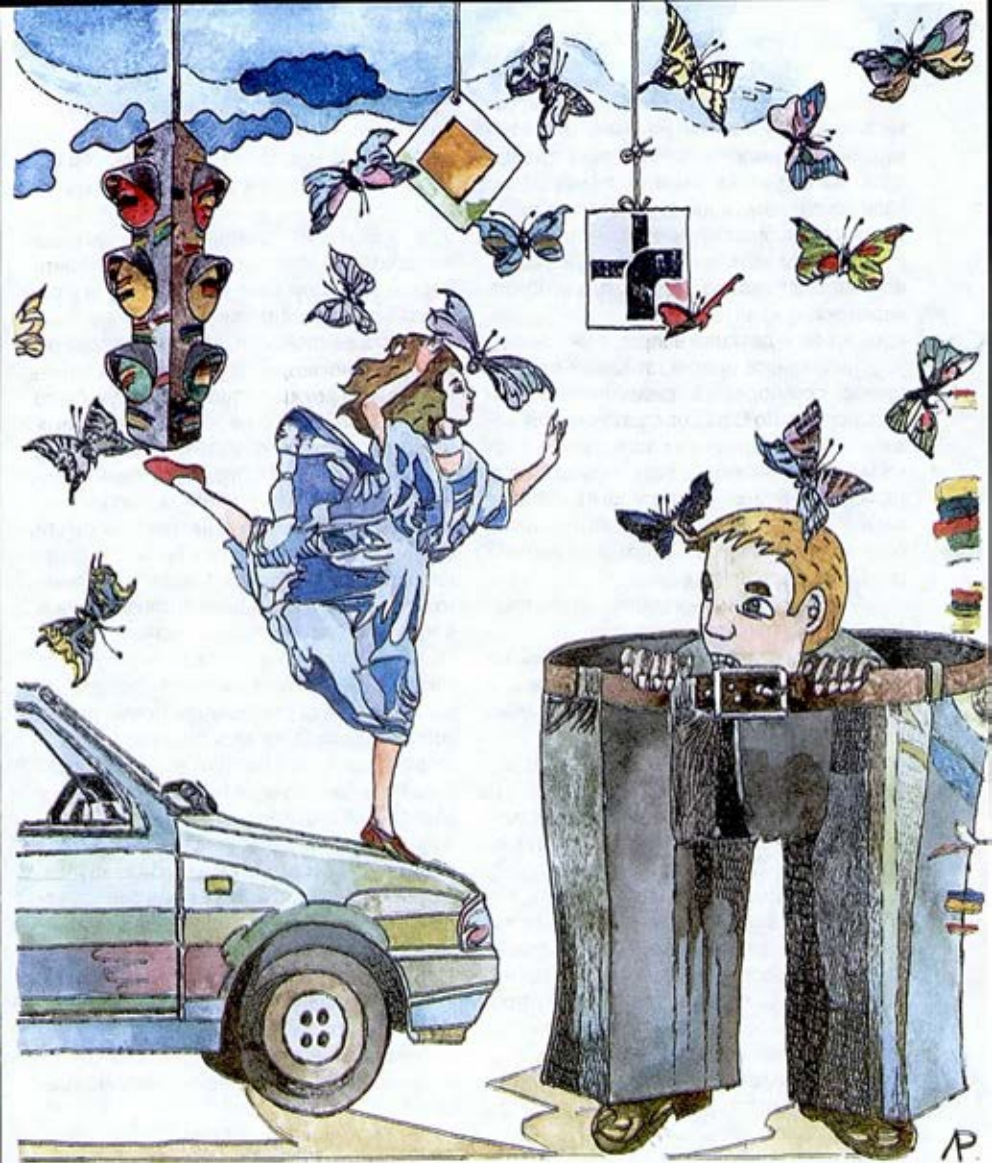
дить и в старых босоножках, а стоимость автошколы (она недавно видела объявление на улице) как раз соответствовала цене пары каких-то башмаков!

Воспрянув духом и чувствуя себя снова при деле, Ольга в этот же день пошла в автошколу и выяснила, что занятия начнутся уже через три дня. Следующая группа набиралась только в сентябре. "Как я вовремя", — подумала она.

Инструктор по вождению оказался мужчиной ничем не примечательным, да Ольга и невдомек было обращать на него особое внимание — так удивительно ощущать себя за рулем!

На первом занятии ее охватило веселье.

— Вы не обращайте внимания, что я иногда буду смеяться по пустякам, — сказала она инструктору. — Это от нервного возбуждения.

— Лучше смеяться, чем плакать, — резонно ответил он. — Некоторые мои ученицы плачут оттого, что у них не сразу получается.

— Плачут? — удивленно переспросила Ольга. — Нет, я плакать не собираюсь.

Сначала они учились просто трогаться с места и останавливаться. Это было не очень трудно, если не считать того, что Ольга при торможении все время норовила задеть бордюр тротуара, что грозило всего-навсего порвать переднюю шину.

Затем они стали учиться делать повороты. Когда других машин не было, Ольга поворачивала вроде бы хорошо, но когда попадались встречные машины, она будто теряла ориентацию, и на одном из таких поворотов почувствовала, что их автомобиль, управляемый ее умелыми руками, неумолимо движется прямо в приближающуюся иномарку.

Скорость была небольшая, и инструктор успел вывернуть руль, но в самый ответственный момент, когда машины почти касались друг друга, Ольга от страха решила нажать на тормоз, да слегка ошиблась — и нажала на педаль газа... Ведь педали газа и тормоза так близко — к тому же их еще и не видно, надо действовать на ощупь, легко перепутать! Она закрыла глаза, и их машина рванула куда-то вперед...

— ...Твою мать! — воскликнул инструктор, еще круче выворачивая руль.

Они чудом не врезались в иномарку, но от резкого виража их машину закрутило и вынесло на обочину, где она благополучно заглохла.

— Ольга! Ты соображаешь, куда едешь! Ведь поехала прямо на встречную машину! У тебя что, нет элементарного чувства самосохранения! — закричал инструктор таким голосом, что у Ольги все внутри сжалось.

Она не выносила крика. Никакого. И в другой ситуации просто не стала бы больше общаться с человеком, который повысил на нее голос. Но в данном случае она чувствовала себя виноватой и поэтому тихо сказала:

— Извините, я просто растерялась.

Из глаз ее готовы были брызнуть слезы, но она отвернулась к окну и сосчитала до десяти. Это помогло.

Прошло несколько минут.

— Ну что, поехали? — успокоившись, спросил инструктор.

— Поехали, — ответила она.

Следующее занятие было на площадке. Надо было научиться разворачиваться в ограниченном пространстве за три приема, заезжать задним ходом в гараж, а также выполнить "разгон-торможение" на дистанции 30 метров за 14 секунд.

Когда инструктор достал секундомер и сказал "поехали!", Ольга лихорадочно нажала на газ, судорожно бросила педаль сцепления, и машина, дав "козла", заглохла.

— Зачем ты бросила педаль газа? — железным голосом произнес инструктор. — Педаль газа отпускают плавно! — В его tone слышалось раздражение. — Давай еще раз, — более спокойно, явно сдерживая себя, повторил он.

Разворот за три приема тоже не получался. Ольга никак не могла вписаться в границу, отведенную поставленными на земле колышками. За пределы "ограниченного пространства" все время выступал то бампер, то крыло, то еще какие-то части машины, названия которых были Ольге не известны... С заездом в "гараж", который тоже состоял из колышков, было еще хуже. Когда машина двигалась задним ходом, понятия "вправо" и "влево" приобретали какой-то фантастический оттенок, смешивались, а иногда становились прямо противоположными. Двигаясь задним ходом и глядя назад, Ольга считала, что крутит руль вправо, а на самом деле крутила влево, и наоборот. Справиться с этим не представлялось никакой возможности.

Иногда она замечала на себе взгляд инструктора и чувствовала, как он злится, когда она в очередной раз по команде "налево" поворачивала направо.

— Ольга, ведь ты нормальный человек, неужели не видишь, что едешь на препятствие?

— Вижу, — грустно отвечала она.

— Тогда почему же не останавливаешься?

— Сама не знаю, почему.

Инструктор тоже начинал раздражать Ольгу. "Как он смеет на меня кричать!" — думала она, когда в очередной раз бросала педаль сцепления в самый ответственный момент, и машина глохла, выезжая с перекрестка. "Он меня почти толкнул!" — в который раз мысленно возмущалась она, когда он силой выхватывал у нее руль, отрывая ее руки, вцепившиеся в него, будто утопающий за соломинку.

Несколько раз Ольга была готова, не дождавшись конца занятия, молча выйти из машины, хлопнуть дверью и больше не приходить на вождение — никогда. Но ее сдерживала какая-то "спортивная злость": ведь другие-то ездят! Можно было обратиться к администрации с просьбой поменять инструктора — но Ольга решила тренировать силу воли и заставить себя общаться с человеком, который был ей неприятен. Хотя в глубине души понимала, что дело не в инструкторе, а в ней самой.

На одном из занятий инструктор попросил сделать разворот за один прием на пустынной улочке, где, кроме них, находились одни фонарные столбы. Когда Ольга прямохонько направила машину в столб, он, вывернув руль в ее руках и нажав на дублирующий тормоз, ударил кулаком по "торпеде" и закричал страшным голосом:

— Что же мне с тобой делать, Ольга! Я просто уже не знаю, как тебя учить!

Она, опустив глаза, честно призналась:

— Вы знаете, я просто боюсь водить машину.

— Если боишься — сиди дома! — еще громче закричал он, и в этот момент она поняла, что он ее почти ненавидит.

— Я не буду сидеть дома, — единственное, что смогла вымолвить она в ответ.

После случая с фонарным столбом Ольга ждала, что инструктор сам откажется от нее как от безнадежной и ненавистной ученицы, но он этого почему-то не сделал. И тогда до нее дошло: ее учитель тоже тренирует свою волю — на ней, как она свою — на нем.

Теперь на очередное занятие Ольга шла, как на пытку. Они оба, встречаясь взглядом, понимали, что с трудом выносят друг друга, но ни один из них не хотел отступать. Цель, правда, была общая, но эта цель не только их не объединяла, но все больше разобщала. Борьба характеров шла не на жизнь, а на смерть. Причем он боролся со своим характером, заставляя себя обучать ее вождению, а она боролась со своим, пытаясь преодолеть страх перед железным движущимся механизмом и неприязнь к жестокости и грубому инструктору.

Как-то раз в воскресный день, побывав на выставке в Центральном доме художника, Ольга шла к метро мимо Парка культуры, а также, кстати, и отдыха. Ее внимание привлекли душераздирающие крики, раздававшиеся со стороны небольшого пруда, по которому граждане катались на водных велосипедах. Но крики исходили не от них. Крики издавал человек, подвешенный за ноги над прудом. Упругий канат, закрепленный на высоком сооружении, похожем на башенный кран, подбрасывал человека вверх и вниз, и он, видимо, получал от этого особое, почти мазохистское удовольствие.

Ольга вспомнила, что однажды в какой-то книге типа "сам себе экстрасенс" прочитала, что есть множество способов преодолеть в себе какой-то комплекс или страх. Способы были как самые простые — принять ледяной душ, пойти на шумную дискотеку, так и более сложные — вскарабкаться на высокую гору, прыгнуть с парашюта...

Она остановилась и, как завороженная, пошла по направлению к аттракциону...

Желающих полюбоваться зрелищем было немало. Меньше было желающих прыгнуть с огромной высоты привязанными за ноги, но такие тоже находились. Самым страшным был момент, когда человек подходил к краю... Ольга будто кожей чувствовала, как жутко стоять там, наверху, и еще страшнее прыгнуть головой вниз, как рекомендовал инструктор. И когда очередной смельчак прыгал, она готова была кричать вместе с ним в первые секунды полета...

Но вот на краю вышки появились двое. Их ноги были крепко связаны вместе... Они стояли на краю, лицом друг к другу, крепко обнявшись...

"Вот так-то лучше, — подумала Ольга. — Так бы и я прыгнула..."

Двое полетели головой вниз, но так и не раскрыли объятий. И только когда канат уже плавно и невысоко подбрасывал их над самой водой, они расцепили руки, весело пытаясь дотянуться до сверкающей поверхности...

Ольга стояла недалеко от вышки и не уходила. Она поняла, что ей просто необ-

ходимо прыгнуть, ведь тогда... тогда она преодолет в себе что-то, что мешает ей жить... Но пойти и купить билет на аттракцион так и не решилась... Тогда она пошла к ближайшему кафе, взяла воды, села за столик, и... слезы закапали у нее из глаз.

— Почему вы плачете? — спросил какой-то парень.

Он сидел за соседним столиком, перед ним стояла кружка пива, но к пиву он, похоже, еще не притрагивался. Вид у парня был убитый. Он тоже смотрел на прыгающих смельчаков, но взгляд его, скорее, был обращен внутрь себя.

— Я не плачу, — ответила Ольга, стараясь незаметно вытереть слезу. — Вам показалось.

— Нет, не показалось, — ответил он и, взяв свою кружку, пересел за ее столик, будто к давней знакомой. Было видно, что он, погруженный в какие-то свои напряженные мысли, даже не задумывается над тем, желает ли она с ним общаться или нет.

— Понимаете, девушка, — продолжал парень, даже не глядя на нее, — мне тоже плохо, как и вам. Я не знаю, почему плачете вы, но я тоже готов заплакать, но не могу — давно вышел из детского возраста.

Ольга поняла, что парню нужно просто выговориться, а ей остается только молчать.

— Вы знаете, что такое безответная любовь? Вернее, любовь эта даже не безответная — если бы так, мне было бы, наверное, легче. Она, мне кажется, просто играет со мной, использует меня, когда хочет, а когда не хочет — исчезает неизвестно куда. Она будто околдовала меня... Моя любовь к ней стала уже болезнью. Да, я болен, я живу только ею. Мое чувство стало просто тяжелой зависимостью. Почти наркотической, если хотите. Я не могу больше так жить, хочу избавиться от этой зависимости, но не знаю, как... В одной книге прочитал, что для избавления от комплексов надо совершить что-то экстремальное — прыгнуть с парашюта, например...

— Давайте прыгнем вместе! — воскликнула Ольга. — Я тоже хочу прыгнуть с этой штуки, но одна не могу! Вы видели, как прыгнули те двое?

— Видел... — ответил он. Глаза его заблестели, и взгляд обратился на окружающее пространство... Он с надеждой посмотрел на Ольгу. — Я тоже один не могу... А вы на нее чем-то очень похожи... У вас такой же умный и живой взгляд...

В этот момент на дороге, которая была достаточно далеко, раздался визг тормозов и какой-то грохот. Тревожные звуки были настолько сильны, что все находящиеся неподалеку люди повернули головы в сторону дороги. Ольга со своим новым знакомым, не сговариваясь, встали, и, влекомые не столько любопытством, сколько мучающим их внутренним напряжением, не дающим спокойно сидеть на месте, устремились к проезжей части...

Картина, которую они увидели, была впечатляющая. Если бы Ольга не наблюдала все своими глазами, можно было сказать, что эту сцену придумал находчивый режиссер...

Столкнулись четыре джипа. Все джипы были черного цвета. В каждом сидели по четыре мужика. И когда водители и пассажиры вышли, все они оказались одинаковыми — накачанные, крепкие, бритые, в черных майках, в широких шортах, у каждого в руках — по радиотелефону, каждый что-то жует, и у каждого походка "враскорячку", будто какие-то невидимые предметы примерно в метр шириной находились у них между ног и мешали ходить нормально.

Никто, к счастью, не пострадал, но машины были изрядно побиты, и добрые молотцы одинаковыми движениями толкали друг друга то в грудь, то в спину, произнося не слышные публике, но всем понятные слова...

— Вот этого я боюсь, вот этого я боюсь... — полушепотом, словно заклинание, повторяла про себя Ольга.

Ее спутник удивленно взглянул на нее:

— Чего ты боишься, я не пойму?

— Пойдем прыгнем, — решительно предложила она, — я тебе потом объясню.

И они, не став ожидать развязки происшествия, направились к аттракциону.

Ольга шла на вышку, словно на казнь, но повторяла про себя: "Это надо сделать", — и шла.

На краю стоять было жутко. Она вцепилась в своего нового знакомого, словно... в руль, когда водила машину, и понимала, что он — такое же слабое средство спасения. Главное средство должно быть в ней самой, но его еще надо в себе найти.

Они стояли над пропастью, крепко обнявшись и глядя вниз. Ольге казалось невероятным прыгнуть в эту бездну.

— Я не смогу, — прошептала она, — не смогу.

— Пожалуйста, прошу тебя, не волнуйся. Я считаю до трех — и прыгаем! — ответил он, и они еще крепче прижались друг к другу.

Люди, гуляющие внизу, остановились и смотрели на них. Водные велосипеды тоже замерли — катающиеся парочки перестали крутить педали и подняли головы вверх. С земли раздались ободряющие крики, кто-то молодецки свистнул.

— Раз, два, три, — четко проговорил парень, и они стали медленно клониться к пропасти. Еще миг — и оба полетели вниз.

Первые несколько секунд были ужасны. Ольга чувствовала, что ее внутренности будто оторвались от своего места и переместились вверх. Затем последовал рывок, падение прекратилось, и их со страшной силой подбросило в воздух. Взрыв в вышину, они снова рухнули вниз... Вдруг Ольга почувствовала, что ей не страшно! Не страшно!

Они по-прежнему держали друг друга в объятиях, то взлетали, то падали вниз, но теперь это было восхитительно! Когда, наконец, движение прекратилось и они просто повисли вниз головой над водной поверхностью, их аккуратно подтянули к берегу и распутали им ноги.

Некоторое время они лежали, не в силах встать, а затем, смеясь, помогли друг другу подняться, встали на ноги.

— Ну как? — спросил парень. — Помогло?

— Во мне что-то произошло. Я пока еще не знаю, что именно, но чувствую, что-то пе-

ременилось, — облегченно вздохнув, произнесла Ольга. — А ты?

— С меня как рукой сняло, — улыбнувшись, ответил он.

— Правда? — не поверила она.

— Правда. Я будто первый день после болезни. А теперь скажи, зачем тебе надо было прыгать?

Ольга смутилась. Она подумала, что если скажет правду, он примет ее за идиотку.

— А... мне, наоборот, необходимо было полюбить одного человека, которого я почти что ненавижу, — ответила она полушутливо.

— Я желаю тебе счастья, — задумчиво проговорил парень.

— Я тоже желаю тебе счастья — от всей души. Да, кстати, а как тебя зовут?

— Михаил.

— А ее?

— Ксения. Но я уже об этом забыл.

— Я желаю счастья вам с Ксенией, — сказала Ольга и поцеловала его на прощание.

На следующее занятие по вождению Ольга шла с необыкновенным чувством. Тронувшись с места и приступив к выполнению упражнений, она вдруг ощутила, как чутко машина реагирует на ее малейшее движение, повинуется легкому повороту руля, послушно отзывается на нажатие педалей. Как только она перестала нервничать и дергаться сама, перестала дергаться и машина.

Инструктор сначала просто замер от того, что она аккуратно въехала задним ходом в гараж, а затем, без малейших ошибок, развернулась за три приема. Он, казалось, боялся ее спугнуть. Тихим голосом, как говорят с больной или сумасшедшей, предложил ей выполнить "разгон — торможение", 30 метров за 14 секунд. Ольга тронулась с места, разогналась, затормозила — секундомер показал 11 секунд — и остановилась точно по линии, без переезда или недоезда.

"Так... хорошо..." — инструктор смотрел на нее внимательным взглядом. Ольга впервые увидела, как он улыбается. У него была хорошая открытая улыбка.

Как-то на очередном занятии инструктор все время поглядывал в сторону машины своего напарника. Тот мучался со зрелой дамой пышного телосложения, вот уже полчаса объясняя ей, как тронуться с места. Инструктор Ольги, в конце концов, не выдержал.

— Сочувствую своему коллеге. Ему предстоит тяжелая задача: обучить женщину столь крупной комплекции — при таком весе трудно водить машину. К тому же она еще скандальная и капризная дама. А мне нравятся худенькие и стройные женщины. Спокойные, терпеливые и не скандальные. Такие, как ты, — добавил он, слегка дотронувшись до ее плеча, вышел из машины и закурил.

Ольга замерла от этих слов и впервые внимательно посмотрела на него. Он уверенной походкой шел к соседней машине... Такая походка бывает только у спокойных, чувствующих свою силу людей...

"А мне нравятся мужчины широкоплечие, подтянутые, спортивные, — подумала Ольга, — независимые, упорные, твердые, умеющие добиваться своей цели... Такие, как..." — на этих словах ее мысль будто споткнулась...

Прошел год. Однажды вечером Ольга ехала на своей машине домой. Впереди была пробка — случилось какое-то дорожное происшествие. Подъехав ближе, она увидела, что на дороге лежит женщина. Над ней в напряженной и отчаянной позе склонился мужчина. Видно было, что пострадавшая — очень близкий для него человек. В фигуре мужчины Ольге почудилось что-то знакомое, и она, несмотря на то, что никогда не стремилась разглядывать несчастные случаи на дороге, остановилась, вышла из машины и приблизилась к мужчине, склонившемуся над женщиной. Да, теперь не было никаких сомнений — это был Михаил, тот парень, с которым год назад она прыгала с "тарзанки".

— Помогите кто-нибудь! — кричал он, обращаясь к обступившей его толпе. — Она почти не дышит, ее надо срочно отвезти в больницу!

Несколько секунд люди стояли молча. Одежда потерпевшей была залита кровью.

— Поехали, Миша! — Ольга осторожно тронула его за плечо. — Успокойся, все будет хорошо.

Ольга никогда не вела машину на такой скорости. Но сейчас это было необходимо, и, несмотря ни на что, она чувствовала себя уверенно. Машина была полностью в ее руках! Она обогнала попутный транспорт, делала повороты, почти не снижая скорости, и другие водители уступали ей дорогу.

В "Склифе" они были через десять минут. Девушку отправили сразу же на операционный стол, а Ольга с Михаилом осталась в приемной ждать результата.

Михаил был просто вне себя.

— Как это могло случиться, как это могло случиться... — твердил он. — Мы переходили дорогу, и она вдруг побежала вперед: ей показалось, что сзади машина. А машина оказалась как раз впереди...

Ольга обняла его, как год назад, на вышке, прижала к себе...

— Кем она тебе приходится? — спросила она.

— Это моя жена, — ответил Михаил.

— А как ее зовут? — спросила Ольга.

— Ксения...

— Та самая?

— Та самая...

Через две недели Ольге домой позвонил Михаил.

— Привет! Ксения идет на поправку, обещали дней через десять выписать. Ты моя спасительница — моя и Ксении. Кто научил тебя так классно водить машину?

— Мой муж, — ответила Ольга.

— Передай привет мужу, а еще низкий поклон. Недельки через три встречаемся вместе — приходите к нам в гости. Идет?

— Идет!

Ольга прошла в комнату, где сидел ее муж, обняла его и поцеловала.

— Тебе завтра рано вставать, — сказала она, — ведь завтра твоя группа сдает экзамены в ГАИ...

Алла ПУСТЫНОВА

Как бы ни сопротивлялась современная мода, но вопрос, возникающий в начале каждого сезона — будет ли опять актуальна одежда из денима, можно просто забыть. Джинсы уже стали незаменимой составляющей частью нашего гардероба. Их носят миллионеры, простые смертные, звезды любого "свечения". И в любом месте — на рыбалке, прогулке, в офисе, даже в театре и ночном клубе.

Почти сто пятьдесят лет назад в США Леви Страус запатентовал модель обыкновенных рабочих штанов для американских золотоискателей из грубой ткани деним синего цвета. Таким образом он оставил миру бесценное наследство, а продолжателем своего дела — безбедную жизнь, поскольку за все вре-

JEANS'

ДЖИНСЫ

мя существования промышленной моды джинсы — самая покупаемая одежда.

Позднее Леви Страус предложил новый цвет — голубой, линейный и выцветший, и в 1971 году получил за эту модель премию американской индустрии моды. Кстати, семидесятые годы прошлого столетия считаются так называемым периодом антимоды, когда провозгласили "дурной вкус — самый лучший вкус". Искаженные пропорции, странные сочетания цветов и материалов. В качестве одежды использовалось все, что считалось некрасивым, мешки для мусора, рваные футболки. Вот тогда-то и появилась мода на рваные джинсы, которые кое-кто надевает и сейчас.

И тогда же в 70-е "джинсомания" захватила даже самых неприступных модельеров, прежде не очень-то признававших массовую одежду. Из этой ткани стали шить не только штаны, но рубашки, пиджаки, сумки, сапоги и кроссовки, шляпы, береты, кепки, даже летние платья и сарафаны. Предлагались все новые идеи, вызванные постепенным креном массовой одежды в сторону молодежной и спортивной моды.

И постепенно джинсы пришли в Высокую моду. Знаменитый французский кутюрье Жан-Поль Готье показал вечернее платье из денима. Публика была шокирована и очарована. С тех пор джинсовые туалеты стали надевать на светские мероприятия. И, кстати, если раньше к джинсам полагались грубые башмаки или спортивная обувь, то теперь модельеры предложили носить вместе с джинсами изящные туфельки на тонких и высоких каблуках, что раньше казалось совершенной безвкусицей, а сейчас воспринимается нормально. Но ведь и джинсовые юбки и брюки тоже изменились.

Сейчас такая одежда переживает новый подъем: созданы новые вариации ткани деним, на них наносят рисунки и аппликации, вставляют всевозможные куски кожи, велвета, замши, комбинируют с бархатом и ситцем в цветочек, украшают стразами, бисером и даже драгоценными кам-

нями. И порой узнать в нарядных брюках привычные джинсы возможно лишь при тщательном рассмотрении.

Уже в течение нескольких лет среди молодежи популярно выставлять напоказ грубые изнаночные швы. Самые последние модели, созданные модельерами-новаторами, напоминают вывернутые наизнанку брюки и юбки. А японский дизайнер Кензо

идею джинсовых швов перенес и вовсе на шерстяные модели из дорогих тканей.

А еще из тонкой "джинсовки" шьют теперь купальники, очень модные в этом сезоне корсеты, и даже нижнее белье, иногда снабжая их традиционными металлическими заклепками.

Увлечение "джинсовкой" дошло до того, что ей посвятили огромную выставку "Джинс-2004", на которой показали свои коллекции не только известные зарубежные компании, но и российские промышленные фирмы и молодые дизайнеры. Эта выставка доказала, что джинсовая одежда никогда не устареет и из нашей жизни ни-

куда не исчезнет. Она универсальна и подходит как для молодежи, так и для тех, кто предпочитает классический стиль.

Некоторые коллекции выглядели очень неожиданными. Например, одна из них была очень женственной и при этом озорной, сделана для кокетливых и стильных женщин. Другая посвящена только детям. Специалисты говорят, что модный детский рынок сейчас бурно развивается. Не только родители, но и дети хотят выглядеть красивыми. Джинсовые костюмчики, юбки, штанишки, платья, саложки и кроссовки — все выполнено с большой выдумкой, фантазией и желанием научить детей одеваться со вкусом.

А одна из коллекций привлекла всеобщее внимание необычными свойствами. Благодаря особым красителям, нанесенным на обычную джинсовую ткань, одежда меняет цвета, светится в темноте, сверкает, переливается разнообразными оттенками. Продвинутая молодежь наверняка такое не пропустит. А какая находка для сцены, особенно для костюмов эстрадных исполнителей.

Кстати, недавно во время гастролей в Москве легендарный белорусский ансамбль "Песняры" выступал в костюмах из джинсовой ткани, специально созданных для него молодым московским дизайнером Сергеем Пугачевым, который сделал уже не одну авторскую коллекцию из этого материала. Его модели украшены не только стразами, аппликациями, но и соединены с различными образцами меха. Одним словом, джинса покорила уже все слои общественной жизни и шоу-бизнес тоже.

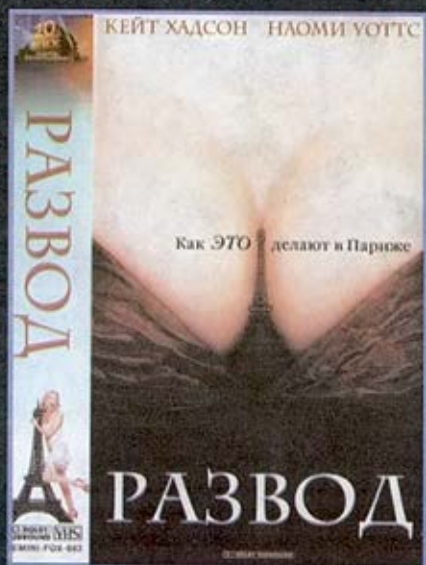
Но все-таки, несмотря на все эксперименты, проводившиеся за прошедшие полтора века, в восприятии людей само понятие "джинсы" всегда будет ассоциироваться с брюками из грубой хлопковой ткани с двойной строчкой по швам, с пятью карманами, которые, по прогнозам специалистов, уже никогда не уйдут из нашей жизни. Говорят, впереди назревает новый джинсовый бум. Каким он будет на этот раз?

ДЕЖУРНЫЙ АПТЕКАР
триллер

Франция. 1 час 30 мин.
Автор сценария и режиссер ЖАН ВЕБЕР
В ролях: ВЕНСАН ПЕРЕС ("Фанфан-Тюльпан"), ГИЙОМ ДЕПАРДЬЕ ("Чти отца своего")
ЗАО "ФИРМА ВДВ", ПУ № 221312103

Янн Лазаррек — аптекар, настоящий профессионал своего дела. Кто бы мог подумать, что этот молодой человек на самом деле — безжалостный маньяк. Случайное знакомство Янна с детективом Франсуа Баррье становится мучительным испытанием для обоих: ведь близким по духу друзьям предстоит стать смертельными врагами. Если уникальный талант блестящего фармацевта аптекар применяет, изготавливая новые, не известные пока науке яды, изощренно расправляясь с так называемыми "загрязнителями" окружающей среды, а его "казни" жестоки и изобретательны, значит, и в душе Франсуа не должно оставаться к нему никакой пощады...

РАЗВОД
мелодрама

Режиссер ДЖЕЙМС АЙВОРИ
В ролях: КЕЙТ ХАДСОН ("Сплетня"), НАОМИ УОТТС ("Звонок")
"ГЕМИНИ ФИЛЬМ", ПУ № 221306103

Французы, как известно — самый легкомысленный на свете народ. Именно это утверждение пришлось на своей шкуре "отработать" милашке Рокси.

Даже привезя из-за океана красавицу-жену, Шарль-Анри не остепенился и не перестал волочиться за чужими юбками. Его жену Рокси мало радовал подобный семейный расклад, поэтому, промучившись какое-то время, она, несмотря на беременность, решила порвать свои отношения с неверным муженьком. Развод ведь еще не конец жизни, и хотя сердце бедняжки разбито, на "ее улице" в скором времени предстоит праздник — когда адвокат, защищающий в суде ее интересы, предложит Рокси руку и сердце.

СОСЕДКА
романтическая комедия

Германия, 1 час 34 мин.
Режиссер ДЕТЛЕФ БУК
В ролях: МОРИЦ БЛЯЙБТРОЙ ("Эксперимент"), ЛЕА МОРНАР, ХАЙКЕ МАКАТШ
ЗАО "ФИРМА ВДВ", ПУ № 221044204

Милашка Мориц Бляйбтрой, прошлым летом посетивший Московский Международный кинофестиваль и в скором времени собравшийся принять участие в одном из российских кинопроектов, и в этом фильме хорош как всегда. Даже если вам наплевать на то, что происходит с главными героинями картины. Посланные матерью-настоятельницей навести порядок в одном из приютов Берлина, они готовы на многое: просить милостыню, разгребать хлам, терпеть грубость неблагодарных подопечных... Но трудно противостоять чарам "змея-искусителя", красавчика Тристана, не привыкшего к отказам молоденьких девиц. А заставить согрешить монахиню — чем не вожденный приз вечно скучающего мачо?

ПОЖИРАТЕЛЬ ГРЕХОВ
фильм ужасов

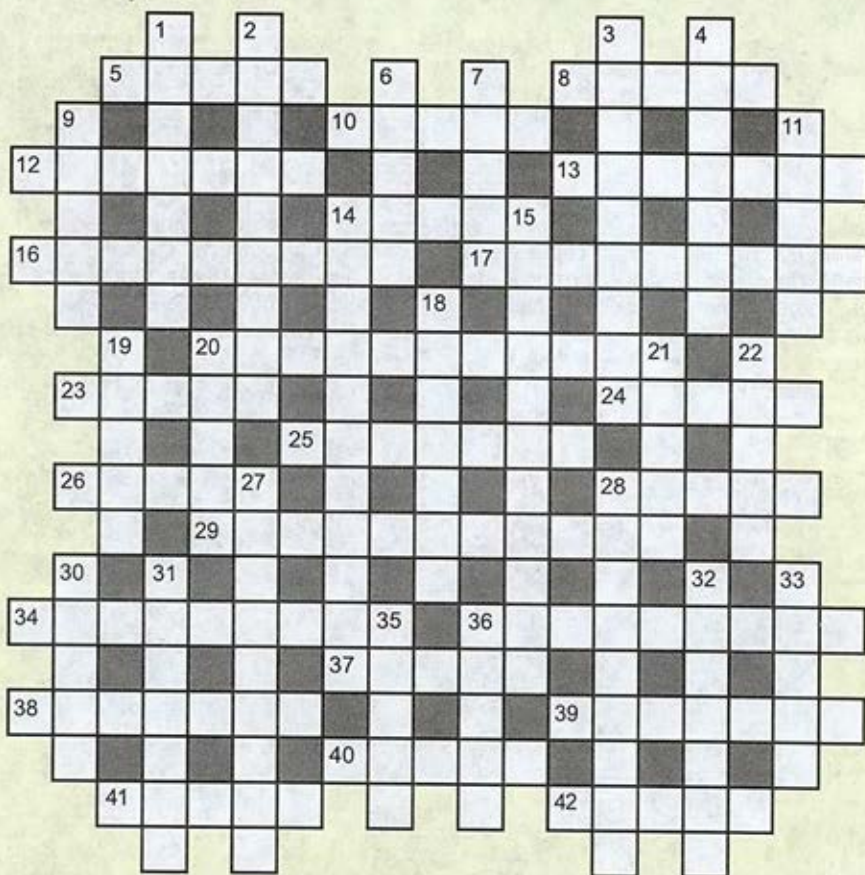
США. 1 час 39 мин.
Автор сценария, продюсер и режиссер БРАЙАН ХЕЛЛЕНД
В ролях: ХИТ ЛЕДЖЕР, ШАНИН СОСАМОН, МАРК ЭДДИ
"ГЕМИНИ ФИЛЬМ", ПУ № 221014104

Сеть мистических смертей вынуждают молодого священника Алекса Бернье — последнего представителя тайного вымирающего ордена каролингов, в давние времена за вольнодумство отлученных от церкви, на деле проверить силу своей веры, сражаясь с служителями тьмы.

Борьба отнимет у него не только все силы, любимую, ради которой он был готов отлучиться от церкви, но и саму земную жизнь.

В бесцельной погоне за бессмертным пожирателем грехов именно ему, Алексу, предстоит исполнить свое тайное предзнаменование, стать его преемником.

Видеогид Наталья Тендора

КРОССВОРД

По горизонтали. 5. "Обезьяний" фактор крови. 8. Несмываемый знак на коже животного. 10. Сладость, не делавшая уста Ходжи Насреддина менее язвительными. 12. Таежное жилье охотника, промысляющего белку или соболя. 13. Молельный дом, оформленный А. Матиссом в конце жизни. 14. Поэт, сказавший о своих шотландских песнях: "Клянусь небом, либо они бесценны, либо ничего не стоят; мне ваших денег за них не нужно!" 16. Птица, часто и долго поющая к хорошей погоде. 17. Самоцвет, древний талисман моряков, путешественников и странников. 20. Звуковая система китайской или шотландской гаммы. 23. Венгерский композитор, у которого "Граф Люксембург" воскликнул: "Как прекрасен этот мир!" — узнав, что "Ева" — "Идеальная супруга". 24. Залив Охотского моря с бухтой Лососей. 25. Живучий цветок, даже листок которого на влажной почве может дать корни. 26. Барс, в Гималаях летом поднимающийся до высоты 5500 метров. 28. Львиная

семья. 29. Обучение, просвещение. 34. Изложение основ учения в форме вопросов и ответов. 36. Литературное преувеличение. 37. Роман Ю. Тынянова. 38. Время пугливой нечисти у суевренных. 39. Житель страны, называемой финнами Виру. 40. Заготовка для шорт. 41. Поповское изобретение. 42. Процесс бытового оголения курицы.

По вертикали. 1. Душистый аврал на пленэре. 2. Землеройная машина. 3. Легкая двухколесная повозка. 4. Имя Лопахина в комедии А. Чехова "Вишневый сад". 6. Рыба в детстве. 7. Название двух рек (одна впадает в Балтийское, другая — в Белое море). 9. Последний этап соревнований. 11. Фига плодовая. 14. Специалист в экипаже самолета. 15. Район, откуда на Русь пришли варяги. 18. Австралийский зверь с ядовитыми шпорами на задних лапах. 19. Хряк, способный сделать из охотника шашлык. 20. Открытый дворик в домах испаноязычных стран. 21. Выход рыжего и белого. 22. Австрийский писатель, бывший в большой дружбе с Р.М. Рильке. 27. Маневр космических аппаратов перед стыковкой. 28. Писатель, чьего предка Иван Грозный посылал в Англию для осмотра племянницы королевы Елизаветы, на каковой хотел жениться. 30. Звонкая тревога. 31. Столярный стол. 32. Знаменитый танец из балета Р. Глиэра "Красный мак". 33. Башкирский поэт, подавший в разбойничий стан Емельки Пугачева. 35. Танцевальное (первоначально) музыкальное произведение, но для слушания. 36. Материал для изготовления окарины. ■

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали. 8. Догма. 10. Рулле. 11. Опера. 13. Асти. 14. Роза. 15. Спас. 17. ...зал. 18. Глюк. 20. Гестапо. 22. Оглядка. 24. Контригра. 25. Неудача. 28. Аистник. 31. Чка. 33. Фитопалеонтология. 34. Хан. 35. Манатья. 39. Аддисон. 42. Кондуктор. 43. Тангенс. 46. Рвотное. 49. Гном. 50. Связи. 51. Жлоб. 52. Шале. 53. Боже. 54. Канал. 55. Ниицу. 56. Индия.

По вертикали. 1. Шоссе. 2. Массака. 3. Аризона. 4. Электрокоагуляция. 5. Берлога. 6. Возглас. 7. Бракт. 9. Маат. 12. Паля. 16. Псоу. 19. Юдин. 21. Почтальон. 23. Грибоедов. 26. Ехидна. 27. Дрофа. 29. Трохи. 30. ...Илико... 31. Чех. 32. Анн. 36. Нанн. 37. Ткемали. 38. Янссенс. 39. Атрибут. 40. Дрожжин. 41. Сено. 44. Аглая. 45. Гоша. 47. Тлен. 48. Облик.

1	2		3		4		5		6		7		8		9	
					10	11				12						
13									14							
					15											
16									17							
							18	19								
20		21		22		23				24		25		26		27
28										29						
						30										
31										32						
						33	34		35							
	36		37		38		39			40		41		42		
43						44				45	46					
						47										
48										49						
						50										
51												52				

Э Р У Д И Т

По горизонтали. 1. Река, погубившая наводнениями больше людей, чем все остальные реки мира. 7. Поставщица сока, из которого делали самый древний на Руси хмельной напиток. 10. Бульон, способный стать студнем. 13. Старший из братьев Карраччи, "истинный человек Барокко". 14. Учитель хора в Древней Греции. 15. "Салунный" фильм. 16. Преподобный, основавший в Белозерском краю знаменитый монастырь. 17. Стальные объятия в космосе. 18. Метрический акцент стиха. 23. Буря аплодисментов. 28. Реформатор, проложивший дорогу Кальвину. 29. Древнейшее население Восточной Сибири. 30. Насморк у врачей. 31. Сосуд в стихотворении Н. Огарева "Алхимик". 32. Юродивый обличитель Годунова у А. Пушкина. 33. Каждый из фашистских символов, поверженных к ногам на Параде Победы. 39. Четвертый халиф, зять Мухаммеда. 43. Американский этнограф и языковед, разработавший классификацию языков Африки. 45. "Ис-

куство надеяться" (Ф. Шлейермахер). 47. Неизменный узаконенный текст. 48. Срочная почта в старые времена. 49. "Разъяренный лев, который, испугавшись собственной тени, свирепо на нее набрасывается" (Гельвеций). 50. Работница, загружающая керамику или кирпичи в печь для обжига. 51. Русский адмирал, чьим именем названы два залива, мыс и остров. 52. Известный журналист XIX века, в профессорскую бытность в МГУ так странно читавший лекции, что никто из студентов в них ничего не понимал.

По вертикали. 2. Степашка из "Марусиной заимки" В. Короленко как отчаянный человек. 3. Соль кислот химического элемента, который в Англии и США до 1950 года называли колумбием. 4. Намек и нашим и вашим. 5. Приверженец религиозно-философского течения, с которым связано возникновение манихейства. 6. Вышедший сановник в средневековых городах-коммунах Италии. 7. Самый большевистский стихотворец, чьим отцом, по И. Гронскому, был поэт К. Р. (Константин Романов). 8. Сужающийся коридор для осмотра и счета скота. 9. Г. Державин: "Здесь Бога жил певец, Фелицы" (место). 11. Немецкий философ и естествоиспытатель, считавший, что царство животных — это человек, разложенный на свои составные части. 12. Одно из многих деревьев, растущих там, где, по преданию, стоял храм в честь Сапфо. 19. Единица веса (сто фунтов) в Испании, Португалии и странах Латинской Америки. 20. "Самый ясный или единственный идеал" М. Лермонтова, по мнению Н. Огарева. 21. Одно из самых обычных деревьев в Квебеке. 22. Рыба, которой Иван и Вера Бунины в одно время питались в Грасе, и которая им порядком надоела. 23. Родина Саади и Хафиза. 24. Музыкальный инструмент европейской монашки. 25. Глиняный или деревянный ставец по сути. 26. Француз, учитель скульпторов М. Козловского, И. Мартоса, Ф. Шубина, Ф. Щедрина. 27. Наименее трудоемкий способ кормления скота. 34. "Удача — ... за смелость" в песне А. Пахмутовой "Надежда". 35. Художник, чьим другом и шурином был Велимир Хлебников. 36. Быстрее аллегро. 37. "Морской ладан" Древней Руси. 38. Божественный кузнец древних греков. 40. Представитель южноамериканского народа, чья главная культура — горький маниок. 41. Адмирал, неизменно сопровождавший Петра I на Плещеево озеро и Белое море. 42. Русский вклад во французский общепит. 44. Композитор, написавший музыку к фильму С. Бондарчука "Ватерлоо". 46. Рыба, которую в Сибири называют — мегдым. ■

ОТВЕТЫ НА ЭРУДИТ, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали. 1. Торговец. 7. Жерех. 11. Егише. 12. Филантроп. 13. Радий. 14. Перст. 15. Рокотание. 16. ...веди... 18. Любка. 21. Язь. 24. Пошиб. 26. Шибанов. 27. Небоскреб. 29. Энтузиазм. 31. Домейко. 32. Баден. 33. Вик. 35. Фазан. 40. Тело. 41. Скарлатти. 43. Рында. 44. Велес. 45. Рюрикович. 46. Уланд. 47. Щукин. 48. Апартеид.

По вертикали. 2.Облако. 3. Генета. 4. Воронцов. 5. Цеппелин. 6. Михраб. 7. Жертва. 8. Редедя. 9. Хойл. 10. Офорт. 17. Издевка. 19. Юбея. 20. Кротон. 22. Вишнуит. 23. Салун. 24. Полица. 25. Октет. 28. Изба. 30. Мансарда. 31. Делакруа. 34. Кекклик. 35. Форсун. 36. Зиндан. 37. Клекот. 38. Ставни. 39. Чибча. 42. Хвоц.

Последний роман Людмилы Улицкой "Искренне Ваш Шурик" за два прошедших месяца с момента выхода стал абсолютным бестселлером в России.

Однако писательница совсем не собирается почивать на лаврах: в самое ближайшее время в магазины поступит еще одна книга — "История про кота Игнасия, трубочиста Федю и Одинокую Мышь".

Эта книга адресована не только взрослым, но и юным читателям.

Почему Улицкая обратилась к детской литературе? Об особенностях написания детских книг и о многом другом Людмилу Евгеньевну расспросил наш корреспондент.

— Ваше обращение к детской литературе продиктовано желанием сменить жанр?

— Открою секрет: детскими книгами я начинала. Первая крохотная книжка-раскладушка была издана в издательстве "Малыш" в глубоко советские времена и называлась "Скучная шуба". Годом позже вышел сборник рассказов для маленьких детей "Сто пуговиц". В лучших дидактических традициях написана, ну прямо как Лев Толстой. Сейчас я бы так не рискнула...

В те годы я писала сценарии для мультипликационного кино. Если быть совсем точной — я училась писать сценарии. Тогда и были написаны эти детские истории. Как и книжка, которая в прошлом году вышла в "Эксмо" под названием "Детство сорок девять". Она не прошла в свое время, хотя пролежала несколько лет в "Детгизе". О ней были добрые отзывы от очень уважаемых людей — писателя Владимира Глоцера и художника Виктора Пивоварова. Возможно, они об этом и не помнят, но я помню отлично.

Двадцать лет тому назад я была матерью довольно маленьких мальчиков и меня детская литература интересовала потребительски, имена детских писателей того времени мне были отлично известны, а вот теперешних новых я совсем не знаю — внуку моему всего два года, так что у меня еще есть шанс заново пройти эту школу.

— Вы планируете еще писать для детей?

— Не планирую. Я вообще ничего не планирую. Кое-что в шкафу лежит. Помню, что была написана детская пьеса про слона. Кажется, смешная. Надо посмотреть. Может, окажется, что ерунда...

— Писать для детей сложнее или проще, чем произведения для взрослых?

— Веселей. Огромное количество вещей, которые портят жизнь и настроение, вообще не существуют в той области, где растут детские книги.

— Все ваши последние книги оформлены просто блестяще. Кто оформлял "Историю кота Игнасия...?"

— Молодая художница Светлана Филиппова. Это издатели ее нашли. Я очень рада. Она только-только начинает, и так хорошо получилось.

— Как, на ваш взгляд, постоянные читатели воспримут вашу "переквалификацию"?

— Нет никакой переквалификации. Пишешь всегда о том, что интересно, существуешь в том пространстве, о котором пишешь. Очень трудно возвратиться в собственное детство, но этот внутренний прыжок необходимо совершить, иначе ничего не получается. По крайней мере, со мной происходило так.

— Сейчас многие авторы обращаются к детской литературе, например, Харуки Мураками. Чем, на ваш взгляд, обусловлена эта тенденция?

— Я думаю, что есть много причин, которые заставляют авторов смотреть в ту сторону. Предполагаю, что одна из них — финансовая. Успех "Гарри Поттера" заставил многих завибрировать. Это — с одной стороны. А с другой — большое счастье пожить в пространстве детства. Кто умеет.

— Ваша книга называется "История кота Игнасия...", а не "Сказка". Почему?

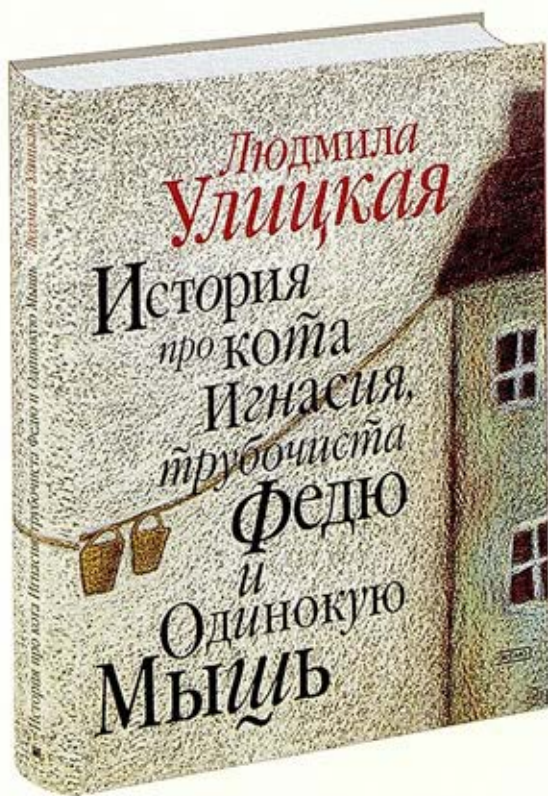
— Тонкое замечание. Сказка — обломок мифа, выплывший на поверхность. А история — то, что автор придумал. Сказка создается на большой глубине, она вещь серьезная. А историю каждый дурак напишет.

— Ваша книга заканчивается довольно грустно: Игнасий передает Мышь, ее замечательный домик-шкаф восстановлению не подлежит... Неужели несчастная Одинокая Мышь оказалась недостойной лучшей доли?

— Вы неправы. У Одинокой жизнь сложилась прекрасно — она перестала быть одинокой, завела себе мужа и друга. Куда уж лучше? И она освободилась от своего недостатка — перестала быть скаредной. А заплатила за это всего лишь ненужным имуществом!

— На каких сказках росли вы и какие читали своим детям?

— Честно говоря, и я, и мои дети не очень задерживались на сказках. Естественное дело, читали — от русских до албано-болгаро-венгро... японских. Но довольно быстро перескочили к мифам, а потом отправились читать литературу "взрослую". "Маугли" Киплинга, "Маленький принц" Экзюпери, разнообразный Диккенс, О'Генри — это литература и для взрослых, и для детей. И таких книг множество.

ПОИГРАЕМ?

IRBIS M

IRBIS L

IRBIS Favorite

IRBIS Lux

Упорно работаете и хорошо отдыхаете?

Теперь на это способен и

ВАШ КОМПЬЮТЕР IRBIS

на базе процессора Intel® Pentium® 4
с технологией Hyper-Threading

Воплощение мечты о машине, скорость которой измеряется тысячами мегагерц, а «тюнинг» вовсе не сводится к регулярной смене скрин-сейверов и обоев на рабочем столе.

Розничные продажи: М.ВИДЕО (095) 777-777-5,
ЭЛЬДОРАДО (095) 5-000-000, МИР (095) 780-0000

www.k-systems.ru

Москва (095) 495-1167, 948-3650
С.-Петербург (812) 327-6556

